

Муниципальное образование Санкт-Петербурга
Муниципальный округ Пискаревка

Память сердца

Воспоминания
жителей МО Пискаревка
о Великой Отечественной войне
1941 – 1945 годов

Книга девятая

Санкт-Петербург
2015

П 15

Память сердца. Воспоминания жителей МО Пискаревка о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Книга девятая. — СПб., 2015 г. — 256 с., илл.

ISBN 978-5-98220-042-X

© Местная администрация внутригородского муниципального образования Санкт-Петербурга муниципальный округ Пискаревка, 2015.

Память сердца

Память сердца

Гляжу я на книги багрового цвета,
Как кисти рябин после жаркого лета;
Как кровь на груди молодого солдата,
Что встал над окопом и поднял гранату;
Как яркое пламя горящего дома;
Как взрыв, прерывающий звук метронома.
А книги — как плиты у стен Пискаревки.
В них правда — как острое жало винтовки,
Как смерть ради Жизни, как Красное Знамя
И Жизнь, победившая в битве с врагами.
Листая священные эти страницы,
Встречаю нередко знакомые лица:
Детей с номерами фашистского гетто
И взрослых, пропавших в концлагере где-то.
А многим несчастным досталась блокада
И все нестерпимые ужасы ада.
Их лица во власти сплошной седины —
Так выглядят старые Дети войны.
Им надо держаться и надо встречаться,
Им с ПАМЯТЬЮ СЕРДЦА никак не расстаться.
Они этой памяти вечно верны,
Чтоб помнили люди Уроки войны.

Олег Павлихин, житель МО Пискаревка

НАРЫШКИН

Сергей Евгеньевич
председатель
Государственной Думы,
председатель Российского
исторического общества

В этом году мы отмечаем 70-летие Победы. В 1945-м советские воины-освободители при поддержке сил антигитлеровской коалиции окончательно освободили Европу от немецко-фашистского захватчика. Это было так. Это — неотъемлемая часть мировой истории.

Но думаю, что у каждого из нас есть своя собственная история о Великой Отечественной войне, рассказанная отцом или дедом, близким или дальним родственником. И каждый год 9 Мая мы вспоминаем эти свидетельства очевидцев, делимся ими с младшими поколениями. Из таких эпизодов во многом и складывается хроника Великой Победы.

И пока это наследие хранится в наших сердцах — живет и сам подвиг.

НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич председатель Комитета Государственной Думы по образованию, председатель правления фонда «Русский мир»

Дорогие читатели! Уважаемые друзья!

В нашей памяти и наших сердцах 9 Мая навсегда останется священным праздником. Прошло уже 70 лет. Но каждый раз в этот день мы переживаем сложные чувства — радость победы, благодарность к тем, кто принес эту победу нашей стране и всему человечеству, скорбь о погибших, ответственность за мир.

Великая Отечественная была поистине народной войной, и она завершилась поистине народной Победой. Наши предки показали всей планете пример несгибаемой воли и несокрушимого стремления к свободе и независимости. Фашисты рассчитывали молниеносно поработить наш народ. Их планы провалились. Советская Армия остановила нацистов под Москвой и била их раз за разом до победной точки — красного знамени, водруженного над рейхстагом.

Мы вечно будем помнить героев великих битв и тех, кто погиб в сражениях за каждую маленькую деревеньку, каждую пядь нашей земли. Мы вечно будем помнить тружеников тыла, ковавших победу в заводских цехах, и мужество блокадного Ленинграда — великого несломленного города.

История предупреждает: пособничество насилию неизбежно ведет к страшным трагедиям. История показывает, как хрупок мир и какие глобальные последствия несет за собой политика абсолютной гегемонии. Многие годы мы были уверены, что эти уроки Великой Отечественной войны выучены навсегда и человечество не допустит разгула нацизма, этнической и расовой нетерпимости, геноцида и надругательства над людьми.

Теперь мы видим: история способна повторяться, в Европе снова звучат нацистские лозунги, а наши братья в Донбассе вынуждены отстаивать свою свободу и достоинство с оружием в руках. И мы, как и наши предки, вновь говорим: фашизм не пройдет, победа будет за нами! Мы хорошо знаем цену миру. Каждая российская семья помнит свои потери, люди бережно хранят военные фотографии, письма с фронта и рукописные рассказы наших дедов и прадедов. О судьбах, обожженных войной, расскажет и эта книга — «Память сердца», ставшая еще одним свидетельством мужества и воли к Победе.

Пока живем — помним! С Великой Победой, друзья!

Память сердца

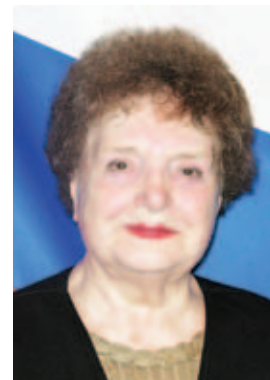

Вера Владимировна СЕРГЕЕВА

Кровопролитные сражения, такие как Курская битва, битва за Москву, Ленинград и Сталинград, освобождение Кавказа, не просто этапы Великой Отечественной войны. Как раз из них и складывалась героическая история нашей страны, общая память о доблести и мужестве великих предков. Самоотверженная любовь фронтовиков к Отечеству – пример для всех послевоенных поколений.

Алла Александровна САМОХВАЛОВА

Великая Отечественная война по сей день остается самой тяжелой и кровопролитной из всех, когда-либо пережитых нашей страной. Однако она была не только драматическим, но и героическим периодом истории советского народа. История войны полна фактов беспримерного мужества миллионов советских людей, беззаветно защищавших свою Родину. И чем дальше мы от того времени, тем величественнее кажутся их подвиги.

Владимир Борисович АБРАМОВ

Мы всегда будем гордиться защитниками, тружениками тыла и жителями Ленинграда, отстоявшими наш родной город в годы блокады. Вечная память героям!

Маргарита Олеговна ОРЛИНСКАЯ

Время неумолимо затуманивает страницы прошлого, все меньше очевидцев тех грозных событий остается с нами, а для повзрослевшего третьего послевоенного поколения Великая Отечественная становится далекой историей. Но совесть и долг перед павшими защитниками блокадного Ленинграда не позволяют нам предать забвению их имена.

Виктория Николаевна ЕВДОКИМОВА

Перед человеческой памятью, перед памятью сердца время бессильно. Годы Великой Отечественной войны и Победа нашего народа никогда не должны быть забыты потомками.

Константин Юрьевич ПОПОВ

Мы должны знать историю народа-победителя, иначе нельзя настоящему научиться любить свою Родину. Опираясь на тысячелетнюю историю нашей державы, необходимо брать из нее все самое великое и достойное. Ведь в ее единстве заключено единство народа и единство России.

Елена Самвеловна НИКОЛАЕВА

Наша страна готовится отпраздновать 70-летний юбилей со дня Победы в Великой Отечественной войне. И наш долг — сохранить и передать потомкам правду о войне, фактах, героях, а также достойно отмечать юбилейные даты, важнейшие события нашей истории.

Алексей Викторович КОВАЛЕВ

Ветераны Великой Отечественной войны заслужили своим ратным подвигом право на справедливую и честную память. Мне очень хотелось бы, чтобы каждый из нас мог сказать всем, кто воевал: «Мы — помним! Мы — гордимся! Поклон вам до земли!»

Виктория Евгеньевна АНДРОСОВА

Победа в Великой Отечественной войне — одно из самых знаменательных событий в истории СССР и современной России. И чем дальше в прошлое уходят 1418 дней и ночей кровопролитных сражений, тем полнее и отчетливее осознается значимость совершенного.

Алексей Викторович КУРЛОВ

В преддверии 70-летия Победы в Великой Отечественной войне мы должны решительно противостоять попыткам фальсифицировать историю. Главная задача молодежи — сохранить память о героических предках.

Великая Отечественная война (1941-1945): что это было?

В статье на материале документов, разработанных руководством фашистской Германии и зафиксировавших его планы относительно СССР, показывается, что в Великой Отечественной войне (1941-1945) наш народ защищался не только от военного нападения фашистской Германии — он отстаивал свое право на жизнь, на существование в качестве самостоятельной национальной общности, в качестве народа, обладающего своей государственностью и самобытной духовной культурой. Победа русского народа в союзе с братскими ему народами в Великой Отечественной войне является поэтому не только военной победой, а событием судьбоносного значения: **ЭТА ПОБЕДА СТАЛА ВТОРЫМ РОЖДЕНИЕМ НАШЕГО НАРОДА.**

Великая Отечественная война была для нашего народа не просто войной. Враг, против которого ему почти четыре года пришлось вести изнурительную борьбу, стремился не только к военному успеху. Он ставил своей конечной целью ликвидацию русской государственности, истребление русских, полное уничтожение их как национальной общности, захват исконных русских земель с последующей их колонизацией. Победа русского народа в союзе с братскими ему народами в Великой Отечественной войне является поэтому не только военной победой, но и событием судьбоносного значения:

ЭТА ПОБЕДА СТАЛА ВТОРЫМ РОЖДЕНИЕМ НАШЕГО НАРОДА. Много военных нападений иностранных государств пришлось нашему народу вынести в прошлом, но ни одно из них не ставило его перед столь опасной и реальной угрозой уничтожения, прекращения существования в качестве субъекта мировой истории, как нападение Германии на Советский Союз. Немецкие фашисты имели в своем распоряжении экономический потенциал почти всей Европы, многие европейские страны сформировали войсковые подразделения для участия в войне против СССР. Не будет никакого преувеличения, если сказать: 22 июня 1941 года в военный поход на наше Отечество снова пошла почти вся Европа.

О Великой Отечественной войне 1941-1945 годов написаны горы книг, постоянно выходят посвященные ей новые произведения, и можно не сомневаться: пока будет жить на Земле русский народ, эта война будет всегда вызывать к себе повышенный интерес как у историков, так и у просто образованных людей, желающих знать и понимать значимые для будущего события прошлого.

История человечества является в значительной мере историей войн. Они возникали по самым разным причинам. Не редкостью были войны, затевавшиеся каким-либо государством с целью уничтожения другого государства со всеми его материальными достижениями, культур-

ными ценностями и живущими на его территории людьми. И бывали случаи, когда такие войны оказывались успешными для нападавшей стороны, а государство, подвергнувшись нападению, исчезало с мировой арены, оставаясь существовать лишь в исторической памяти человечества.

Нападение с подобными целями Германии на Советский Союз представляет собой тем не менее исключительный феномен в мировой истории.

Во-первых, оно произошло в эпоху, когда существовало и действовало международное право, предполагавшее цивилизованные отношения между государствами и ведение войн в соответствии с нормами, запрещавшими сознательное, целенаправленное истребление мирного населения.

Во-вторых, нападение было совершено государством, еще в XIX веке отличавшимся высоким уровнем развития не только материальной, но и духовной культуры, — государством, которое славилось своими университетами, писателями, поэтами, философами и юристами.

В-третьих, это государство, будучи европейским, предприняло попытку уничтожить государство и народ, составлявшие неотъемлемую часть европейской цивилизации не только в географическом и этническом отношении, но и по своей культуре.

В-четвертых, в войне против СССР немцы стремились уничтожить народ, с которым были с давних времен связаны теснейшими социокультурными узами.

В правящей элите России — среди гражданских должностных лиц и армейских командиров — в течение XVIII века и вплоть до 1917 года было много людей, являвшихся немцами по своему происхождению. Немцами по крови было немало и представителей русской интеллигенции. Так, наполовину немцем являлся знаменитый русский мыслитель И. А. Ильин: его мать — Каролина Луиза Швейкерт — была немкой, ее отец и дед Ивана Александровича — Юлиус Швейкерт фон Штадион — происходил из Саксонии.

Именно в германских университетах была подготовлена в начале 30-х годов XIX века плеяда русских правоведов, творчество которых заложило теоретические основы отраслевых юридических наук в России. Впоследствии в российских университетах сложилась традиция направлять будущих преподавателей юридических и философских наук на двухлетнюю стажировку в университеты Германии.

В 60-е годы XVIII века тысячи немцев, отвечая на призыв российской императрицы-немки Екатерины II, переселились в Россию. На территории Поволжья было образовано 106 колоний, объединявших 25 600 немецких переселенцев. К началу XX века здесь было уже 190 колоний с населением 407 500 человек, преимущественно этнических немцев (Wolgadeutschen). 6 января 1924 года была учреждена Автономная ССР немцев Поволжья. Немецкий язык стал

в ней (с 12 июня 1941 года) вторым официальным языком: на нем велось дело-производство, осуществлялось обучение в школах и вузах. На немецком языке издавалась 21 газета. Вторжение немецких войск в пределы СССР изменило отношение советского руководства к немецкой автономии, и 28 августа 1941 года АССР немцев Поволжья была ликвидирована.

Исключительный характер войны, развязанной руководством фашистской Германии против Советского Союза, проявлялся, наконец, в том, что главные ее цели, а именно: ликвидация русской государственности, истребление русских, полное уничтожение их как национальной общности, захват и освоение немцами исконных русских земель, — не только провозглашались и обосновывались идеологически. Готовясь к военному нападению на СССР, германское руководство разрабатывало помимо планов военной кампании довольно подробные программы действий по достижению этих в высшей степени преступных целей. В них определялось: как должно было осуществляться управление обширными пространствами разгромленного Советского Союза; какое количество местных жителей должно было остаться на исконных русских территориях через 30 лет после начала оккупации их немцами; какими способами следовало уменьшать численность русских; каким образом необходимо было использовать материальные и людские ресурсы захваченных немцами

русских земель; в каких бытовых условиях должны были содержаться русские, обращенные в подневольных работников, и т.д.

В тексте приговора, вынесенного Нюрнбергским международным военным трибуналом 1 октября 1946 года, говорилось: «В некоторых случаях военные преступления преднамеренно планировались задолго вперед. В случае войны с Советским Союзом разграбление территорий, подлежащих оккупации и жестокое обращение с гражданским населением были разработаны в мельчайших подробностях до того, как началось нападение».

Разработанные правящими кругами фашистской Германии планы разграбления территории СССР и уничтожения местного населения имели статус государственных документов повышенной секретности, который не был изменен даже после того, как германские войска вторглись на территорию Советского Союза и началось осуществление изложенного в них злодейского замысла. Публичную известность они получили только благодаря тому, что в результате разгрома немецких войск Красной Армией многие архивы фашистской Германии оказались в распоряжении советских исследователей. Изучение указанных документов позволяет узнать глубинные причины войны, развязанной в 1941 году против СССР германским руководством, и вместе с тем понять истинную сущность явления, называемого «фашизм».

Готовя военное нападение на Советский Союз, руководство фашистской Германии изначально рассматривало эту операцию в качестве не только военной акции, но также экономического и политического мероприятия, имеющего судьбоносное значение для немецкой нации.

9 января 1941 года Адольф Гитлер говорил в своей речи на совещании в Ставке вермахта по плану «Барбаросса»: «Гигантские пространства России таят в себе неисчислимы богатства. Германия должна экономически и политически овладеть этими пространствами». Для решения проблем освоения восточноевропейского пространства фюрер создал 20 апреля того же года должность специального уполномоченного, назначив на нее известного идеолога германского нацизма Альфреда Розенберга.

За несколько дней до нападения на СССР в Ставке Гитлера был подготовлен проект директивы №32, определявшей характер действий вооруженных сил Германии после того, как ими будет осуществлен план «Барбаросса». В этом документе, датированном 11 июня 1941 года, в качестве первой стратегической задачи вермахта называлось: «Освоение, охрана и экономическое использование при полном содействии вооруженных сил завоеванного пространства на Востоке».

20 июня 1941 года А. Розенберг выступил с речью о политических целях Германии в предстоящей войне против СССР, в которой заявил: «Мы хотим решить не

только временную большевистскую проблему, но также те проблемы, которые выходят за рамки такого временного явления, как первоначальная сущность европейских исторических сил. Сообразно с этим мы должны сегодня систематически сознавать наше будущее положение. Война с целью образования неделимой России поэтому исключена. Замена Сталина новым царем или выдвижение на этой территории какого-либо другого национального вождя — все это еще более мобилизовало бы все силы против нас. Вместо этой, имеющей, правда, до сих пор распространение идеи единой России, выступает совершенно иная концепция восточного вопроса».

Далее Розенберг говорил о необходимости после захвата территории Советского Союза «выкроить» из нее «государственные образования и восстановить их против Москвы», а именно: «Великую Финляндию», «Прибалтику», «Украину» и «Кавказ». Захваченные же русские территории предполагалось подвергнуть беспощадной эксплуатации: с них должны были вывозиться в Германию не только полезные ископаемые, но все вообще ресурсы. Проживавшее на этих территориях население совершенно сознательно обрекалось на смерть. «Обеспечение продовольствием германского народа в течение этих лет, несомненно, будет главным германским требованием на Востоке, — признавал А. Розенберг в указанной речи, — южные области и Северный Кавказ должны будут послужить

компенсацией в деле обеспечения продовольствием германского народа. Мы не берем на себя никакого обязательства по поводу того, чтобы кормить русский народ продуктами из этих областей изобилия. Мы знаем, что это является жестокой необходимостью, которая выходит за пределы всяких чувств. Несомненно, что необходимо будет провести очень большую эвакуацию и для русских предстоят очень тяжелые годы».

В июле 1941 года Альфред Розенберг возглавил имперское министерство по делам оккупированных восточных областей. В фашистской Германии стал формироваться специальный аппарат чиновников для осуществления поставленной фюрером задачи «экономически и политически овладеть» захваченными немцами пространствами Советского Союза.

Беспощадная экономическая эксплуатация территорий СССР должна была способствовать, по замыслу руководства фашистской Германии, «очищению» их от коренного населения. На совещании по плану «Барбаросса», которое прошло в правительственных кругах фашистской Германии 2 мая 1941 года, было с уверенностью констатировано: «Нет сомнения, что если мы возьмем из России нужное нам, то в результате этого многие миллионы погибнут голодной смертью». Этот вывод, являвшийся одновременно приказом для немецких оккупационных властей, цитировался в приговоре Нюрнбергского международного военного трибунала. Здесь же приводилось заявление

Генриха Гиммлера, раскрывавшее истинные цели германской агрессии против СССР: «В наши задачи, — писал рейхсфюрер в июле 1942 года, — не входит германизация Востока в том смысле, как это понималось раньше, то есть германизация, заключающаяся в обучении населения немецкому языку и немецким законам; мы хотим добиться того, чтобы на Востоке жили исключительно люди чистой немецкой крови».

Гиммлер сделал это признание в газете *Deutsche Arbeit*, в номере, который был посвящен задачам колонизации Востока. Комментируя это высказывание, передовица газеты *Das Schwarze Cop* («Черный полицейский»), печатного органа имперского руководства войск СС, писала 20 августа 1942 года: «Отказ от всех тенденций к германизации отнюдь не нов. Он по меньшей мере того же возраста, что и национал-социализм. В устах рейхсфюрера войск СС как рейхскомиссара по укреплению немецкой национальности этот отказ становится приказом. Именно в этом заключается смысл вышеприведенных слов. Здесь выражается не точка зрения, наряду с которой могут быть признаны законными и другие взгляды; здесь излагается лишь одна единственная программа человеком, который претворяет в действие волю фюрера». Далее в статье приводилось соответствующее место из книги Адольфа Гитлера «Майн Кампф» и делался вывод: «Следовательно, победа на Востоке является лишь предпосылкой для обеспечения нашего будущего; это

обеспечение само по себе осуществится лишь тогда, когда земля, приобретенная в результате священной кровавой жертвы, в той мере, в какой она вообще пригодна для колонизации, станет немецкой, немецкой по людям, которые живут на ней и возделывают ее».

Ни Гиммлер в своей публикации, ни процитированная передовая статья эсэсовской газеты не сочли нужным указать на то, что превратить оккупированную территорию чужого государства в немецкую «по людям» при одновременном отказе от политики германизации можно было лишь при одном условии — полном истреблении местного населения или же выселении его на другие земли.

Между тем в то время уже существовал детально изложенный генеральный план «Ост», предполагавший систематические действия оккупационных властей по «освобождению» захваченных немцами территорий СССР от коренного, главным образом русского, населения. Он был разработан в течение 1941-го — первой половины 1942 годов. Главным управлением имперской безопасности Германии. Согласно этому плану, через 30 лет после окончания войны на территории европейской части СССР должно было остаться не более 14 млн местных жителей. Более 30 млн человек предполагалось выселить с этой территории, остальные должны были погибнуть.

В своих замечаниях и предложениях по генеральному плану «Ост», оформленных в виде документа с датой 27 апреля

1942 года и грифом «совершенно секретно государственной важности», начальник отдела колонизации 1-го главного политического управления министерства по делам оккупированных восточных областей доктор Э. Ветцель откровенно ставил вопрос: «Каким образом можно сохранить и можно ли вообще сохранить на длительное время немецкое господство перед лицом огромной биологической силы русского народа!» Предлагавшиеся им способы решения этого вопроса описывались в указанном документе столь же откровенно. Э. Ветцель сообщал, в частности, что прежние антропологические сведения немецких ученых о русских людях оказались устаревшими и в значительной мере неверными; что «это уже отмечали осенью 1941 года представители управления расовой политики и известные немецкие ученые» и что данная точка зрения «еще раз была подтверждена профессором доктором Абелем». Далее начальник отдела колонизации писал в своих замечаниях по плану «Ост»: «Абель видел только следующие возможности решения проблемы: или полное уничтожение русского народа, или онемечивание той его части, которая имеет явные признаки нордической расы. Эти очень серьезные положения Абеля заслуживают большого внимания. Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается скорей всего в том, чтобы разгромить

русских как народ, разобщить их. Только если эта проблема будет рассматриваться с биологической, в особенности с расово-биологической точки зрения и если в соответствии с этим будет проводиться немецкая политика в восточных районах, появится возможность устранить опасность, которую представляет для нас русский народ».

Для ускорения процесса «очищения» захваченных территорий от местных жителей в фашистской Германии была разработана и внедрена в войска такая методика ведения боевых действий против Советского Союза, которая предполагала массовые убийства мирного населения — женщин и детей.

30 марта 1941 года начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Франц Гальдер записал в своем дневнике: «Война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке жестокость является благом на будущее. Командиры должны пойти на жертвы и преодолеть свои колебания». Напротив этих слов Гальдер сделал пометку «Главкомандующему сухопутными войсками — в приказ».

«Жестокость» становилась, таким образом, требованием, которое немецкие генералы предъявляли вверенным им войсковым подразделениям, превращая их из армейских частей в обыкновенные бандитские формирования. Так, раздел «Ведение боя» в приложении к приказу командующего 4-й танковой группой, датированном 2 мая 1941 года, содержал

следующее предписание: «Война против России является важнейшей частью борьбы за существование немецкого народа... Эта борьба должна преследовать цель превратить в руины сегодняшнюю Россию и поэтому должна вестись с неслыханной жестокостью».

Одним из вопиющих проявлений этой жестокости стали предписания Адольфа Гитлера об уничтожении города Ленинграда, изложенные в директиве начальника штаба военно-морских сил Германии от 29 сентября 1941 года:

«2. Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России дальнейшее существование этого крупнейшего населенного пункта не представляет никакого интереса. Финляндия точно также заявила о незаинтересованности в существовании этого города непосредственно у своих новых границ. <...>

4. Предполагается окружить город тесным кольцом и путем обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха сравнять его с землей. Если в ходе создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты, так как проблемы, связанные с пребыванием в городе населения и его продовольственным снабжением, не могут и не должны нами решаться. В этой войне, ведущейся за право на существование, мы не заинтересованы в сохранении хотя бы части населения».

О том, как этот преступный план осуществлялся на практике, свидетель-

ствуют факты, приведенные в протоколах заседаний чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников о причиненном ими ущербе гражданам, общественным организациям, предприятиям и учреждениям Ленинграда и его пригородов.

Жестокое отношение к населению оккупированных территорий СССР со стороны солдат и чиновников немецких оккупационных властей руководство фашистской Германии не только не считало преступным, но рассматривало его в качестве необходимого, соответствовавшего немецким национальным интересам. Более того, жестокость относительно мирных, не вовлеченных в боевые действия граждан Советского Союза, — как правило, это были женщины, дети, старики, — сознательно навязывалась фашистскими идеологическими доктринами, среди которых ведущую роль играла теория расового превосходства. «Во всех приказах нам напоминали, что мы находимся в побежденной стране и что мы господа этого мира», — писал в своем дневнике немецкий солдат Вили Вольфзангер.

Эти слова подтверждаются многими документами. Так, в изданной 1 июня 1941 года секретной инструкции госсекретаря министерства продовольствия Германии Герберта Бакке содержался целый кодекс правил поведения должностных лиц по отношению к русским на территориях, намеченных к оккупации немецкими войсками. Здесь говорилось,

например: «Ввиду того, что присоединенные территории должны быть надолго закреплены за Германией и Европой, многое будет зависеть от того, как вы поставите себя там. Вы должны уяснить себе, что вы на целые столетия являетесь представителями Великой Германии и знаменосцами национал-социалистской революции и новой Европы. Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия, которые потребует от вас государство. Отсутствие характера у отдельных лиц, безусловно, явится поводом для снятия их с работы. Тот, кто на этом основании будет отозван обратно, не сможет больше занимать ответственных постов и в пределах самой империи».

Вместе с тем германскими властями создавалась правовая основа для освобождения от ответственности военнослужащих германской армии за преступления против жизни, имущества и чести советских граждан. 13 мая 1941 года начальник штаба верховного командования вермахта Германии генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель издал, выполняя поручение Адольфа Гитлера, следующее распоряжение под грифом «совершенно секретно»: «Возбуждение преследования за действия, совершенные военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок...

Поэтому судебный начальник должен тщательно разобраться, необходимо ли в подобных случаях возбуждение дисциплинарного или судебного преследования. Судебный начальник предписывает судебное рассмотрение дела лишь в том случае, если это требуется по соображениям поддержания воинской дисциплины и обеспечения безопасности войск... При осуждении предлагается чрезвычайно критически относиться к достоверности показаний враждебных гражданских лиц».

22 июля 1941 года фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами Германии Адольф Гитлер добавил к изданной им тремя днями ранее директиве №33 «Дальнейшее ведение войны на Востоке» шесть новых пунктов. Последний из них гласил: «Имеющиеся для обеспечения безопасности в покоренных восточных областях войска в виду обширности этого пространства будут достаточны лишь в том случае, если всякого рода сопротивление будет сломлено не путем юридического наказания виновных, а если оккупационные власти будут внушать тот страх, который единственно способен отбить у населения всякую охоту к сопротивлению. Соответствующие командующие вместе с подчиненными им войсковыми частями должны нести ответственность за спокойствие в их районах. Не в употреблении дополнительных охранных частей, а в применении соответствующих драконовских мер командующие должны находить средства

для поддержания порядка в своих районах безопасности».

В результате оккупационный режим, устанавливавшийся немцами на захваченных ими территориях СССР, выливался в режим бесправия и произвола в отношении беззащитного гражданского населения. Убийства мирных людей, совершавшиеся под различными, чаще всего придуманными предлогами, становились массовыми, превышавшими даже потери Красной Армии на полях сражений. Правительство СССР протестовало против такого обращения с мирным населением, нарушавшего нормы международного права, но безуспешно. В приговоре Нюрнбергского военного трибунала преступления немецких захватчиков, совершавшиеся ими на оккупированных территориях СССР против гражданского населения, были названы «чудовищными». При этом был сделан следующий вывод относительно главной цели совершавшихся немцами преступлений: «Из представленных доказательств явствует, что во всяком случае на Востоке массовые убийства и зверства совершались не только в целях подавления оппозиции и сопротивления германским оккупационным войскам. В Польше и Советском Союзе эти преступления являлись частью плана, заключавшегося в намерении отделаться от всего местного населения путем изгнания и истребления его, для того чтобы колонизировать освободившуюся территорию немцами».

При этом в руководстве фашистской Германии вполне сознавали, что уничтожить русских как народ единственно прямым физическим истреблением их или посредством насильственного изгнания со своих территорий и рассеяния по миру едва ли возможно будет осуществить. Поэтому в дополнение к подобным грубым способам уничтожения русского народа в Германии разрабатывались методики ненасильственного решения этой задачи. По свидетельству Германа Раушнинга, Адольф Гитлер говорил однажды: «Мы обязаны истреблять народы так же точно, как мы обязаны систематически заботиться о немецком населении. Следует разработать технику истребления народов. Вы спросите: что значит «истреблять народы»? Подразумеваю ли я под этим истребление целых наций? Конечно. Что-то в этом роде, все к тому идет. Природа жестока и нам тоже позволено быть жестокими... Существует много методик, чтобы последовательным и относительно безболезненным путем, без большого кровопролития, довести нежелательный национальный элемент до вымирания».

В соответствии с такими установками в германских научных центрах была разработана целая программа ликвидации русского народа путем применения так называемых «безболезненных» способов. Она предполагала:

1) «Разделение территории, населенной русскими, на различные политические районы с собственными органами управления, чтобы обеспечить в каждом

из них обособленное национальное развитие...».

В «Инструкции об особых областях» от 13 марта 1941 года, приложенной к «Директиве №21», известной под названием план «Барбаросса», говорилось: «Занимаемая в ходе военных действий русская территория должна быть, как только позволит обстановка, разделена согласно специальным указаниям на отдельные государства с самостоятельными правительствами». При этом планировалось прививать русским, оставленным на проживание в каждом из этих государств (комиссариатов), стойкое чувство, что они чем-то отличаются от русских других государств (комиссариатов). «Нет сомнения в том, — говорилось в замечаниях и предложениях министерства по делам оккупированных восточных областей, — что такое административное дробление русской территории и планомерное обособление отдельных областей является одним из средств борьбы с усилением русского народа».

2) Уничтожение русской интеллигенции как носителя народной культуры, научных и технических знаний, ликвидация русской национальной системы образования.

3) «Ослабление русского народа в равновесном отношении».

4) Подрыв «биологической силы» русского народа. «Есть много путей подрыва биологической силы народа», — писал доктор Э. Ветцель в своих замечаниях на план «Ост». На первое место среди этих

мер он ставил «доведение рождаемости русских до более низкого уровня, чем у немцев». Для достижения этой цели начальник отдела колонизации 1-го главного политического управления министерства по делам оккупированных восточных областей планировал в первую очередь воздействовать на сознание самого населения русских территорий: «Средствами пропаганды, особенно через прессу, радио, кино, листовки, краткие брошюры, доклады и т.п., мы должны постоянно внушать населению мысль о том, что вредно иметь много детей. Нужно показывать, каких больших средств стоит воспитание детей и что можно было бы приобрести на эти средства. Нужно говорить о большой опасности для здоровья женщины, которой она подвергается, рожая детей и т.п. Наряду с этим должна быть развернута широчайшая пропаганда противозачаточных средств. Необходимо наладить широкое производство этих средств. Распространение этих средств и аборт ни в коей мере не должны ограничиваться. Следует всячески способствовать расширению сети абортариев... Следует пропагандировать также добровольную стерилизацию, не допускать борьбы за снижение смертности младенцев, не разрешать обучение матерей уходу за грудными детьми и профилактическим мерам против детских болезней. Следует сократить до минимума подготовку русских врачей по этим специальностям, не оказывать никакой поддержки детским садам и другим подобным учреждениям. Наряду с проведением

этих мероприятий в области здравоохранения не должно чиниться никаких препятствий разводам. Не должна оказываться помощь внебрачным детям. Не следует допускать каких-либо налоговых привилегий для многодетных, не оказывать им денежной помощи в виде надбавок к заработной плате».

Конечный вывод приведенной записки, исходившей из недр германского министерства по делам оккупированных восточных областей, гласил: «Для нас, немцев, важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе».

23 июля 1942 года личный секретарь Гитлера Мартин Борман сообщил своим письмом министру по делам оккупированных восточных областей «партайгеноссе» Альфреду Розенбергу, что фюрер выразил пожелание, дабы политика данного министерства вела к сокращению прироста населения оккупированных восточных областей, чтобы местному населению ни в коем случае не давалось бы более высокое образование — «вполне достаточно обучать местное население, в том числе так называемых украинцев, только чтению и письму», чтобы вместо нынешнего алфавита в школах был введен в будущем латинский шрифт. Заканчивалось письмо Бормана сообщением, что, по мнению фюрера, «для местного населения не следует издавать слишком много законов; здесь надо обязательно ограничиться самым необходимым».

Из данного письма очевидно, что разработанные в германском «восточном министерстве» планы сокращения населения на оккупированных немцами территориях СССР, превращения русских в необразованную людскую массу, лишенную собственного общественного сознания, были полностью одобрены высшим руководством фашистской Германии.

Направленность германской политики на уничтожение нашего народа проявлялась и в отношении немцев к военнопленным. В немецком плену находились представители многих наций, но никто из них не содержался в таких нечеловеческих условиях, как русские, ни с кем немцы не обращались так жестоко, как с русскими, никакие военнопленные не понесли таких потерь, как русские. По данным, приводимым в книге профессора Гейдельбергского университета Кристиана Штрайта «Они нам не товарищи. Вермахт и советские военнопленные в 1941-1945 гг.», из содержавшихся в немецком плену к 31 января 1945 года 893 672 французов умерло 14 147 человек, или 1,58% от общего числа; из 161 386 англичан — 1851 человек, или 1,15%; из 45 576 американцев — 136 человек, или 0,3% от общего числа. Количество оказавшихся в немецком плену советских людей профессор К. Штрайт определил в результате исследования документальных материалов — 5 734 528 человек: из них погибло, по его данным, около 3 300 000, что составляет 57,8% от общего числа военнопленных.

В то же время из 2 389 560 немецких военнопленных, содержавшихся в советском плену, умерло 352 182 человек, или 14,9%.

Советский Союз не признал Гаагскую конвенцию 1907 года о ведении сухопутной войны и Женевскую конвенцию 1929 года о военнопленных. И немецкие власти часто ссылались на этот факт в распоряжениях, ориентировавших на жестокое обращение с находившимися у них в плену советскими солдатами. Так, в правилах по обращению с советскими военнопленными, изданными 8 сентября 1941 года начальником управления по делам военнопленных при верховном командовании генералом Рейнеке, говорилось: «Большевицкий солдат потерял право претендовать на обращение с ним как с честным противником в соответствии с Женевской конвенцией. Следует отдать приказ действовать безжалостно и энергично при малейшем намеке на неповиновение, особенно в тех случаях, когда речь идет о большевистских смутьянах. Неповиновение, активное или пассивное сопротивление должны быть немедленно сломлены силой оружия (штыки, приклады и огнестрельное оружие...). При выполнении этого приказа каждый, кто не употребит своего оружия или употребит его с недостаточной энергией, подлежит наказанию... В военнопленных, пытающихся бежать, следует стрелять без предварительного окрика. Никогда не производить предупредительного выстрела. Использование оружия против военно-

пленных является, как правило, законным».

Однако непризнание Советским Союзом Женевской конвенции о военнопленных совсем не отменяло действия в отношении его граждан, оказавшихся в плену, основных норм международного права, среди которых был и принцип, требующий человеческого обращения с военнопленными. И руководство Германии хорошо это знало. В меморандуме адмирала Канариса начальнику штаба верховного главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршалу Кейтелю, датированном 15 сентября 1941 года и выражавшем протест против указанных правил обращения с советскими военнопленными, заявлялось: «Женевская конвенция об обращении с военнопленными не распространяется на отношения между Германией и СССР. Поэтому применимы лишь принципы общего международного права об обращении с военнопленными. С XVIII столетия эти принципы постепенно устанавливались на той основе, что пребывание в плену в военное время не является ни мстью, ни наказанием, но лишь только превентивным заключением, единственной целью которого является исключение возможности дальнейшего участия солдат в войне. Этот принцип развивался в соответствии с разделявшейся всеми армиями точкой зрения о том, что убийство беспомощных людей или нанесение им увечий противоречит военной традиции... Приложенные к сему декреты об обращении с советскими военнопленными

ми базируются скорее на принципиально иной точке зрения». Кейтель начертил на приведенном меморандуме: «Возражения возникли из военной идеи о рыцарском ведении войны. Это подрыв идеологических основ. Поэтому я одобряю и поддерживаю эти меры».

Осуществление жестокого, выходящего за рамки международно-правовых норм обращения с пленными солдатами Красной Армии планировалось руководством фашистской Германии еще до нападения на Советский Союз. Источники показывают, что подготовка немцами «к строительству лагерей военнопленных началась по меньшей мере в середине апреля 1941 года и что в среднем звене в это время уже было известно, что с советскими военнопленными следовало обращаться гораздо хуже, чем с другими пленными».

Эти намерения были выполнены в самой полной мере. 19 февраля 1942 года министра-директор Мансфельд, выступая с докладом об использовании труда военнопленных, сказал: «Нынешние трудности с использованием рабочей силы не возникли бы, если бы своевременно было принято решение о широком использовании труда русских военнопленных. В нашем распоряжении находилось 3,9 млн русских, из которых осталось лишь 1,1 млн. Только с ноября 1941 года по январь 1942 года умерло 500 000 русских». Таким образом, по признанию самих немцев, в германских лагерях для военнопленных за первые семь меся-

цев войны с Советским Союзом погибло 1 800 000 русских.

Эти цифры ужасают. Неслучайно они привлекли к себе внимание Нюрнбергского международного военного трибунала. Один из подсудимых, начальник штаба оперативного руководства вермахта генерал-полковник Йодль пытался объяснить данные потери истощением русских солдат в боях с немцами. «Окруженные русские армии, — говорил он, — оказывали фанатичное сопротивление, хотя последние 8-10 дней были лишены какого-либо снабжения. Они питались буквально древесной корой и корнями, ибо отошли в непроходимые лесные дебри и попали затем в наши руки в таком состоянии, что едва были способны еще передвигаться. Вывести их было невозможно. В том напряженном положении со снабжением, в котором мы очутились из-за разрушения путей сообщения, было невозможно их всех эвакуировать. Поблизости не было мест для их размещения. Большую часть можно было бы спасти только в результате немедленного и заботливого лечения в условиях госпиталя. Очень скоро начались дожди, а позднее — холода; это и есть причина того, что большинство пленных из-под Вязьмы умерло». Йодль умолчал о том, что главной причиной было жестокое обращение немцев с пленными, которое настойчиво культивировалось фашистскими властями. Между тем сохранилось огромное количество документов, показывающих, как в действительности содержались в немецких ла-

герьях попавшие в плен солдаты Красной Армии. Так, в докладной записке материального советника Дорша рейхслейтеру Розенбергу о лагере военнопленных в г. Минске сообщалось: «В лагере для военнопленных в Минске, расположенном на территории размером с площадь Вильгельмплац, находится приблизительно 100 тыс. военнопленных и 40 тыс. гражданских заключенных. Заключенные, загнанные в это тесное пространство, едва могут шевелиться... Этот лагерь охраняется командой кадровых солдат численностью около одной роты. Охрана лагеря такой малочисленной командой возможна только при условии применения самой жестокой силы. Военнопленные, проблема питания которых едва ли разрешима, живут по 6-8 дней без пищи, в состоянии вызванной голодом животной апатии, и у них одно стремление: достать что-либо съедобное... По отношению к заключенным единственный возможный язык слабей охраня, сутками несущей бессменную службу, — это огнестрельное оружие, которое она беспощадно применяет».

31 октября 1941 года Гитлер принял решение об использовании советских военнопленных в качестве рабочей силы на германских предприятиях. Одним из инициаторов его принятия был Герман Геринг. Выступая 7 ноября на совещании о мерах по исполнению данного решения, рейхсфюрер заявил: «Русская рабочая сила доказала свою эффективность при создании мощной русской промышленности. Поэтому ее следует использовать

к выгоде рейха». Казалось бы при таком подходе к русским военнопленным обращение с ними в немецких лагерях должно было измениться к лучшему. Привлекая на работу, их должны были намного лучше, чем прежде, кормить и содержать. В некоторых случаях, возможно, именно это и происходило. Но в целом положение русских военнопленных к лучшему не изменилось. Смертность в их среде уменьшилась, но она по-прежнему оставалась самой высокой по сравнению со смертностью военнопленных других наций. Кристиан Штрайт пишет по этому поводу: «В период с 1 февраля 1942 года до конца войны, то есть в период, когда ценность советских пленников для немецкого вооружения уже была ясно признана широкими кругами немецкого руководства, умерло около 1 300 000 советских пленников. Это позволяет полагать, что идеологические приоритеты, установленные весной 1941 года для войны на Востоке, оставались определяющими в гораздо большей степени, чем этого следовало ожидать от постоянно повторяемых высказываний о необходимости путем лучшего обращения улучшать работоспособность пленников и тем самым их шансы на выживание».

* * *

Приведенные факты убедительно показывают, что в Великой Отечественной войне (1941-1945) русский народ в союзе с братскими ему народами защищался не только от военного нападения фашист-

ской Германии: он отстаивал свое право на жизнь, на существование в качестве самостоятельной национальной общности, в качестве народа, обладающего своей государственностью и самобытной духовной культурой. Великая Отечественная война была народной и священной войной в самом высоком значении этих эпитетов.

Представлять эту войну в ином свете, например, как столкновение двух тоталитарных режимов, могут в лучшем случае лишь невежественные люди, которые не знают документов, зафиксировавших планы руководства фашистской Германии относительно СССР, не способны осмыслить исторические факты и сделать из них логичные выводы.

Фашистская Германия вела против Советского Союза войну — самую подлую из всех типов войн. Германские вооруженные силы и карательные органы стремились к уничтожению не только армии той страны, в которую вторглись, но и мирного ее населения, не исключая женщин и детей. Эта война оказалась уникальной в военной истории по людским потерям, но самым страшным ее отличием от всех других войн стал тот факт, что количество убитых во время нее среди мирных граждан Советского Союза по меньшей мере в два раза превысило число военнослужащих, погибших на полях сражений.

Великая по масштабам военных действий, по тем ценностям, которые народу нашему пришлось отстаивать в ней, Отечественная война (1941-1945) стала вели-

чайшей по степени выпавших на его долю бедствий. За всю свою многовековую историю наш народ не переживал трагедии большей, чем эта война. Но и победы более великой, чем Победа 1945 года, не было в его истории.

В исторической литературе, посвященной Великой Отечественной войне, часто говорится, что своей победой в ней Советский Союз спас Европу. При этом имеется в виду спасение европейских стран от порабощения фашистскими ордами. Документы, зафиксировавшие планы, которые руководство фашистской Германии вынашивало относительно СССР, его территории и населения, показывают, что победа нашего народа в Великой Отечественной войне имела еще одно спасительное для Европы значение. Содержание этих документов свидетельствует, что в европейском общественном сознании появилась идеология, допускающая решение внутренних проблем одного какого-либо общества, одной какой-нибудь нации путем полного уничтожения другого общества, другой нации. Такую идеологию вполне можно назвать людоедской. Ведь по типу своего поведения государство, стремящееся восполнить недостаток ресурсов, питающих его промышленность, посредством военного захвата территории другого государ-

ства и уничтожения местного населения, ничем не отличается от обыкновенного людоеда.

Экономическое, военное и политическое возвышение Германии вело к утверждению в практике международных отношений приемов «людоедской» политики, а в европейском общественном сознании — «людоедской» идеологии. Европа стремительно превращалась во второй половине 30-х — начале 40-х годов XX столетия в общество дикарей. Все большее число европейских стран вовлекалось в орбиту германского фашизма, становилось пособником гитлеровской Германии.

Победа нашего народа в Великой Отечественной войне, избавив Европу от засилья фашистских орд, предотвратила дальнейшее распространение в европейском общественном сознании идеологии, оправдывающей самые жестокие формы борьбы за территории и ресурсы и, в частности, так называемую «тотальную войну», предполагающую уничтожение целых народов.

*В. А. Томсинов, доктор юридических наук,
профессор, зав. кафедрой истории права
юридического факультета МГУ
Вестник Московского университета.
Серия 11. Право, № 3, 2010, С. 16-34*

Великая Победа и современные интересы международной безопасности

По истечении почти семи десятилетий можно без всякого преувеличения сказать, что победа Советского Союза и стран антигитлеровской коалиции над фашистской Германией и милитаристской Японией действительно имела всемирно-историческое значение, она оказала огромное влияние на все послевоенное развитие человечества. Русский, украинский, белорусский и другие народы были спасены от практически полного истребления, отстаивали свою свободу и национальную независимость. Был сокрушен фашизм (нацизм) с его крайне реакционной человеконенавистнической идеологией. Все человечество было спасено от угрозы фашистского порабощения, спасена мировая цивилизация. Народы Германии, Италии, Японии получили возможность демократического развития, своей современной благополучной жизнью они прежде всего обязаны избавлению от фашизма и милитаризма.

Наша страна и ее Вооруженные Силы сыграли решающую роль в достижении победы во Второй мировой войне. На протяжении всей войны главные силы Германии и ее сателлитов были прикованы к советско-германскому фронту. Против наших войск действовало от 190 до 286 наиболее боеспособных фашистских дивизий, в то время как англо-американским войскам противостояло в Северной Африке от 9 до 20 дивизий, в Италии — от 7 до 26, в Западной Европе (с начала высад-

ки в Нормандии) — от 56 до 75 дивизий. На советско-германском фронте было разгромлено 176 дивизий. 80% общих потерь гитлеровцы понесли в сражениях против Красной Армии. Это относится и к количеству уничтоженного оружия и военной техники.

В общем ходе войны особое место занимают десять стратегических ударов — проведенные в 1944 году на советско-германском фронте решающие наступательные операции, 70-летие которых исполняется в нынешнем году.

Около 7 млн советских воинов непосредственно участвовало в освобождении 11 европейских стран и свыше 1,5 млн — в освобождении Северо-Восточного Китая и Северной Кореи.

Для нашей страны Великая Отечественная была тяжелейшей из всех войн, которые ей пришлось пережить. Эта война унесла свыше 26 млн жизней советских людей, значительная часть из них — гражданское население, погибшее в гитлеровских лагерях смерти, в результате фашистских репрессий, жестокого оккупационного режима, от болезней и голода. Потери нашей страны составили 40% всех людских потерь во Второй мировой войне. Фашисты превратили в руины тысячи городов, поселков, сел и деревень.

Героически сражались на фронте и самоотверженно трудились в тылу сыновья и дочери всех народов нашей страны. Велик вклад в общую победу и украинского

народа — погиб каждый пятый украинец. На протяжении войны несколько фронтов действовало на территории Украины (во второй половине войны — четыре Украинских фронта). Многими общевойсковыми, танковыми, воздушными армиями, дивизиями командовали славные сыны украинского народа.

Вместе с тем российская историография высоко оценивает вклад в достижение победы во Второй мировой войне народов и вооруженных сил США, Великобритании, Франции, Китая и других стран антигитлеровской коалиции. Не забываем мы и о помощи, оказанной нашей стране по ленд-лизу.

Мы, российские ветераны Великой Отечественной войны, с величайшим уважением относимся ко всем сражавшимся в составе войск антигитлеровской коалиции ветеранам Второй мировой войны и готовы сотрудничать с ними, особенно в деле предотвращения войн и конфликтов, противодействия фальсификации истории войны, в которой мы совместно проливали кровь.

Решающий вклад советского народа в достижение Победы был общепризнанным не только у нас, но и за рубежом. У Черчилль был вынужден признать: «Все наши военные операции осуществляются в весьма незначительных масштабах... по сравнению с гигантскими усилиями России». Решающую роль советских Вооруженных Сил в войне признавали и высоко оценивали президент США Ф. Рузвельт и руководители других госу-

дарств. Но в последнее время все это подвергается сомнению, утверждается, будто война с нашей стороны была бессмысленной, никакой победы не было, сопротивление фашистскому нашествию было напрасным, позиция западных стран, ставших на сторону Советского Союза, — ошибочной. Так, в книге американского полковника Р. Хоббса «Миф о победе. Что представляет собой победа в войне?» утверждается, что, участвуя в антигитлеровской коалиции, западные союзники играли на руку Советскому Союзу, хотя интересы Запада в принципе были гораздо ближе и теснее связаны с интересами Германии, нежели СССР.

Зарубежные и отечественные ниспровергатели Победы забывают, какая судьба была бы уготована фашизмом поработоченным народам. Отсюда оправдание власовцев, бандеровцев, дезертиров, бежавших с фронта, и прочих предателей, которые якобы оказались «более дальновидными и прогрессивными людьми», еще тогда начав «борьбу против сталинского режима». А вот все фронтовики и большинство нашего народа были, мол, бессознательной, неполноценной массой, делавшей во время войны не то, что надо было делать. В ряде стран, даже в стане победителей, официально не отмечается День Победы, около ста депутатов Европарламента обратились к главам государств всего мира с призывом бойкотировать празднование Дня Победы в Москве.

За рубежом историю войны фальсифицируют, главным образом потому что

решающая роль СССР в достижении победы над фашизмом требует отвести нашей стране соответствующее место в сегодняшнем мире, а определенные круги на Западе не хотят этого допустить.

Если внимательно приглядеться к событиям последних лет в мире, можно сделать вывод: происходят они далеко не случайно.

Многие документы и исторические факты свидетельствуют о том, что фашистские, милитаристские государства не смогли бы развязать Вторую мировую войну в таком масштабе и принести столько зла своим и другим народам, если бы в подготовке к войне и осуществлении агрессивных планов им не способствовали крупные финансовые и промышленные корпорации Европы и Америки, реакционные силы, политики, которые стояли за их спиной, всячески направляя Германию к агрессии против Советского Союза и других стран. А теперь всячески оправдывают Мюнхенское и другие соглашения, подталкивавшие фашистскую агрессию на Восток, предают забвению усилия Советского Союза по созданию системы коллективной обороны в Европе с целью обуздания фашистской агрессии. Дело дошло до того, что нашу страну объявляют виновником развязывания Второй мировой войны, пересматривают решения стран антигитлеровской коалиции по послевоенному устройству Европы и итоги Второй мировой войны, Хельсинкские соглашения 1975 года о неизменности послевоенных границ. По пери-

метру наших границ от Прибалтики до Курильских островов к России выдвигают территориальные претензии.

Вопреки тому, что Международный военный трибунал в результате Нюрнбергского процесса признал и объявил СС преступной организацией, сегодня недобитые эсэсовцы маршируют с фашистскими флагами и орденами по городам Прибалтики, а Евросоюз не только не осуждает этого, но и воспринимает с определенным сочувствием. Покровительство нацистам особенно нагло и уродливо проявляется на Украине. Это издевательство над миллионами людей, которые отдали свои жизни в борьбе с фашизмом, и живущими ныне ветеранами войны.

Всем известно, что бандеровцы и другие националистические бандитские группировки создавались и содержались во время войны гитлеровским командованием. Только в Белоруссии они сожгли 628 деревень вместе с жителями, в том числе Хатынь. Нацисты устроили в Европе (а также на Украине в урочище Бабий Яр) холокост, утертвив 6 млн евреев, творили неслыханные зверства во многих других странах, убили освободителя Киева генерала армии Н. Ф. Ватутина.

А в феврале 2014 года американцы и представители Евросоюза при помощи этих бандитов, террористов и так называемых ЧВК (частных военных компаний) устроили в Киеве государственный переворот, поставив у власти экстремистов. «Респектабельные» деятели Евросоюза

не брезгают ничем для достижения своих экспансионистских целей.

Если бы Г. К. Жуков, Д. Эйзенхауэр, Б. Монтгомери, Ш. де Голль и другие ушедшие в мир иной ветераны войны из разных стран Европы, Азии и Америки смогли увидеть, как помощник руководителя Госдепартамента США раздает пирожки на киевском майдане, а верховный представитель Евросоюза по иностранным делам там же любезничает с бандитствующими фашистами, в гробах перевернулись бы от омерзения и стыда за тех, кто сегодня под предлогом насаждения «свободы» и «демократии» поддерживает фашистов и бандитов.

Все чаще ставится под сомнение великая освободительная миссия Красной Армии. Особенно странно и оскорбительно слышать заявления некоторых историков, политиков, журналистов об «оккупации советскими войсками Прибалтики, Польши и других европейских стран». Но если бы наша армия остановилась у границ Прибалтики, Польши, Чехословакии, кто освободил бы их от фашистской оккупации? Сами они не могли этого сделать. Поляки в конце 1944 года подняли восстание в Варшаве, но оно было жестоко подавлено.

Что касается западных союзников, то уже после арденнских событий в конце 1944 года стало ясно: они не в состоянии без участия советских войск освободить всю Европу. Ялтинские соглашения обязывали страны антигитлеровской коалиции добиться полного разгрома и безого-

ворочной капитуляции Германии. Ни при каких обстоятельствах нельзя было оставлять фашизм недобитым. Если бы Гитлер получил передышку, Германия могла бы собраться с силами и начать добиваться сепаратных соглашений с некоторыми из наших союзников (к сожалению, такой процесс подспудно уже шел). Если бы это случилось, провозглашенная политическая цель Второй мировой войны и тем более Великой Отечественной войны не была бы достигнута. Да и немецкому народу это не дало бы ничего, кроме новых лишений и страданий.

Теперь же вопреки тому, что только за освобождение Польши отдали жизни 600 тыс. наших воинов и 1,5 млн — за освобождение Европы, нас зачислили в разряд не освободителей, а «оккупантов». В ряде стран Европы приходят к власти деятели, благосклонно относящиеся к идеям радикального национализма, граничащего с нацизмом. В общественных кругах все больше задают тон идейные наследники крайнего радикализма. Даже в Германии, где в обществе в целом превалировали антифашистские установки, многое начинают пересматривать.

Речь не о примирении. Оно в интересах наших народов. Но ни при каких обстоятельствах нельзя сдавать наши антифашистские позиции. В нашем историческом прошлом ныне начинает более ясно и конкретно проявляться многое из того, о чем мы по разным причинам не всегда писали и говорили прямо и опре-

деленно. Например, о том, как влиятельные промышленные и финансовые круги усиленно помогали возродить германскую экономическую и военную мощь и даже во время войны скрытно помогали Германии железом, каучуком и другими стратегическими материалами. Или о том, почему так долго откладывали открытие Второго фронта в Европе; зачем в конце войны без особой военной надобности разбомбили и разрушили Дрезден или сбросили атомные бомбы на японские города, когда поражение Японии было уже предрешено.

Один из высокопоставленных политических деятелей США заявил: «Бомбы были сброшены в Японии против Советского Союза». И Дрезден был разрушен для устрашения Советского Союза, когда война уже заканчивалась. А план разработанной в 1945 году по указанию У. Черчилля операции «Немыслимое» предусматривал использование германских военнопленных в случае боевых действий Британии и США против СССР.

Несмотря на то, что геополитическая обстановка, сложившаяся в 1939-1941 годах после нападения фашистской Германии на Польшу и Советский Союз, а также интересы собственной национальной безопасности вынудили западные страны встать на сторону антигитлеровской коалиции, в них были политические силы, которые тормозили победное завершение войны против фашизма, что увеличивало жертвы и создавало предпосылки для перехода от нее к «холодной войне».

Еще в 1941 году один из таких деятелей, Г. Трумэн (в 1945 году сменивший Ф. Рузвельта на посту президента США), говорил: «Если будут одерживать верх немцы, нам надо помогать СССР, если будут побеждать русские — помогать Германии. И пусть они как можно больше убивают друг друга».

«Трумэны» дают знать о себе и сегодня. В США и Европе они все больше активизируются и задают тон в политике. Эта линия в других формах, свойственных «холодной войне», проводилась все послевоенные годы. С достижением Советским Союзом стратегического паритета в ракетно-ядерных вооружениях страны НАТО, опасаясь большой войны, сделали главную ставку на развязывание локальных войн, вооруженных конфликтов, обеспечивающих достижение политических целей по частям, и на новые формы противоборства на международной арене с применением так называемой «мягкой силы». В итоге не стало Советского Союза, что Президент России В. В. Путин назвал крупнейшей геополитической катастрофой XX века.

Несмотря на исчезновение СССР, военная организация НАТО, которая официально создавалась для противодействия «советской военной угрозе», продолжает существовать. Советские войска ушли из Европы, а американские войска и базы там остались. Западные вдохновители этих перемен заявляли, что войска и базы НАТО не будут перемещаться в восточноевропейские страны,

вышедшие из Варшавского договора. Но их заявления оказались блефом и очередным циничным обманом. Войска НАТО и их базы все дальше продвигаются на Восток. В некоторых странах устраиваются «цветные революции», проводятся иные подрывные действия. Югославию, Ирак, Ливию и некоторые другие непокорные страны разбомбили. Террористы, которых должны были уничтожить, терзают Сирию. По этой же схеме предприняты подрывные действия на Украине. Даже такой нейтральный человек, как экс-президент Чехии В. Клаус, вынужден заявить: «Да, изменения геополитической ситуации случились. В твоих глазах *(обращается к журналисту, задавшему вопрос. — Ред.)* в этом виноваты Россия и Путин. Но это абсолютно инфантильный и глупый взгляд. Данную ситуацию спровоцировали европейский Запад и США, которые очень сильно хотели конфронтации с Россией и использовали Украину как убогий, печальный, несчастный инструмент для достижения этой цели. Спровоцировал эту ситуацию ни в коем случае не Путин, а наши товарищи в Западной Европе и США».

В том, что это именно так, никто не сомневается. Сугубо террористический почерк, даже такой элемент, как провокационное применение снайперов в Киеве, мало отличается от того, что было в других странах. Особенностью подрывной операции Запада на Украине является то, что американские и европейские спецслужбы не нашли опору среди украинцев.

Основную ставку они сделали на обучавшихся в США баптистов, сайентологов и приверженцев прочих тоталитарных сект, своих ставленников типа А. С. Гриценко, крайних радикалов-националистов вроде Д. А. Яроша. На майдан приезжал даже прошедший обучение в США М. Н. Саакашвили.

Американские спецслужбы и спеццы некоторых других европейских стран считаются мастерами высочайшего уровня в области дезинформации, но в последнее время не дотягивают даже до уровня А. Даллеса и П. Й. Геббельса. Так, усиленно распускаются слухи и делаются официальные заявления о вмешательстве России в украинские дела, и в то же время американский директор ЦРУ Д. Бреннан навещает Киев и дает рекомендации о том, как подавить оппозицию в восточных городах Украины. Американские спецслужбы курируют переворот в Киеве. Государственные деятели высокого ранга из США и Евросоюза выступают на майдане, оказывают поддержку самозванным правителям в Киеве, которые пришли к власти в результате государственного переворота.

Официальный представитель Государственного департамента США В. Нуланд прямо говорит в телефонном разговоре: нельзя допускать к власти В. В. Кличко, он слишком самостоятелен, а А. П. Яценюк — человек управляемый, поэтому больше устраивает их.

Когда В. Ф. Янукович был у власти, на Западе заявляли, что ни при каких обсто-

яательствах нельзя применять силу против митингующих. «Беркут» был безоружен (без патронов). А после переворота по существу была дана команда украинским властям начать гражданскую войну на юго-востоке страны. На территорию Украины были введены иностранные войска под видом частных военных формирований.

В Киеве ничего не делается без консультаций с американским посольством и многочисленными советниками. Спикер Верховной рады А. В. Турчинов в телефонном разговоре с Генеральным секретарем ООН Пан Ги Муном предложил провести совместную операцию с силами миротворцев ООН на востоке Украины. По инициативе Нидерландов в стране появилась многонациональная инспекционная миссия военных наблюдателей. Весь последний этаж здания Службы безопасности Украины (СБУ) полностью занят американскими специалистами. Сотрудникам СБУ туда доступа нет. Как сообщали СМИ, именно по настоянию американских специалистов были предприняты карательные экспедиции по силовому подавлению выступлений народных масс на юго-востоке страны в ответ на нежелание самозванного руководства в Киеве учитывать интересы русскоязычного населения Украины. Как же должен реагировать народ, если раздаются призывы запретить разговаривать на родном языке?

Нам без конца толкуют о свободе слова, и вместе с тем именно западные надзиратели подталкивали украинские власти

к прекращению вещания на Украине российских телеканалов.

Главная геополитическая цель США и Евросоюза состоит в том, чтобы столкнуть между собой Россию и Украину, и, судя по всему, ради этого они готовы пойти на самые крайние и опасные шаги. Интересы России и Украины требуют не поддаваться на эти провокации, не обострять обстановку и сделать все для того, чтобы наши страны жили в тесном братском содружестве.

Самый глубокий смысл Великой Отечественной войны для ее участников состоит в том, что мы не только защищали свое Отечество, но и сражались за будущее человечества. Нам небезразлична дальнейшая судьба народов. Но что мы видим, в каком направлении развиваются события?

Видим, например, уродливость и противоестественность глобальной финансово-экономической системы, основанной на долларе, страшный разрыв между богатыми и бедными странами и различными слоями населения в большинстве стран. Ведущие экономисты признали: если все страны мира будут потреблять столько энергетических ресурсов на душу населения, сколько потребляют США, мир окажется перед катастрофой. Культ однополых браков и гомосексуализма, внесение в парламенты некоторых европейских стран законопроектов, легализующих половые сношения родителей со своими детьми и детей между собой, провозглашение верховен-

ства меньшинства над большинством и прочие факты отвержения многовековых человеческих ценностей свидетельствуют о моральном и биологическом вырождении определенной части западных сообществ.

Когда в 1912 году потерпел крушение «Титаник», капитан и большая часть экипажа корабля погибли, но до конца боролись за спасение пассажиров. А недавно во время крушения итальянского лайнера «Коста Конкордия» капитан и большинство членов команды первыми сбежали с корабля, бросив на произвол судьбы пассажиров. Нечто подобное в апреле нынешнего года случилось с южнокорейским паромом. Многие факты свидетельствуют, что вырождаются не только определенные слои населения, но и прежде всего элита общества. О деградации системы образования, школьного обучения и других нововведениях тоже хорошо известно.

Очевидно, в будущем большинство народов, значительная часть мирового сообщества едва ли примут навязываемые им сегодня диктат в международных делах, новые веяния американской и западноевропейской «демократии», по крайней мере в том виде, в каком они внедряются сегодня на Украине. Говорят, демократия впервые появилась тогда, когда Бог подвел Адама к Еве и сказал: «Выбирай, кого хочешь». Может быть, именно в таком виде ее хотят продолжать внедрять. Но не ради этого воевали и гибли участники Второй мировой войны. Надо полагать,

в конце концов восторжествуют традиционные общечеловеческие ценности.

Патриотическому воспитанию молодежи — будущих защитников Отечества — причиняет вред извращенное преподавание истории и литературы. В апреле по ТВ показали поучительный эпизод: во время экскурсии украинских школьников в Ливадийский дворец в Крыму одна из школьниц спросила: «Почему русскому царю разрешили на украинской земле построить этот дом?» Видимо, этим ребятам никто не рассказывал, что была когда-то Российская империя, куда входила и Украина. Значительная часть современной молодежи вообще не знает подлинной истории.

В украинских СМИ раздаются голоса: война 1941-1945 гг. — это не наша, а ваша — чужая для нас война. В некоторых среднеазиатских странах заявляют, что Гитлер им войны не объявлял, их граждан незаконно посылали воевать, теперь Россия должна выплатить соответствующие компенсации. В прибалтийских и некоторых других странах подсчитывают «ущерб» от «советской оккупации».

В СМИ, особенно на телевидении, в кинофильмах, во многих исторических книгах и статьях искажается история Великой Отечественной войны. При обсуждении по ТВ фильмов и книг о войне ее участников обычно не приглашают. Характерно в этом отношении обсуждение под руководством М. Е. Швыдкого кинофильма «Штрафбат», которое вели киношники и журналисты. Ни одного

участника войны на этом обсуждении не было. А ведь живы еще офицеры, которые командовали штрафными батальонами и ротами на фронте, но их не пригласили.

Фальсификаторы истории обычно говорят: «Мы ищем правду о войне». Какую правду таким путем можно найти? Ведь не обязательно во всем соглашаться с ветеранами. Но вы для начала хотя бы выслушайте воевавших людей. К слову, участники Великой Отечественной войны не представлены в ряде общественных организаций, даже в Общественной палате и в Военно-историческом обществе. Не приглашают их на некоторые юбилейные и другие мероприятия. Исключением стал просмотр нового фильма о войне в Кремлевском дворце. Когда после просмотра у ветеранов спросили о впечатлениях, ответ был однозначным: показанное в фильме не имеет ничего общего с тем, что было во время войны. Кинематографисты, представлявшие фильм, крайне удивились. Как же так, говорили они, разве не было случаев, когда взрывали мосты, по которым шли наши люди, не было бездарной гибели кремлевских курсантов. Называли и другие подобные эпизоды. Мы говорили им: да, были такие случаи и еще кое-что похуже. Но если бы война состояла только из таких эпизодов, неудач, поражений, неумелых действий, она могла окончиться только нашим поражением. Но ведь мы одержали победу! А вы совершенно не показываете в своих фильмах то, что нас привело к победе. Нет героизма, подвигов, самоотверженности, уме-

лых действий, воинского мастерства командиров, солдат и других обстоятельств, которые привели нас к победе. Не может быть, чтобы гитлеровцы все делали правильно и умело, но потерпели поражение, а мы воевали неумело, все делали неправильно, несли в десять раз больше потерь и оказались победителями. Есть внутренняя логика исторических событий, которую нельзя игнорировать.

Общество, в том числе ветеранов войны, не может не беспокоить то, что из литературы и искусства практически исчезли герои войны. И все спорят: на кого теперь следует ориентироваться, совместимы ли с демократией фильмы и книги с воспитательным уклоном? А ведь нужны всего-навсего правдивые вещи! Тогда они для всего и для всех годятся.

Драматург В. И. Ежов рассказал о почетном эпизоде, связанном с показом его фильма «Баллада о солдате» на Берлинском кинофестивале: «Простых людей в зале немного, в основном богатые немцы. Атмосфера такая: Аденауэр, «холодная война», уж холоднее некуда. После всего, что было, немцы не пылали особой любовью к русским. Вдруг после просмотра встает высокая пожилая немка, идет на сцену и обращается в зал с такими словами: «Вы многие меня знаете... У меня было пятеро сыновей, и все они погибли на Восточном фронте. И вы не сделали картину ни про одного из моих сыновей. А русские сделали. Я всю картину проревела, потому что увидела моего сына на войне». В зале долго молчали.

Ведь все помнили, что русский фронт был самым страшным для немецких солдат. А жюри присудило нам главный приз!»

К сожалению, некоторые современные деятели не жалуют такие фильмы.

В нынешнем году исполнилось 100 лет с начала Первой мировой войны. В связи с этим вспоминается, что на протяжении двух столетий в начале войн Россия в политическом отношении оказывалась в крайне неблагоприятном положении, и русской армии, как правило, приходилось решать возложенные на нее военные задачи в крайне сложных условиях. 1812 год, Крымская, Русско-японская, Первая мировая, 1941 год, Афганистан, Чечня... Политики и дипломаты много лет нам толковали о том, что международные противоречия необходимо разрешать прежде всего политико-дипломатическими путями, не прибегая к военной силе. Но фактически чаще всего их приходилось расхлебывать офицерам и солдатам.

В этом отношении бескровное возвращение Крыма в Россию в 2014 году стало совершенно новым явлением в деятельности нашего государства по обеспечению национальной безопасности. Может быть, это означает наступление новой эпохи в решении оборонных задач.

Этим можно гордиться, и, конечно, надо извлекать необходимые уроки для совершенствования нашей «мягкой силы», политико-дипломатических, информационных средств и повышения эффективности всей системы стратегического сдерживания.

В заключение хочу подчеркнуть: весьма важно то, что, несмотря на все противоречия и социально-политические различия, народы Советского Союза, США, Англии, Франции, Китая и других стран нашли возможности и пути политического, экономического, военного сотрудничества в интересах достижения общей победы над врагом.

Еще один из уроков Второй мировой войны состоит в том, что во имя предотвращения новой войны и решения сложнейших глобальных проблем выживания человечества, борьбы с терроризмом народы разных стран в современных условиях могут и должны проложить новые пути укрепления доверия и сотрудничества. Чтобы не повторять ошибок прошлого и не порождать новых витков конфронтации, стоило бы повсюду и всегда учитывать, что одних заверений в партнерстве и сотрудничестве недостаточно. Надо каждой стране держать курс на искреннее и последовательное сотрудничество, не разделять снова мир на победителей и побежденных — теперь уже в «холодной войне». Кроме экстремистов с майдана в США и Европе много других людей, стоящих на здравых позициях, и мы с ними должны налаживать отношения. Российские ветеранские организации могли бы более активно поддержать ветеранов Украины. В целом надо дать возможность народу Украины самому определиться со своей судьбой.

В мире будут, разумеется, и соперничество, и конкуренция, и отстаивание национальных интересов, но объединя-

ющими должны быть общие интересы безопасности и выживания всех народов в наше трудное время. Если удастся сохранить дух сотрудничества в этом главном аспекте и осуществлять его с учетом всего позитивного и негативного, что было во время войны, это позволит более объективно взглянуть на наше историческое прошлое и более реалистично строить свои отношения сегодня.

Наш народ вышел из войны окрыленным и полным надежд на крупные перемены к лучшему в своей жизни и в своей судьбе. Нам многое удалось в послевоенные годы. Но, видимо, мы слишком долго упивались триумфом Победы, опьяненные военными успехами, начали зазна-

ваться и не заметили, что война наглядно показала не только позитивные моменты, но и наши недостатки, ошибки. Мы не смогли закрепить свою Победу должным образом в политическом и особенно в экономическом отношении. А как показывает жизнь, победителям, прежде всего самим надо более строго судить обо всех своих делах. Без этого мы лишаем себя движения вперед.

Убежден, что народ, который одержал Великую Победу в минувшей войне, найдет в себе силы устоять и в предстоящие трудные годы.

*Генерал армии М. А. ГАРЕЕВ
Военно-исторический журнал,
№9, сентябрь 2014 года, с. 30-34*

*Кому нужна война?
Ведь жизнь и так не вечна!
Война кровава и страшна
И к людям бессердечна.
Людские жизни оборвав,
Насытившись их кровью,
Дух смерти, плод войны сорвав,
Стоит у изголовья.
Нет! Не насытится он вновь,
Земной покой не потревожит.
Пусть будет проклята война!
Нам мирный хлеб — всего дороже.*

*Евгений Куркин,
школа №156*

Вклад коллектива предприятия в Великую Победу

Завод «Красный Октябрь» был основан в 1891 году как частное электротехническое предприятие «В. Савельев и К^о». История завода неразрывно связана с историей страны, ибо завод работал на нужды всего народного хозяйства и выпускал самую востребованную страной продукцию. Социальные потрясения, революция, войны непосредственно отразились на истории завода. Изменялись формы собственности, внедрялись новые технологии, осваивалась новая продукция, осуществлялась коренная перестройка производства — все это испытал на своем веку «Красный Октябрь». Как следствие, он трижды менял свое местоположение, неоднократно перепрофилировался, сливался с другими предприятиями, а затем выходил из этих объединений. В подчинение ему передавались другие заводы, а из его состава выделялись целые производства с образованием самостоятельных предприятий. В результате этих преобразований завод всегда получал новый импульс в своем развитии, а его традиции и опыт становились богаче. Не менее семи раз менялись название и номер завода, но своих корней он не терял.

Великая Отечественная война кардинально повлияла как на судьбы моторостроительных заводов и КБ, так и на судьбы их работников. Еще с началом Второй мировой войны в 1939 году правительство приняло решение о качественном об-

новлении ВВС на основе новых скоростных самолетов, к разработке которых приступил ряд КБ.

Вновь образованный Наркомат авиационной промышленности (НКАП) в сжатые сроки организовал коренную перестройку авиапромышленности, в том числе и ее моторостроительной отрасли. Наиболее востребованными для обновления авиации (в серию запускались истребители ЛаГГ-1 и Як-1, бомбардировщики Пе-2, Ер-2 и др.) стали авиадвигатели М-105П, М-105Р и находящийся в доводке М-107. К мощностям рыбинского моторостроительного завода №26, где уже было освоено серийное производство М-105, в 1940 году добавилась сеть из заводов-дублеров: №234 НКАП («Красный Октябрь», Ленинград) и Отдел №10 Горьковского автозавода (позднее получивший №466 НКАП, г. Горький), которые надо было перепрофилировать; а также №384 НКАП (г. Уфа), к строительству которого только приступили.

Исключительно важный процесс передачи от головного №26 всем заводам-дублерам технологий, конструкторско-технологической документации, также как и обучение персонала, технологическую и инструментальную оснастку возглавил главный технолог «Красного Октября» А. Т. Калинин. Руководством НКАП была организована единая команда руководителей заводов и специалистов, эф-

фективно взаимодействующая, несмотря на большие расстояния между Рыбинском, Ленинградом, Горьким и Уфой. Наработанные при этом связи позволили этой команде в военное время в самые сжатые сроки решать совместными усилиями критические вопросы производства на каждом отдельном заводе. Таким образом, в годы войны все выпускавшие М-105/ВК-107 заводы, по сути, стали одним целым. Поэтому в представленных ниже материалах есть данные о коллективах предприятий, каким-либо образом связанных с «Красным Октябрем» в 1940-х годах и работавших на объединенном заводе №26 во время эвакуации.

Август 1940 — июнь 1941 годов.

**Период создания и освоения
производства авиадвигателей
М-105/ВК-105**

К 1940 году завод №234 «Красный Октябрь» уже был одним из лидеров редуكتورостроения, производил продукцию широкой номенклатуры, в частности, узлы танковых (от первых серийных Т-26 до опытных Т-34) и тракторных трансмиссий, мотоциклы, а также ранее ремонтировал авиамоторы М-5. 5 августа 1940 года он был переведен в состав НКАП, а 7 августа под руководством нового директора А. П. Петрова «Красный Октябрь» приступил к подготовке производства и освоению серийного выпуска М-105. Заданные объемы выпуска двигателей при сохранении части номенклатуры прежней продукции потребова-

ли резкого увеличения производственных площадей и в состав завода вошли еще три производственные площадки, которые необходимо было заново технически перевооружить, выполнить масштабные строительные работы. Невероятно быстрыми темпами, преодолевая технические и организационные трудности, завод в считанные месяцы наладил новое производство и к июню 1941 года им было выпущено 56 серийных М-105 (Р,П). Численность сотрудников «Красного Октября» выросла до 14 800 человек.

Июль — декабрь 1941 года.

**Период эвакуации. Нарастивания
производства авиадвигателей
М-105/ВК-105 в эвакуации**

Эвакуация промышленности и населения западных районов страны является величайшим народным подвигом, а также беспримерно искусным и грандиозным по масштабам, не имеющих в истории человечества даже близких аналогов, организационным и управленческим делом советского правительства. Необходимо было не только организовать и осуществить перемещение огромных людских масс и колоссальных объемов груза, но в сжатые сроки их разместить, обеспечить всем необходимым для жизни, работы, наладить и обустроить жизнь семей, а заводы заново запустить, нарастить производство, обеспечив их экономическую эффективность. В конце 1941-го и весь 1942 год практически каждый день запускалось по два-три завода! А еще строились миллионы ква-

дратных метров жилья, больницы, школы и другие гражданские объекты. Под растущие потребности заводов, городов и поселков строились новые дороги, ТЭЦ, шахты и другая инфраструктура.

Утром 23 июня 1941 года все трудящиеся завода вышли на митинг, где парторг ЦК ВКП(б) И. А. Перазич осудил вероломное нападение Германии и заверил, что напряженный труд в тылу ускорит приближение победы. Было принято решение об увеличении объема производ-

ства в полтора раза. После митинга стали массово подаваться заявления о приеме в народное ополчение. Несмотря на действующую бронь, 250 кадровых рабочих и инженеров «Красного Октября» в первые же дни войны ушли добровольцами на фронт. Часть работников была отправлена на строительство оборонительных рубежей. Группе работников завода по поручению заводского комитета профсоюза удалось в ночное время вывезти из района г. Боровичи заводской детский сад:

Митинг рабочих завода "Красный октябрь". 23 июня 1941 года

к тому времени фашисты уже бомбили там шоссе и железные дороги.

Спустя пять дней после начала войны, 27 июня 1941 года правительство приняло решение об эвакуации завода №234 «Красный Октябрь» в глубокий тыл, на территорию Уфимского моторного завода №384. Перед директором А. П. Петровым стояла очень трудная и ответственная задача: не только эвакуировать большой завод, но и толково распорядиться его фондами, а также людьми со всех четырех площадок предприятия. Каждый день «Красный Октябрь» формировал по два-три эшелона, составленных из платформ с оборудованием и вагонов с работниками и их семьями. 10 июля 1941 года был отправлен первый эшелон, а 8 августа — последний, сорок первый.

Уфимский моторный завод №384 в июле-августе 1941 года, когда стали прибывать эшелоны «Красного Октября», представлял собой поле с котлованами будущих цехов и траншеями для коммуникаций; был построен один корпус, в котором «Красный Октябрь» расположил свой инструментальный цех. Прибывающие работники быстро разгружали эшелоны, монтировали станки на площадях будущих корпусов, подключали электроэнергию и прямо под открытым небом начинали работу. Работали по 12-14 часов без выходных и отпусков. Уже в августе эвакуированный «Красный Октябрь» начал поставлять самолетостроительным заводам первые М-105, а в сентябре выпуск двигателей вышел на плановые показате-

ли. Одновременно, часто после окончания смены, строили цеха, жилье, вторую очередь ТЭЦ и концу 1941 года было построено 11 производственных корпусов и 130 домов и барачков.

Одновременно с «Красным Октябрем» эвакуировался и Ленинградский авиадвигательный завод №451. Следом прибыли завод №219 (Москва) и ОКБ 260 (Воронеж). От НКАП размещение прибывающих предприятий координировал заместитель наркома авиапромышленности А. А. Завитаев (до этого назначения — директор моторного завода №466 в Горьком). 16 октября 1941 года началась эвакуация из Рыбинска головного завода №26, которая полтора месяца проходила под бомбежками по железной дороге (60 эшелонов) и по уже покрывающейся льдом Волге (25 барж). В начале декабря в Уфу прибыл последний эшелон из Рыбинска. 17 декабря 1941 года на базе всех эвакуированных предприятий был организован новый объединенный авиадвигательный завод №26 под руководством директора В. П. Баландина и главного инженера П. Д. Лаврентьева. Государственный комитет обороны (ГКО) поставил перед объединенным заводом задачу в сжатые сроки наладить поточный выпуск авиадвигателя М-105 и создать более мощные его модификации.

Эвакуация предприятий в Уфу на площадку завода №384, задача прямо с колес наладить выпуск авиадвигателей М-105, а затем, на пределе сил, изо дня в день, наращивать их производство и совершенст-

воват их конструкцию, — все это спаяло коллективы прибывших сюда заводов №234 («Красный Октябрь», Ленинград), №451 (Ленинград), №26 (Рыбинск), №219 (Москва), ОКБ №260 (Воронеж). Так зародилось уникальное сотрудничество коллективов, сплоченных общей целью — Победой, и возникла общность людей, которые многие годы и десятилетия спустя, работая уже на разных предприятиях, будут вместе трудиться над новыми проектами в реактивной авиации, по вертолетной и ракетной технике.

Июль — декабрь 1941 года.

Работа в блокадном Ленинграде

Последний эшелон эвакуированного «Красного Октября» ушел из Ленинграда 8 августа. Но на его площадках была оставлена часть работников и оборудования, необходимого для обеспечения ремонта техники действующей армии. Не везде это осуществилось — на площадке №4 в Лигово (цех №6) в сентябре 1941 года при обороне цеха с оружием в руках погибли почти все его работники, площадка была захвачена фашистами. На площадке №1 на проспекте К. Маркса, 77 расположилась 26-я шоссейно-дорожная рембаза. Площадка №3 у Александроневской лавры (цех №7 в 1941 году) была передана бронетанковым войскам. На площадке №2 на Алексеевском проспекте (ныне территория СПб ОАО «Красный Октябрь») с августа 1941 года под руководством работника «Красного Октября» А. А. Туровского приступила

к работе 3-я ремонтная база 13-й воздушной армии (с 1942 года — в/ч №53918, начальник П. В. Рагулин, затем П. Г. Солдатов). Пришлось заново организовывать весь технологический цикл производства, добавились участки: механический, мойки и дефектации, гальванический, сборки, работало пять стендов испытательной станции. Ремонтировать технику приходилось не только в цехах, но и в полевых условиях, на аэродромах: Гражданка, Углово, Смольный, Янино, Ржевка, Каменка, Сосново, Горская, Левашово и других. Ближайший аэродром «Гражданка» находился в трех километрах, теперь это проспект Науки (там служил механиком 18-летний И. Б. Кузнецов, будущий главный технолог завода «Красный Октябрь»), и летчики приезжали на рембазу посмотреть, как ремонтируют их технику — авиамоторы самолетов Ил-2, Як-1, ЛаГГ-3, Пе-2.

Уже с сентября 1941 года территория завода подвергалась сильным бомбежкам, было много убитых и раненых. С 15 ноября 1941 года выдали карточки на продовольствие. Работающий на рембазе получал: 250 граммов хлеба, смешанного с целлюлозой, в столовой — один раз в сутки 220 граммов жидкой каши и один литр супа-баланды. Люди умирали от голода. В первую зиму работающие получали со склада обойный и столярный клей (из него варили студень), вместо мяса много часов вываривали сыромятные ремни, вместо жира использовали олифу, винтовое авиационное масло, пушечное

сало. Первая блокадная зима была очень суровой, морозы доходили до -41°C . Для работы рембазы необходимы были топливо, электроэнергия, вода. Топливо добывали разборкой деревянных домов. Воду на завод привозили машиной с Большой Невки. Для обеспечения электроэнергией были заблокированы и смонтированы с трактором два электрогенератора по 50 КВт. Все жилье и бытовые помещения были переведены на печное отопление: срочно было сложено более ста печей. В результате ремонт авиадвигателей продолжался. Коллектив рембазы составлял 500-600 работников. Их работа неоценима! Изможденные, истощенные люди ежемесячно ремонтировали не менее 150 авиамоторов М-100, М-105, АМ-34, АМ-38/42, «Аллисон», более 160 металлических винтов разных конструкций и изготавливали 15 000 головных частей реактивных снарядов БМ-13 «Катюша».

Воспоминания Витольда Ксаверьевича БУЙНОВСКОГО одного из создателей испытательного комплекса «Красного Октября» для реактивных двигателей.

Начало войны, 22 июня 1941 года, застало меня готовящимся к последнему за четвертый курс экзамену — «динамика авиадвигателей». Его я сдал позже, в сентябре, уже под бомбежкой, и тем самым окончил теоретический курс. Дальше должно было быть дипломное проектирование. Но война все изменила.

Самолет Пе-2

...Нас мобилизовали на оборонные работы, и я вместе с тремя однокурсниками с нашей авиационной специальности и большой группой студентов других специальностей отправился на станцию Лемболово, где в течение трех недель мы рыли противотанковые рвы и эскарпы. На равнине — рвы, а на холмистой местности — вертикальные стенки — эскарпы...

Еще на рытье окопов мы с друзьями договорились держаться вместе. Нас было четверо — все со специальности «авиадвигатели»: Миша Корнилов, Борис Клестов, Федя Темпель и я. В бюро комсомола, где формировался добровольческий отряд, нам сообщили, что у них есть заявка на студентов нашей специальности из военной авиаремонтной базы. Туда мы и отправились. Она находилась на территории завода «Красный Октябрь». Собственно, в те далекие годы я и не подозревал, какое огромное значение в моей жизни будет играть этот завод.

На рембазе нас очень хорошо приняли и сразу же с нашего согласия зачислили в штат слесарями-сборщиками. База занималась ремонтом авиадвигателей и входила в состав действующей 13-й воздушной армии Северного, позже — Ленинградского фронта. Ремонтировались здесь авиационные двигатели Микулина — АМ-34 и АМ-35 и двигатели Климова — М-100 и М-105. В качестве главных специалистов на базе были москвичи, работники заводов, изготавливавших эти двигатели. Они очень хорошо знали их конструкцию и должны были передать нам свой опыт, научить главным операциям по общей сборке. Мы оказались способными учениками, и через неделю москвичи нас покинули. Ремонтная база продолжала работать, возвращая в строй подбитые, простреленные двигатели.

Поступившие двигатели направлялись на разборку. Разбирались до деталей и комплектно поступали на мойку. На мойке работали женщины, среди них были и молодые девушки. С одной из них, Аней, я познакомился. Вместе с ней мы сидели в щелях при объявлении воздушной тревоги. После мойки разобранный на детали двигатель направлялся на дефектацию, здесь определялась пригодность каждой детали, узла для дальнейшей эксплуатации. Выбывшие детали заменялись новыми из запчастей, поступивших от московских заводов-производителей. Дальше шла узловая сборка, и уже собранные узлы поступали на общую сборку, которую и должна была осуществлять

наша бригада, состоящая из трех бывших студентов. Работа нам сразу очень понравилась. Мы столкнулись непосредственно с одним из самых современных авиационных двигателей. Это был 12-цилиндровый V-образный двигатель жидкостного охлаждения.

...В августе и сентябре мы работали в две смены: с 8 до 16 и с 16 до 24 часов. После смены ехали домой. В эти месяцы еще ходили трамваи, так что добираться от нынешней площади Мужества до 4-й Советской было относительно легко...

...К концу сентября, кроме хлеба, уже ничего по карточкам не выдавалось. 20 ноября было последнее снижение нормы хлеба: рабочим — 250, остальным — 125 граммов. При этом хлебом этот продукт назывался условно, так как в нем 50 процентов составляла целлюлоза — соответствующим образом обработанные опилки и различные жмыхи.

При поступлении двигателя в ремонт необходимо было его восстановить в кратчайший срок, так что работали непрерывно. В награду давали кашу из проросшей ржи с речным песком. Как говорили, эту рожь доставали с давно затонувшей баржи в Неве. Часто приезжали летчики и просили поскорее выдать двигатель, угощали шоколадом. В декабре начала работать Дорога жизни, начала поступать мука.

Наступили самые тяжелые месяцы блокады. Хоть и хлеба благодаря Дороге жизни немного прибавили, дистрофия активно убивала ослабших до предела лю-

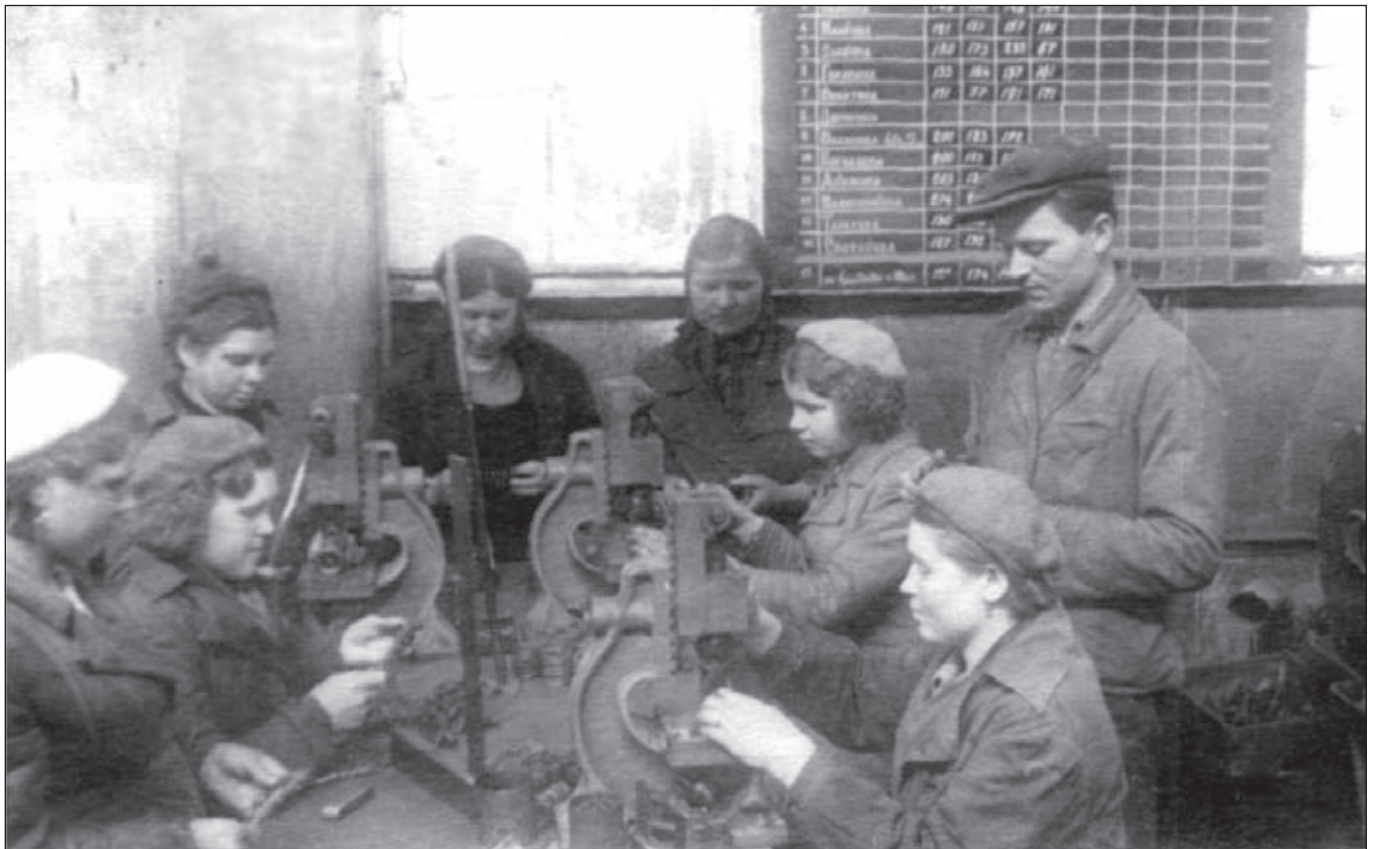

дей. Помещение нашей проходной до потолка было забито голыми замерзшими трупами. Даже самый небольшой перерыв в снабжении хлебом приводил к массовой гибели людей.

Вспоминаю, в середине января наш хлебозавод останавливался из-за перерыва в подаче воды. На вторые сутки нам сказали, что хлеб привезут. Мы собрались в очередь в буфете, ждали час, два, и вот двое наших работников, прислонившись к буфету, стали тихонько сползать на пол. Мы подумали, что они устали стоять и присели. А когда привезли хлеб и все ожились, эти двое так и остались на полу в сидячем положении — они не дождались своей пайки хлеба и умерли. Сил с каждым

днем становилось все меньше. Если раньше силовые шпильки мы затягивали тарированным ключом с рычагом в 800 мм, то теперь, в конце января, затягивали вдвоем с рычагом в 1,2 м.

На дороге, по которой я добирался на работу или домой, большие сугробы снега затрудняли движение ослабевших от голода людей. Пешеходов было очень мало, двигались медленно, закутанные с ног до головы платками, одеялами. Остались в памяти тяжелые картины лежащих на сугробах раздетых покойников, это я увидел даже около нашей поликлиники на Старорусской улице. Убирать покойников в те трудные месяцы — в ноябре, декабре — было некому, как и расчищать

трамвайные пути. Но в это время я уже добирался домой не чаще одного раза в две-три недели. В одно из таких посещений в январе мама меня порадовала: «Я достала кролика!». Поглощали это чудо с огромным удовольствием. А позже я узнал от нее, что это была кошка, купленная за 500 рублей, где — не знаю. Тем не менее, силы покидали. В середине февраля я уже осознал, что больше находиться на базе и трудиться не могу.

В конце февраля к нам на 4-ю Советскую приехали на мотоцикле представители нашей рембазы и предложили перевести меня на базу, в только что созданный стационар. Сообщили, что в моей работе очень нуждаются, так как поступили американские двигатели «Алисон». Так, поднятый моей мамой на ноги я очутился на базе, в стационаре. Это было очень чистое помещение с чистыми постелями. Нас, выживших дистрофиков, работников рембазы, было человек 10-12. Кормили очень хорошо и под наблюдением врача. Давали каждый день по 100 граммов красного вина. Но, к сожалению, двое наших работников не поправились и на третий день умерли. Мой организм выдержал, и уже на четвертый день я отправился на участок сборки к моим друзьям, Михаилу и Борису. Это они организовали поездку за мной представителей базы. Оба жили в студенческом общежитии на Лесном проспекте. На тот момент, находясь на казарменном положении, они бывали в общежитии редко; при очередном посещении услышали, что Политехнический ин-

ститут собирается эвакуироваться и собирает оставшихся в живых. Эту новость и сообщили мне, рекомендуя отправиться в институт и все узнать; они были уверены, что мне необходимо уехать, а руководство базы они уговорят. После девятого дня стационара я отправился в институт. Действительно, институт собирался эвакуироваться 12 марта, рекомендовали брать с собой родных и родственников. После полного курса стационара я получил у руководства добро на эвакуацию с институтом. Получил расчет и отправился домой.

...Мама приняла новость очень радостно, считая это гарантией сохранения моей жизни. Нагрела воды, вымыла мой скелет. Собрала все мои личные вещи в чемодан. И 12 марта вместе с Бертой Захаровной отправилась на Финляндский вокзал провожать нас с Борисом.

Один момент до сих пор живет в моей памяти. Борису был вручен двухлитровый бидон, доверху наполненный настоящими говяжьими котлетами. Естественно, это предполагалось для нас двоих. Мое физическое состояние значительно отличалось от состояния Бориса. Он был в относительно хорошей форме. Нас ждал нормальный пассажирский состав с сидячими вагонами. Расставались с самыми дорогими нам родными. Было тяжело. Что ожидало нас и остающихся — предугадать было невозможно. Я покидал маму и родной Ленинград. Маму покидал навсегда. Она эвакуировалась летом на баржах в Москву и там умерла 2 апреля 1943 года.

**Январь 1942-го — декабрь 1944 года,
период наращивания и смены
номенклатуры производимой
продукции, ее модернизации
с повышением технических
характеристик, техническое
и технологическое перевооружение**

Перед руководством объединенного завода №26, также как и перед коллективом «Красного Октября» и других эвакуированных в Уфу заводов, встала сложнейшая задача в течение нескольких недель превратить конгломерат из нескольких заводов и их коллективов в единое целое, создать завод-гигант. Новый завод должен был наладить эффективное поточное производство авиадвигателей, обеспечить резкое повышение производительности труда, провести мобилизацию неиспользованных резервов. Наряду со строительством новых цехов, созданием поточных линий и внедрением прогрессивных технологий и механизации ручного труда, развернулась и рационализаторская работа, приобретая всеобщий характер. Только в 1942 году рационализаторы завода №26 сэкономили 4 млн рублей, 500 тонн материалов. Преодолевая невероятные трудности, коллектив объединенного завода вышел в августе на заданные темпы производства — 45 двигателей в сутки. 13 сентября 1942 года предприятию было вручено почетное Красное Знамя ГКО, СНК и ВЦСПС.

Здесь необходимо сказать о горьковском моторном заводе №466 НКАП, история которого с момента его возник-

новения в 1940 году была тесно связана, а впоследствии, при послевоенном восстановлении страны, слилась в единое целое с историей «Красного Октября». Его первое название — Отдел № 10 в системе Горьковского автозавода (ГАЗ) Наркомата среднего машиностроения. Он был новым заводом, построенным на территории ГАЗа для изготовления автомобильных моторов типа «Джемси». На его основе 18 октября 1940 года был организован завод №466 НКАП (директор А. А. Завитаев, главный инженер М. А. Макарук). «Джемси» был двигателем меньшей размерности, чем М-105 (Р, П) и М-17Т (танковый, был также запланирован к выпуску), поэтому завод надо было технически перевооружить и организовать множество новых цехов и отделов. 2500 работников автозавода были переведены на вновь организованный завод, из них наиболее опытные ИТР возглавили цеха и отделы. Всего в начале 1941 года на заводе работало 4275 человек; при дальнейшем расширении производства в годы войны увеличивался и его штат — до 13 000 работников. Перевооружение предприятия, освоение производства М-105 происходило синхронно с «Красным Октябрем» и к началу войны было изготовлено 40 двигателей.

Хотя к началу войны коллектив горьковского завода №466 НКАП и начал выпуск двигателей М-105 (Р, П) и М-17Т, не все его мощности были введены полностью. Кадрово завод был укомплектован только на треть от штата. Новых ра-

ботников (а это в основном были женщины, часто без профессий или из деревень, и 14-15-летние юноши и девушки после ускоренного обучения в ФЗУ) надо было сначала обучить профессиям, а потом работе на оборудовании на каждом конкретном месте. Работали по 11-12 часов в день. Руководящий состав завода находился на казарменном положении. В начале ноября начались бомбежки, приведшие к жертвам и значительным разрушениям завода. Сгорело пять цехов, в том числе арматурный и кузнечный. На ходу наращивая производство, восстанавливая разрушенные цеха, завод до конца 1941 года изготовил в кооперации с ГАЗом 305 авиадвигателей М-105 и сотни танковых двигателей.

В марте 1942 года перед горьковским моторным заводом №466 НКАП и его руководством — вновь назначенным директором А. П. Петровым (в 1940-1941 годах — директор «Красного Октября») и главным инженером Л. П. Аэровым — была поставлена задача в месячный срок наладить крупносерийное производство авиадвигателей в полном объеме. Вместе с новым руководством на завод прибыла группа работников «Красного Октября». На пределе сил, недоедая, недосыпая, коллектив завода выполнил напряженные планы и в апреле 1942 года достиг проектной мощности — 10 авиадвигателей в сутки при одновременном выпуске танковых двигателей. На производственном цикле завода сильно сказывались авианалеты (наиболее ожесточенные бомбардировки пришлось на лето 1943 года), частые воз-

душные тревоги и работы по восстановлению разрушений. Нарушилась кооперация мирного времени и приходилось организовывать прямо у себя производство, например, инструмента и приспособлений. В это же время завод получает дополнительное задание на выпуск боевых снарядов и стволов минометов.

Помимо массового соревнования по досрочному выполнению программ, огромное значение приобрело широкое движение «фронтовых» бригад — «двухсотников», подхваченное и на других заводах. Количество «двухсотников» увеличилось до 400 человек. Были и такие передовики, которые давали по 27 норм в месяц. Это Г. М. Брюханов, А. И. Богатырев, А. И. Куртаев. Г. М. Брюханову в 1943 году исполнилось всего 20 лет, а он перевыполнял норму в десятки раз, работая лекальщиком.

Фронту требовались самолеты с более высокими летными характеристиками и на конвейер были поставлены модификации М-105/ВК-105 с повышенной мощностью. По результатам работы НКАП неоднократно присуждал моторному заводу №466 (с августа 1942 года его директором стал И. Н. Лукин) первые места, а в феврале 1943-го ему было вручено Красное Знамя ГКО, СНК и ВЦСПС.

К лету 1942 года выпуск двигателей М-105 на объединенном уфимском и горьковском заводах суммарно достиг довоенного уровня — 45, а в августе уже его превысил — 55 двигателей в сутки. Возросшая квалификация работников

и достигнутый уровень качества позволили еще в мае 1942 года развернуть под руководством главного конструктора В. Я. Климова работы по увеличению ресурса двигателей с 100 до 150 часов. Дальнейшее наращивание темпов выпуска, запуск в серию новых ВК-107А, ВК-108 потребовало коренной перестройки производства, внедрения новых технологий. Технический прогресс, производительность труда, рост производства стали одними из главных забот руководства, рабочих и ИТР, партийных и общественных организаций всех заводов.

**Январь — май 1945 года,
восстановление разрушенного завода,
возвращение из эвакуации, конверсия
с учетом перехода на мирные рельсы,
участие в производстве перспективной
авиатехники**

Во время войны СССР массово использовали истребители семейства Як-1/Як-9Д — их было выпущено более 36 000, а пикирующих бомбардировщиков Пе-2 — 11 000 единиц. Изготавливая для них двигатели М-105/ВК-108, заметный вклад в Великую Победу внесли моторостроительные заводы, где трудились эвакуированные работники «Красного Октября». Так, полностью наладив поточное производство, объединенный завод №26 НКАП достиг выпуска 55 двигателей в сутки, а всего их изготовил не менее 50 000; а завод №466 НКАП, выпускающая двигатели крупной серией, — около 10 000 единиц.

В 1944 году ГКО приняло решение о создании реактивной авиации. С сентября 1944 года началось ускоренное восстановление разрушенного трехлетней бомбежкой завода (3-я рембаза ВВС после полного снятия блокады покинула территорию «Красного Октября»). В этот период восстановления завод имел №274 НКАП. Узнав, что в Ленинграде восстанавливается «Красный Октябрь», многие бывшие работники стали на него возвращаться. В соответствии с решениями ГКО завод укреплялся кадрами и укомплектовывался лучшим на то время оборудованием. С июля 1945 года эту работу возглавил А. П. Петров (ранее был директором «Красного Октября» в Ленинграде и Уфе до вхождения в состав завода №26, затем руководил авиадвигательными заводами №466 и №500).

Восстановление начали с наименее пострадавшей площадки №1 (с конца 1947 года — опытный завод №117 МАП, когда ОКБ стало самостоятельным, ныне — ОАО «Климов»), куда с июля 1945 года стало поступать оборудование из Германии, а с сентября — и новые станки, полученные по ленд-лизу. Эти станки направлялись с горьковского моторного завода №466 НКАП. По распоряжению ГКО от 26 августа 1945 года этот завод передавал свои площади и часть оборудования под расширение автозавода (на ГАЗ также переводились около 11 000 его работников), а 2055 добровольцев — опытных, высококвалифицированных рабочих и специалистов, — направлялось

в Ленинград для скорейшего восстановления и пуска вместе с ленинградцами «Красного Октября».

Объединенный завод получил №466 МАП, в октябре 1945 года его директором был назначен И. Н. Лукин, который энергично, в считанные месяцы, наладил производство полного технологического цикла на площадке №1. Первой продукцией четырехтысячного коллектива помимо агрегатов авиадвигателей стали разнообразные товары для населения, воздушная арматура для трамваев и троллейбусов, газораспределительная арматура и другая продукция, столь необходимая для восстановления Ленинграда. Одновременно завод строил и ремонти-

ровал дома для своих работников. Работники жили в коммунальных квартирах, в которых было еще печное отопление, и службы снабжения завода обеспечивали их дровами. На Поклонной горе был возведен целый барачный поселок. Там имелся собственный клуб с кинозалом, библиотекой и клубными комнатами. Жить без канализации и горячей воды в условиях скученности было тяжело.

По приказу МАП от 1 июня 1946 года на завод №466 МАП «Красный Октябрь» были переведены главный конструктор КБ Уфимского моторного завода №26 В. Я. Климов и сорок сотрудников этого КБ. В приказе МАП от 14 октября 1946 года перед заводом №466

Открытие памятной стелы на территории завода

МАП «Красный Октябрь» ставилась задача спроектировать и построить турбореактивный двигатель (ТРД). На заводских курсах инженеры и конструкторы изучали термодинамику и газодинамику, конструкции компрессоров, турбин и других узлов этих принципиально новых для них двигателей. Для детального ознакомления с конструкцией двигателей и технологиями главный конструктор завода В. Я. Климов, главный инженер М. Н. Ляпунов и другие работники посещали английские фирмы. Весь процесс выпуска двигателя был ускорен до предела. Одновременно изготавливалось многочисленное стендовое и экспериментальное оборудование для отработки узлов и систем ТРД. ИТР были сняты с окладов и переведены на сдельную оплату труда, что дало значительный эффект. Еще не имелось на заводе специального оборудования и инструмента, необходимого для изготовления лопаток, поэтому первую турбину изготовили за два месяца. Первый ТРД был собран в середине 1947 года, его испытания прошли 1 августа 1947 года на стенде, расположенном на площадке №2 на Алексеевской улице (ныне Политехническая улица, 13-15).

В этот период правительство признало целесообразным загрузить завод помимо выпуска агрегатов для ТРД РД-20 и двигателей для истребителей И-250 производством 42 000 мощных взрывобезопасных электродвигателей МА-144 для послевоенного восстановления страны,

в том числе шахт Донбасса. Началась подготовка производства реактивной авиационной торпеды РАТ-52 и ТРД РД-10А.

Возвращение работников завода №234 «Красный Октябрь», эвакуированных в Уфу, продолжалось с 1945 по 1950 год, так как их переводили с завода №26 только при наличии справки о наличии жилплощади в Ленинграде. Правда, теперь завод имел другой номер — №466 МАП, но на праздничные демонстрации коллектив по-прежнему шел под стягом с названием «Красный Октябрь», на котором был вышит орден Трудового Красного Знамени, полученный в июле 1945 года.

На территории «Красного Октября» стоит гранитный монумент, воздвигнутый к 50-летию Победы 9 мая 1995 года. Он посвящен ратным и трудовым подвигам трудящихся завода в годы Великой Отечественной войны. Это память о тех, кто воевал, кто трудился в Уфе и Горьком, а также работал в блокаду на 3-й ремонтной базе 13-й воздушной армии Ленинградского фронта.

Накануне 70-летнего юбилея Победы «Красный Октябрь» занимает достойное место среди предприятий Санкт-Петербурга и отрасли, а залогом его дальнейшего развития являются реализуемые программы освоения новых изделий, технического перевооружения и модернизации. Главным же активом предприятия всегда был и остается коллектив, своим трудом и традициями создающий современный облик «Красного Октября».

Бессмертный полк

Бессмертный полк

Несколько лет назад словосочетание «Бессмертный полк» ничего не говорило жителям нашей необъятной Родины. А сейчас почти каждый человек знает об этой уникальной акции памяти, задуманной как благодарность всем, кто ковал Победу в Великой Отечественной войне. Впервые «Бессмертный полк» прошел 9 Мая 2012 года по улицам города Томск. Тогда в торжественно-траурной колонне приняло участие более 6000 сибиряков с портретами родных, погибших в годы войны или не доживших до 67-й годовщины Победы.

В 2013 году к акции присоединился и Санкт-Петербург. Муниципальное образование Пискаревка одним из первых подхватило гражданскую инициативу томичей. На территории округа началась активная деятельность по формированию «Бессмертного полка». Жители с готовностью откликнулись на призыв принять участие в патриотической акции. 9 мая 2014 года «Бессмертный полк» впервые в истории прошел по Невскому проспекту.

В настоящее время к этому движению присоединились многие жители Пискаревки, в том числе и молодежь. Поместив на федеральном сайте фотографию своего фронтовика, вы не только сохраните память о ветеране, но и узнаете подробности боевого прошлого героя.

Для того чтобы изучить историю подвига солдата, вам достаточно воспользоваться уникальной базой данных: Общедоступным электронным банком документов «Подвиг Народа в Великой Отечественной войне 1941-45 гг.» — podvignaroda.mil.ru и ОБД «Мемориал» — obd-memorial.ru, где хранятся сведения о погибших воинах.

ВЕЛИКАНОВ Модест Константинович
рядовой

Призван в действующую армию в 1941 году в возрасте 44 лет, из д. Высотино, Устюженского района, Вологодской области. Воевал под Ленинградом и погиб 2 марта 1944 года в Ленинградской области, д. Подосье.

ГАЗОВ Владимир Тимофеевич
танкист

Родился в 1925 году. Был в составе группы войск охраны Тегеранской конференции. Умер в 2004 году. Похоронен в Санкт-Петербурге.

БАРМЫШЕВ Сергей Федорович

Брат моей мамы, Бармышев Сергей Федорович, родился в Вологодской области, д. Лариково Кирилловского района 6 октября 1923 года. Жил в Ленинграде. Ушел на фронт 3 июня 1942 года. Воевал на Волховском фронте. До сентября 1943 года был станковым пулеметчиком, с марта 1943-го по октябрь 1944-го — командиром отделения разведки Ленинградского фронта. Воевал в составе 2-й гвардейской армии. Награжден двумя медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», орденами «Красной Звезды» и «Отечественной войны», медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», почетным знаком «Ветеран 2-й гвардейской армии».

В декабре 1945 года окончил Ленинградское артиллерийское техническое училище. Продолжил службу на Дальнем Востоке, затем в Ленинграде. Закончил службу в звании майора. Умер в ноябре 2000 года, похоронен на Охтинском кладбище в Санкт-Петербурге.

*Племянница Кабачинова Ольга Борисовна,
преподаватель Санкт-Петербургского технического колледжа*

БЛОТНЕР Федор Александрович

Мой прадед, Блотнер Федор Александрович, родился в 1905 году. Прошел Финскую и Великую Отечественную войну. Воевал на Ленинградском фронте на Сивявинских болотах и под Сталинградом, награжден многими орденами и медалями. В 1943 году получил на фронте два осколочных ранения и контузию. Подлечившись в госпитале города Салехарда, прибыл на дальнейшее излечение в Горький, в дом моей прабабушки Анны Ивановны, откуда он был призван на фронт.

К сожалению, фронтовые фотографии сгорели при пожаре в квартире в 1947 году. Осталась одна — он во фронтовой шапке, виден след от снятой после демобилизации звезды.

Начал войну мой прадед в звании младшего лейтенанта, командовал минометным расчетом, а закончил — в звании майора, командиром роты.

Я горжусь своими прадедами, хотя и не видел их никогда — их давно нет в живых. Спасибо, что остались воспоминания моих дедушки и бабушки!

Я благодарен моим прадедам, что живу в мирное время, могу спокойно учиться, заниматься любимым делом и помнить тех, кому мы обязаны этой прекрасной жизнью.

*Правнук Блотнер Александр,
студент 1-го курса Санкт-Петербургского технического колледжа*

ГАДАЛОВ Михаил Николаевич

Родился 1 октября 1904 года в семье рабочего в Ленинграде.

Осенью 1923 года был направлен в военную школу Вышне-Волоцким УКОМ ВЛКСМ. По окончании школы был назначен командиром взвода в 3-й стрелковой полк Московской Пролетарской стрелковой дивизии в Москве.

В марте 1939 года по мобилизации ЦК ВКП(б) был направлен на работу в органы НКВД. С 20 марта по конец августа учился в ВШ НКВД СССР, затем был направлен на работу следователем в аппарат Особуполномоченного НКВД СССР. В августе 1941 года выехал на Карельский фронт, где и находился на должности старшего следователя и старшего оперуполномоченного до июня 1943 года в аппарате Особого отдела НКВД фронта 24-й армии и 80-й морской стрелковой бригады. С июня 1943-го по июль 1944 года был старшим следователем ОКР «СМЕРШ» 7-го авиакорпуса авиации дальнего действия. С июля по сентябрь 1944 года был старшим следователем ОКР «СМЕРШ» спецлагеря №148. Затем был передан на строевую должность в РККА. Около месяца находился в резерве Северо-Кавказского военного округа. В ноябре 1944 года прибыл в 5-ю армию 3-го Белорусского фронта.

Участвовал в боях в Восточной Пруссии, командуя батареей в 308-м артиллерийском полку 144-й стрелковой дивизии. Был ранен. После выздоровления служил начальником штаба дивизиона 149-й армейской пушечно-артиллерийской бригады.

Демобилизован в сентябре 1946 года. С 1946-го по 20 июня 1956 года работал в Управлении МВД Калининградской области на офицерских должностях.

20 июня 1956 года исключен из списков личного состава УМВД Калининградской области за смертью.

Награды:

Ордена Красной Звезды и Красного Знамени; медали «За победу над Германией», «За боевые заслуги», «30 лет Советской Армии и Флота».

ГРАЩЕНКОВ Борис Петрович

Родился в 1912 году. Призвался в действующую армию в 1941 году. Командир стрелкового взвода. Защитник Ленинградского фронта.

ДРЕМАЙЛОВ Петр Терентьевич

рядовой

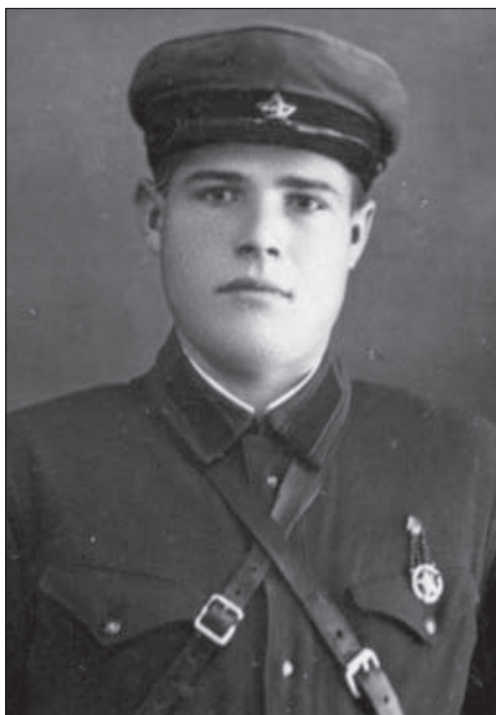
Родился 7 апреля 1913 года в Курской области. Был мобилизован в действующую армию в августе 1941 года. Воевал на Ленинградском фронте, в Невской Дубровке. После ранения вернулся в строй. Воевал на 3-м Белорусском фронте. Был награжден медалями «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За оборону Сталинграда». Умер в 1986 году.

ИВАНОВ Яков Степанович

старший сержант

Родился в 1915 году в с. Грибоедово Пензенской области. Призван в действующую армию в сентябре 1941 года. Был одним из защитников Ленинградского фронта. Прорывал блокаду в боях за Синявинские высоты. Сражаясь, дошел до Берлина. Освободил от фашистов Европу. Награжден Орденом Красной Звезды и медалями за отвагу. Домой вернулся в 1946 году.

ДАНИЛЕНКО Александр Никитович

Родился 27 сентября 1924 года.

В декабре 1941 года, будучи учеником 10-го класса средней школы, добровольно вступил в РККА. Был направлен в Тульское оружейно-техническое училище, по окончании которого в августе 1942 года оказался в действующей армии, на Волховском фронте. Совсем юного солдата впереди ждали два года и семь месяцев жестокой, кровопролитной войны.

18 января 1943 года произошел прорыв блокады Ленинграда, весь год шли бои по отражению попыток врага снова сомкнуть кольцо вокруг города. 27 января 1944 года Ленинград был полностью освобожден, началось масштабное наступление советских войск на Северо-Западе. В первые дни этих боев 364-я сибирская стрелковая дивизия отличилась в освобождении города Тосно Ленинградской области и была

удостоена почетного наименования Тосненской.

В течение всего 1944 года шли бои за освобождение Ленинградской, Новгородской и Псковской областей. Особо упорные баталии развернулись за освобождение Латвийской республики.

В декабре 1944 года произошла передислокация на 1-й Белорусский фронт под Варшаву, А. Даниленко участвовал в ее освобождении. Воевал в немецкой Померании, в апреле 1945 года участвовал в ожесточенных боях на Берлинском направлении, которые завершились взятием Берлина.

За отличные боевые действия и овладение немецкими городами, в числе которых Драмбург, Шифельбайн и, конечно, Берлин всему личному составу войск, принимавших участие в этих боях, была объявлена благодарность Верховного главнокомандующего И. В. Сталина.

За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в боях с фашистами, Александр Никитович награжден орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды, а также медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и «За победу над Германией».

ДОЛГОВ Михаил Александрович

Родился 1 июля 1927 года. В середине 1942 года начал служить юнгой на различных военных судах, которые ходили по Тихоокеанскому пути (ленд-лиз из Владивостока в Америку). Суда доставляли оружие и военную технику для Красной Армии. Был награжден Орденом Отечественной войны, медалью Жукова, медалью «За победу над Германией», памятным знаком участника плавания в конвоях Великой Отечественной войны, юбилейным знаком «Юнга огненных рейсов». В 1948 году был создан Музей юнг огненных рейсов, который в настоящее время находится в школе №892 г. Москвы.

После войны был председателем Московского регионального совета участников Великой Отечественной войны. Умер 30 января 1998 года, похоронен в Москве на Троекуровском кладбище.

Внучка Долгова Анна

КРОПОТОВА Нина Алексеевна

Родилась в 1926 году в Ивановской области. Окончив в 1942 году среднюю школу, отправилась в расположение тыловых частей. На тяжелом грузовике ГАЗ-ММ она, 16-летняя девочка, перевозила в расположение воинских частей продовольствие, медикаменты, обмундирование для солдат. Не раз попадала под обстрелы вражеских снарядов, случилось передвигаться по минному полю.

За самоотверженный вклад в Победу над фашистскими захватчиками награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», а также юбилейными наградами «50 лет Победы в Великой Отечественной войне» и «60 лет Победы в Великой Отечественной войне».

Умерла 10 июня 2006 года. Похоронена на Северном кладбище в Петербурге.

Правнучка Мозгалева Полина

ЗОЛОТОВ Сергей Васильевич

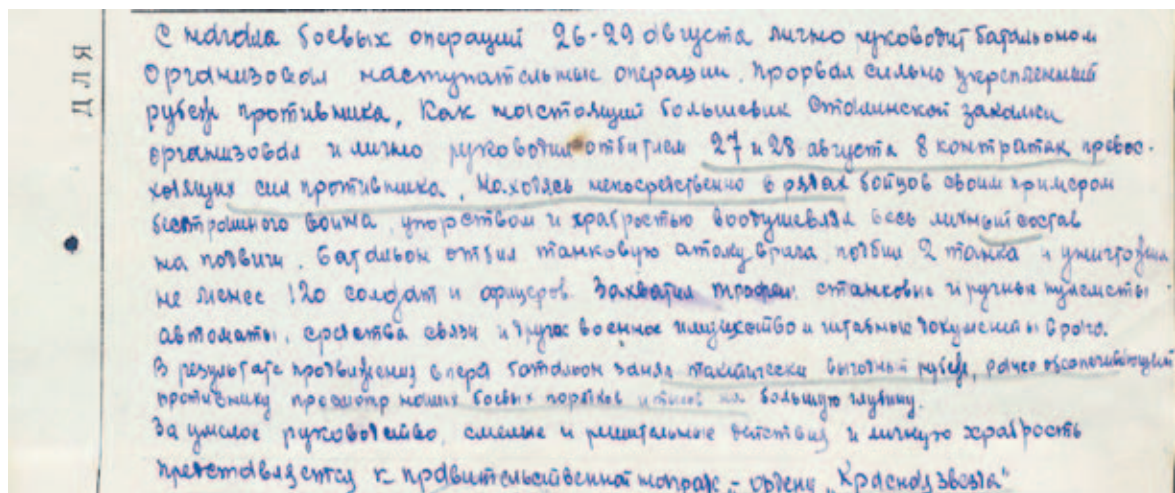
Мой прадед, инструктор политотдела 39-й армии, Золотов Сергей Васильевич, родился в 1912 году в с. Ореховка Калининского района Тверской области.

Во время Великой Отечественной войны был в составе группы политотдела армии, проводил большую воспитательную работу среди бойцов и командиров 135-й и 396-й стрелковых дивизий перед боем. За мужество и героизм в 1942 году награжден орденом Красной Звезды.

В наступательных боях 1943 года находился в боевых порядках штурмового батальона 396-й стрелковой дивизии. Примером личной храбрости и презрения к смерти, зажигая пламенным большевистским словом и личным мужеством, поднимал и вдохновлял бойцов на овладение деревней Первомайское.

Ведя бойцов в атаку на укрепленные позиции противника, погиб смертью героя 5 ноября 1943 в районе Ржевского выступа (Калининский фронт). Его гибель на глазах у всех бойцов вызвала жгучую ненависть к врагам и, несмотря на губительный огонь противника, бойцы стремительно рванулись вперед и овладели деревнями Первомайское, Бортники, Линёво и Урдомы. Пламенный агитатор, мужественный и отважный политработник удостоен посмертно ордена Ленина. Похоронен на высоком берегу Волги вблизи деревни Пустошки Селижаровского района.

Правнучка Ануфриева Валерия

КИРИЛЛОВ Павел Владимирович
красноармеец

Родился в 1913 году. Был призван в Красную Армию Красногвардейским райвоенсоветом г. Ленинграда 23 июня 1941 года. Пропал без вести в ноябре 1941 года.

ЛАЗУТКИН Михаил Григорьевич
рядовой

Родился в 1906 году. Был призван в Советскую Армию в 1941 году и направлен в Петродворец в военноморской десант. Вернулся домой в 1946 году инвалидом войны.

МАКСИМОВ Тимофей Семенович
майор Красной Армии

Родился 4 февраля 1923 года. Был призван в Красную Армию в 1941 году. Воевал на Воронежском фронте. Участвовал в боях за освобождение Днепра и города-крепости Кременец на Тернопольщине. Также воевал на Дальневосточном фронте. Был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени. Умер в ноябре 1993 года.

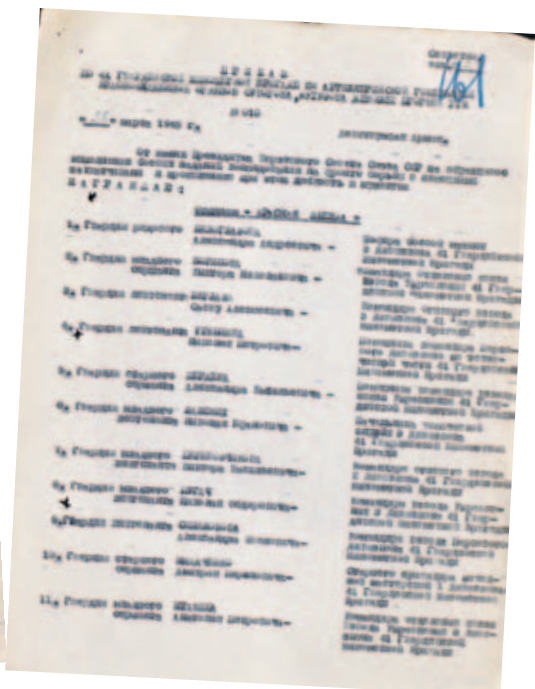
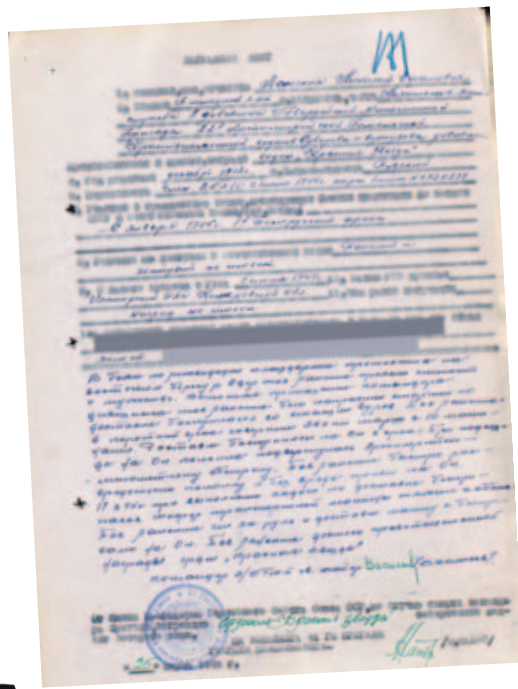
ЛАНСКИХ Николай Ефанович

Родился в Кемеровской области в декабре 1912 года. В июле 1941 года был призван Ижморским РВК, прошел всю Великую Отечественную войну, дошел до Берлина, совершил множество подвигов и был удостоен различных правительственных наград.

Описание подвигов удалось найти в архивных наградных листах. Например, стало известно, что гвардии младший лейтенант Ланских Николай Ефанович, начальник химической службы 3-го дивизиона 41-й гвардейской минометной бригады, в боях по ликвидации плацдарма противника на восточном берегу реки Одер проявил смелость и мужество. Выполняя приказание командира дивизиона, он был направлен старшим по доставке боеприпасов со станции Гуров. Николай Ефанович в короткий срок совершил двухсоткилометровый марш с десятью машинами. При подъезде к месту назначения колонна

подверглась артиллерийско-минометному обстрелу. Н. Е. Ланских быстро рассредоточил колонну и без какого-либо ущерба доставил боеприпасы в срок. 17 марта 1945 года при выполнении задачи по доставке боеприпасов шофер транспортной машины тяжело заболел и Николай Ефанович, не умея водить, сел за руль и доставил машину с боеприпасами.

ЛУКЪЯНЕНКО Константин Иванович

Родился в 1903 году в пос. Менгрельский Краснодарского края. Воевал в Великую Отечественную войну. Был призван в ополчение, через несколько месяцев после этого пришло извещение о том, что он пропал без вести. Погиб в 1943 году где-то под Харьковом.

Правнучка Куц Валерия

ЛЮТИКОВ Георгий Григорьевич

Родился в 1911 году. В Красной Армии служил с ноября 1933 года. Прошел советско-финскую войну. Старший лейтенант, командир роты отдельного саперного батальона 70-й стрелковой дивизии.

Был убит под Ленинградом 22 декабря 1941 года.

В Ленинграде, на Фонтанке, осталась мать, наша прабабушка, Анастасия Михайловна, которая погибла от голода во время блокады.

Жена Георгия Григорьевича, наша бабушка, Александра Николаевна, в июне 1941 года отдыхала в Горьком и после начала войны в Ленинград не вернулась. Наш отец, Георгий Георгиевич, родился 17 августа 1941 года. Бабушка писала деду письма, к которым прикладывала ладошку ребенка и обводила пером. Увидеть сына деду не довелось...

МАМАЙ Николай Алексеевич

Родился в 1926 году в городе Часов-Яр Донецкой области Украинской ССР. В 1944 году был призван в армию, воевал в авиации, был стрелком-радистом. После войны остался служить техником по обслуживанию самолетов в Белорусском военном округе. Награжден пятью медалями, вышел в отставку в звании капитана. В 1985 году был награжден Орденом Отечественной войны II степени.

Правнучка Иващенко Дарья

РЫЖОВ Павел Павлович

Мой прадед родился 27 сентября 1915 года в д. Авксентьево Мантуровского района Костромской области. В 1938 году его призвали в армию. Сначала служил в Заполярье, на Северном флоте во 2-м отдельном артиллерийском дивизионе Мурманского укрепрайона на острове Кильдин. В береговой артиллерии встретил начало Великой Отечественной войны. Затем был переброшен в район реки Западная Лица, где шли ожесточенные бои. Стоял насмерть, защищая Мурманск, был контужен. За проявленное мужество Павел Павлович награжден многими орденами и медалями.

Вернулся с войны в 1947 году, работал в колхозе. В 1986 году был награжден Орденом Отечественной войны I степени. Умер 3 апреля 1997 года, похоронен на кладбище в д. Карьково Мантуровского района Костромской области.

Правнук Чайкин Георгий

МОРОЗОВ Федор Александрович
сержант

Родился 8 июня 1922 года. Был призван в действующую армию в 1941 году. Воевал под Москвой.

ПАВЛИХИН Алексей Дмитриевич
сержант

Родился в 1912 году.
Был защитником Ленинградского фронта.

ПОПОВ Анатолий Александрович

Родился в 1924 году. Ушел добровольцем на фронт в 1941 году. Призывался из Воронежа. Погиб в Белоруссии в 1944 году.

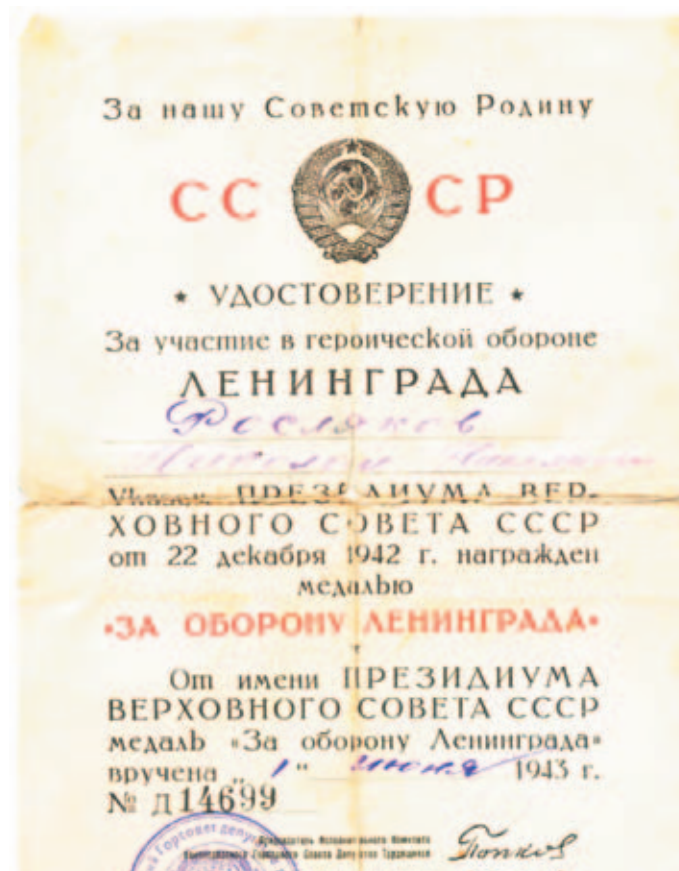

РОСЛЯКОВ Николай Николаевич

гвардии рядовой

Родился в 1910 году. В РККА призван Володарским РВК города Ленинграда 14 марта 1942 года. Награжден орденом Красной Звезды и медалью «За оборону Ленинграда».

Мой Росляков служил в РВК с 14.03.42. Работал шофером сменами на старом автомобиле. За время боёв в составе бригады № 300 Белорусской фронты, с 14.1.43, тов. Росляков обеспечил бесперебойную работу старом автомобиле. Провел старом работу на 2-м месяце продолжил заданную работу в ф-ве Точка-Взрыв. В период время работы на исходных позициях танков, тов. Росляков несколько раз выводил машину из автомобильного обоза в районе зар. Мебе и Траузенца. За период с 14.1.43, по 10.3.43, тов. Росляков в период работы обеспечил работу Управления

СИРОТКИН Юрий Вячеславович

Мой прадед, Сироткин Юрий Вячеславович, родился 5 января 1924 года в Ленинграде. 25 июля 1942 года 18-летним юношей ушел на фронт. Воевал на Волховском фронте (376-я стрелковая дивизия, 1248-й стрелковый полк), был минометчиком. 25 января 1944 года был тяжело ранен. Награжден медалью «За оборону Ленинграда», памятным знаком «Ветеран Волховского фронта — участник битвы за Ленинград 1941-1944 гг.».

Умер 13 июня 1980 года, сказалось полученное на фронте тяжелое ранение. Похоронен на кладбище в пос. Стрельна.

Правнук Чайкин Константин

САМОХВАЛОВА Анастасия Семеновна

майор медицинской службы

Родилась в 1906 году. Участник Великой Отечественной войны, воевала с сентября 1941-го по май 1946 года в составе 42-й армии Ленинградского фронта, была на 2-м Прибалтийском и Дальневосточном фронтах.

Умерла в 1996 году.

СОКОЛОВ Иосиф Сергеевич

лейтенант

Родился в 1902 году.

Участвовал в боевых действиях на Ленинградском фронте с декабря 1941 по март 1946 года.

САВИН Федор Иванович

Родился в 1905 году. 24 июня 1941 года ушел добровольцем на фронт. В справке Октябрьского райвоенкомата, датированной июлем 1941 года, значится: «Пропал без вести».

Один из его друзей, также воевавший под Белостровом, на берегу реки Сестра, видел, как Федор Иванович был ранен в живот, но вытащить его из-под огня не смог, так как немцы наступали.

Федору Савину было всего 36 лет. Дома в Ленинграде остались жена и трое детей.

До настоящего времени его могила не найдена.

Праправнучка Умнова Арина

ИМЕННОЙ СПИСОК
бездогодатных потерь личного состава Октябрьского Райвоенкомата Ленинграда за период с по

Формы № 2-ВР.

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Воинское звание	Воин. и спец.	П. т.	Год. рожд.	Войск. местн. ур-ков.	Служба РКК: призыв и как. об. с какого года и агана	Корда и по какой причине вышл	Где похоронен	Вблизи, родител.	Где прожив. под. адрес
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	Савин Федор Иванович.	Кр-ч.	Стрелок	Б/п.	1905.	Псковск. обл.	Окт. РКК. 24.06.41.	Убит 5/6 июля 1941.		Жена: Милославина Анна Милославна	Шайгород, Ленинградская обл. 831 к. 33

Искренне
Октябрьский Райвоенкомат
Подполковник: [подпись]
Начальник бюро учета: [подпись]
Лейтенант: [подпись]

СЕРГЕЕВ Николай Андреевич

г.С.-Петербург,
ул.Бестужевская,
д.30, кв.37.

СЕРГЕЕВУ В.Н.

★
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ВОЕННО-МОРСКОЙ
АРХИВ

27 февраля 1985
м. 790

188350, г. Гатчина
Ленинградской обл.,
Красноармейский пр., 2

007473 *

АРХИВНАЯ СПРАВКА.

Капитан-лейтенант СЕРГЕЕВ НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ, 1907г.рождения, уроженец с.Куземкино Рязанской обл с 1929г. по 29 сентября 1945г. проходил службу в частях Военно-Морского Флота. На тральщике "Ударник охраны водного района Кронштадтской военно-морской базы в должности заместителя командира тральщика и политчасти. участвовал в боевых операциях против белофинов в 1939г.. С января 1941г. по январь 1942 будучи военкомом сторожевого корабля "Уран" Балтийского флота, участвовал в ряде операций по несению дозорной службы и конвоированию транспортов. в должности заместителя командира по политчасти 8 дивизиона сторожевых катеров Ленинградской ВМБ КБ. в 1943г. 36 раз выходил на выполнение боевых операций.

За личное мужество и умелое руководство личным составом награждён орденами: Отечественной войны 2 степени - 12 декабря 1943г.; "Красная Звезда" - 3 июля 1944г.; медалью "За оборону Ленинграда" - 22 декабря 1942г..

Уволен в запас по болезни 29 сентября 1945г.

ОСНОВАНИЕ: личное дело № 50003.

хранилищем

Александр Д. Шишкина

СОКОЛОВ Петр Иванович

Родился в 1922 году в Калининской области. 24 июня 1942 года ушел на фронт, был заместителем командира пулеметной роты. В справке военного комиссариата Ленинградского района города Москвы значится: «Погиб 3 сентября 1942 года». Ему было всего 20 лет. Похоронное извещение было выписано на имя матери — он был старшим сыном в семье.

Место где похоронен мой прадед до сих пор не найдено, так как документы в архиве не сохранились.

Правнук Владов Илья

СОШЕНКО Василий Иванович

Родился в 1923 году. Воевал в течение четырех лет, был сапером. Прошел всю войну, был награжден орденом Красной Звезды за подрыв вражеского танка на улице города Будапешт, его фотография и подвиг были опубликованы в газете. Также был награжден медалями за отвагу и мужество.

Воевать закончил в 1945 году в Австрии, в звании сержанта.

Умер в 1979 году, похоронен на Ахтырском кладбище Абинского района Краснодарского края.

СПИГИН Федор Иванович

Наш дед родился в 1903 году в Ходженте. Член ВКП(б). 5 июля 1941 года ушел на фронт добровольцем в числе сотрудников Ленинградской лесотехнической академии, где был доцентом кафедры политэкономии. Добровольческий отряд академии вошел в состав 3-го Выборгского стрелкового полка 3-й Ленинградской дивизии народного ополчения (Фрунзенского района), который держал оборону на подступах к Красному Селу, сдерживал напор врага на Олонецком направлении.

Погиб в сентябре 1941 года на Ленинградском фронте в боях при выходе из окружения в районе железнодорожной станции Токари в возрасте 38 лет. Долгое время считался пропавшим без вести. В 1960-е годы семья смогла получить скудные сведения о службе и гибели деда от однополчан.

Внучка Спигина Ольга Борисовна

ЩЕЛОКОВ Анатолий Васильевич

Мой прадед по бабушкиной линии родился в 1915 году. Уже на пятый день войны ушел на фронт и стал литературным сотрудником газеты 26-й армии Юго-Западного фронта «Советский патриот». Сражался с врагом рядом с бойцами действующей армии: в те дни 26-я армия вела кровопролитные бои на территории Западной Украины.

Начал войну Анатолий Васильевич младшим лейтенантом, а закончил майором. Позднее получил звание подполковника. После войны служил в газете «На страже Заполярья» в городе Североморск.

Правнук Блотнер Александр

70

ТОМИЛОВ Всеволод Иванович
красноармеец

Родился 11 марта 1917 года в пос. Красные Баки Горьковской области. Пропал без вести в марте 1942 года.

ФЕТИСОВ Василий Петрович
солдат

Родился в 1900 году.
Был защитником Ленинградского фронта.

ФИЛИППОВ Алексей Петрович

Родился в 1912 году. Уроженец Калининской области. Ушел на фронт в 1941 году. Звание — командир взвода 139-й стрелковой дивизии. Сражался под Москвой, был ранен. После госпиталя был отправлен под Курск. Погиб в сражении на Курско-Орловской дуге.

Память сердца

Полевая почта

К нам попали письма ленинградского мальчика Льва Новикова, эвакуированного вместе с другими ребятами из осажденного города в один из детских домов Ивановской области. Аккуратно свернутые треугольники пожелтевших страниц, а в них — целая жизнь маленького человека. Почти на каждом штамп: просмотрено военной цензурой. Письма из семейного архива были адресованы отцу мальчика Николаю Петровичу, защитнику Ленинградского фронта, и датированы 1941-1945 годами.

Здравствуй дорогой папочка.
Живу хорошо но сейчас нешто
го болел кашоткой у нас здесь
очень хорошо много грибов и
ягод. Лес большой где толь
ко купаться. Я каждый день
хожу в лес за грибами и за
ягодами, грибов я засушил
около 3 килограмм. Твою прось
бу я исполнил я много шито
и рисую и плакатов на воз
духе. Доехали мы спакон
но и благополучно. В дороге
нас кормили очень хорошо
и здесь не плохо правда с
тех пор как нам дали
мясо в вагоне я его не ем,
но ем каждый и почти
каждый день яйца и молоко
и картофель. Папа напиши
как твоё здоровье и как ты себя

чувствуешь мамини так же как
у тебя дела со службой. Я же
чувствую себя очень хорошо
настроение у меня тоже хо
рошее. Я думаю если война
скоро кончится то ты при
езжай к нам если ну жное
будут деньги примлю или
письмо или телеграмму.
Директор у нас очень мне
нравится он очень заботли
вый и много заботится о нас
воспитатели тоже хорошие.
Тюка до свиданья крепко целу
ю и шлю свой пионерский при
вет тебе и всем бойцам.
Лева 25/VI/42

4 полевая
почта часть
046
Левикову Ии
ка. л. л. Стреловичу
Ивановская обл. Луца гор. район
р-на Фрофиевский сельсовет
№ 13

дир. ступ

Милый папа.

Сегодня получил от тебя письмо ты говоришь что давно не получал от меня писем, это ты меня х-прости у меня совсем не было бумаги какими в Ленинград чтобы мне прислали бумаги.

Деньги я получил 200 руб. Живу хорошо сейчас у нас викале ввели новый предмет военное дело два урока в неделю.

У нас по прежнему хорошо. Жоржам нас хорошо но я не касдаюсь. Через день дают нам как конфеты, а также и масло масла тебе не дают иногда дают сыр.

Злеба нам свавили 400 грам но за это нам часто привождят малоко. Ряд Работы пока нет никакой иногда ка^{дрова} калям и то или теги по отделениям. В спальнях у нас тепло.

Поча до свидания
Целую крепко Лева

15/5-1943.

Здравствуй дорогой папа!
 Папа ты не переживай по у меня три
 посредственно по Георгиевкам, по Русским
 ушко, и по Африкантине. Повзросле у
 меня отменно, Внешнее дело отменно
 но, а остальные хорошо. Но папа не
 исправно эти отмены. Папапа и
 сейчас такотакими. Сейчас не
 занимаюсь потому что нет дули
 и если ты приходишь мне дули
 то я буду очень рад. Папапа я
 сейчас учусь играть на гитаре
 я уже учусь в дри и уже
 играю из вещей. Нам пишут
 письмо из Ленинграда и Смоленска
 там пишут что скоро мы пое-
 дем в Ленинград. Папа напиши
 самое о себе о своем здоровье
 о своей работе.

Ну пока до свидания

Крепко целую

Ав. Фокин

24/11-2/3.

Здравствуй дорогой папа!

Папа спешу тебе сообщить
 что я переищу в 6ой класс
 со следующими предметами:
 по русскому письменной устной
 4 арифметике 4 географии
 5 военному делу 5 физике
 и 5 литературе 5 ботани-
 ке. 4 Истории 3 немецким
 язык 4.

Папа когда тебе писал
 что мы в конце этого месяца
 уездем в Р.У. Ну да я незнаю
 узнаю когда директор поедет
 в г. Иваново и тогда скажет
 Живем попрежнему
 Богदा не вернется
 Да свидания
 Пренка целую
 Мел

8/VI-1942г.

В.И. Ленин

Здравей брати дорогой маме!
 Папа маме от твоей не получил,
 очень соскучался по тебе. Папа на днях
 был в драм театре, секретарь был поставлен
 в честь победы У. А. Крылова, режиссер был
 такой: баба Крылова хорошо оформившая
 декорации ружьевая на сцене затем две
 пьесы тоже по Крылову поставлены они
 были не только, в цирке я еще не был
 но думаю что скоро схожу. В кино я хочу,
 смотрел новый американский фильм "Бог-
 дадский вор". Сейчас идет новый фильм
 "В 6 часов вечера после войны" его я еще
 не смотрел но думаю скоро схожу.

Работать пока не могу. Ни один Ленинград
 ничего не выйдет до весны 1945 года
 но все же думаю что к 1 мая 1945 года я кричу
 а пока придется ездить по привычке

Ваш и все
 Ярко маме

2. / 11. 44.

Здравствуй дорогой папа!
 Папа письма от тебя не получаю.
 Работало я пока на ткацком
 писал ткацкие в к 27ой годовщине
 Р.К.К.А. Теперь буду писать к Дмитрию
 Ткацкие пишу не больше от 4 до 7.
 много дело с животными всего / имеет
 шел и клее есть, пишу на красном
 сайте сайне. Сегодня ткацкие
 не пишу выходной день за работу
 меня наверное примирят а его
 на дали примирительный билет
 на утрению в цирк, утрению
 устраивают для детей фанто-
 винов будут подарки.

В цирке я еще не был
 посмотрю и напишу подарию.
 Ткацкие цирк не больше
 мы работаем рядом с цирком
 там у нас ессарная машин оркестр.
 Федово был Дуров со своими
 зверями а сейчас не знаю.

Живу по прежнему все также
 спускаю, играю на мандолине
 в симфонии оркестре уже
 раз мы выступили у себя в
 Чирод.-рез. были хорошие отзывы
 Каринкой сейчас не видно
 картинараль и Вукурзская мама
 а перва изи.

Папа и все
 Крепкого здоровья
 23/II-45г.

Здравствуй дорогая наша!
 Года из вени кто я далеко не пишу.
 Года мои друзья и знакомые
 а поиски не работают на фронте
 а работают в фрудофресте великом круж-
 ке оформляем свое общественное
 рабочее а время со 2 мая, и у нас
 наши сам 5 партизанов: Суваров. Луи-
 зов. Ушаков. Трушков. Ущере
 наша с этим делом у меня подвигается
 и вой по твоему случаю у меня к тебе
 де добывая, ищущая, и думая, прощаю
 Наша ты красная мне любимая красная
 так вой если есть возможность по
 кричи мне еще любимая красная.

Года 1² мая я провел не вадно
 - Сходил в Цирк и весь день кричал
 как то не вадно вадно.

Скоро надеюсь работать карьерой
 Везде ищущая ищущая красная и не
 ридая. Так вой наша если можешь
 по пощам.

II Года все
 крепко тебе ищущая

Лили Лили

4/V-45

Здравствуй дорогая мам!
Венерю получил от тебе сразу 2
письма от 11 и 12 мая.
Там мне сказали что если эта справка
"и говорю про ту которую тебе выслал
из Москвы" не сара по тебе можно
только вызов из Ленинграда с разре-
шением на въезд в Ленинград а тут
меня отпустили и от правды куда
Так ты узнай в Ленпорудрезервах годна-
ли эта справка и поспросишь узнать
здесь. Расскажи в Ивановское областное
управление порудовых резервов.
А если ничего не выйдет то надеюсь
тебе до осени демобилизуют из армии
И тогда уже мы с тобой наверно
встретимся и будем жить по своему
Работай по трудовому договору.
Ну а пока все
Об скорого свидания
Всегда твои сын Лев

Война

Память сердца

Солдату войны

*Как бы мне хотелось встретить друга,
С кем довелось пройти нелегкую войну,
Вспомнить, как из вражеского круга
Прорывались с боем в ту весну...*

*Из солдатской фляжки выпить водки
За ребят, которых с нами нет.
Печальна хроника военной сводки,
Хотя прошло с тех пор немало лет.*

*Солдат войны в живых осталось мало —
Сама судьба ведет неумолимый счет.
Встретаться нам труднее стало,
От старых ран нередко сердце жмет.*

*Мы — ветераны, теперь другое время,
Но сохранилась юность в памяти у нас.
Пришло на смену зрелое, младое племя,
Я глубоко уверен, оно не хуже нас.*

*Е. Козырев,
житель МО Пискаревка,
ветеран Великой Отечественной войны*

ЕРМАКОВ Павел Николаевич

Сколько потерь и горя принесла Великая Отечественная война!..

Люди тогда уже не верили ни во что: ни в наступление завтрашнего дня, ни вообще в дальнейшую жизнь. Боялись смерти, боялись за жизнь мужчин, ушедших защищать Родину, боялись, что дети могут умереть от голода, боялись, что придут немцы и отнимут все, что так дорого сердцу. Не каждый сумеет вытерпеть не только физические, но и моральные страдания. И я считаю, что каждый человек, принявший то или иное участие в любой войне может гордо носить звание — Герой.

Я многое знаю о войне из произведений литературы, из рассказов ветеранов. А вот мой отец о войне никогда не рассказывал.

После его ухода из жизни (отца не стало в 1976 году) мама передала мне красноармейскую книжку отца.

Книжечка маленькая по формату (7x10 см) и старенькая, я бы даже сказала, ветхая. Берегу ее для потомков.

Но 9 Мая, каждый год, я беру эту книжку и прохожу вместе с отцом весь его военный путь. Пытаюсь представить, как это было.

Мой отец, Ермаков Павел Николаевич, родился 1923 году в селе Артамоновка Смоленской области.

Окончил семь классов общеобразовательной школы, приобрел специальность столяра.

10 июня 1942 года был призван на службу в армию Ливенским РВК Тульской области. После окончания Московского краснознаменного пехотного училища ему было присвоено звание младшего сержанта. Был командиром отделения связи 1353-го зенитного артиллерийского полка 22-й дивизии 4-го батальона.

В 1942 году был направлен на Донской фронт. Участвовал в боях за Сталинград. Указом Президиума Верховного Совета

СССР от 22 декабря 1942 года награжден медалью «За оборону Сталинграда».

В 1943 году воевал на Степном фронте. В 1944-м — на 2-м Украинском. Участвовал в боях за освобождение Харькова, Кировограда от немецких захватчиков. Освобождал реку Днепр.

Потом отец в составе 1215-го легкоартиллерийского полка Ордена Кутузова бригады участвовал в освобождении городов Трансильвании и Венгрии.

В марте-апреле 1945 года освобождал города Чехословакии.

Вот такой путь прописан в маленькой красноармейской книжке.

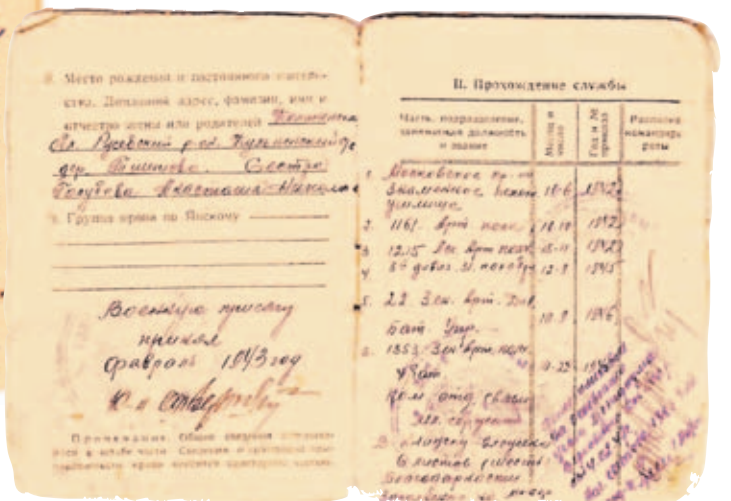
На каждой страничке — записи об объявлении благодарности за боевые действия (всего 14 благодарностей) от имени Маршала Советского Союза И. В. Сталина. Записи сделаны не очень разборчиво, мелким почерком (книжка-то маленькая), да и вытерлись уже некоторые со временем.

Ермаков Павел Николаевич награжден медалями «За оборону Сталинграда», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Такая маленькая книжечка, а так много рассказала!

Я горжусь своим отцом. Он настоящий Герой! В мирное время он служил в милиции. Но это уже другая история.

Надежда Павловна Егорова (в девичестве Ермакова)

Война глазами солдата

ИСАБЕКОВ Магруп Балтабаевич

Повесть «Война глазами солдата», отрывки из которой мы публикуем, нам прислала из Казахстана дочь Исабекова Магрупа Балтабаевича.

Он родился 1 июля 1919 года в городе Караганда. В 1937 году окончил Михайловскую среднюю школу. В 1939 году был призван в ряды Советской Армии для прохождения службы на границе с Литвой. По истечении срока службы в 1941 году 21 июня «встретил» Великую Отечественную войну одним из первых, охраняя государственную гра-

ницу в красивом зеленом городке Кретинг, расположенном на германо-литовской границе. Спустя некоторое время был взят в плен. За четыре года побывал в нескольких концлагерях. После страшных испытаний, лишений и унижений в лагерях «смерти» Магруп Балтабаевич остался в живых. Долгожданную победу он встретил в мае 1945 года в Берлине, став свидетелем и участником поднятия флага Победы над Рейхстагом. После окончания войны вернулся в родную Караганду.

По дорогам смерти, или За колючей проволокой

Жизнь тяжка, если ты в ней ищешь только легкую дорогу. Жизнь — сказочная оранжерея, если ты полюбишь ее во всех проявлениях.

Магруп Исабеков

1. Шауляй

9 июля 1941 года я вместе с красноармейцем Савосько попал в тюрьму города Шауляй. За входными дверями нас встре-

тило трое немецких солдат, открыв внутренние ворота, они пинками втокнули нас во двор. Площадка была набита пленными. Мы не успели осмотреться, как они нас окружили и стали весело и наперебой, словно на воле, расспрашивать о положении на фронте.

В последний раз мы видели фронт 30 июня. С тех пор прошло девять дней. Мы сами все это время шли, двигаясь лесом. В последнем нашем бое в тот день из 80 человек нашего 105-го погранотряда, созданного в первый день войны, оста-

лось 29 человек, из командиров — только лейтенант Колесов. Патроны израсходовали до последнего. После трехдневного скитания лейтенант приказал разбиться на группы по два-три человека и самостоятельно продвигаться на Ригу. По его приказу мы разобрали винтовки на мелкие части и разбросали по лесу, документы закопали.

Все время идя лесом, мы добрались до бывшей литовско-латвийской границы — города Жагаре. В тех местах лес был оцеплен. Здесь-то мы и наткнулись на группу немецких автоматчиков, которые и доставили нас в тюрьму.

Одна картина, которую мы наблюдали на тюремной площадке, потрясла нас до глубины души. Немецкий солдат ходил с мешком сухарей и горстями бросал их вверх, а голодные пленные кидались ловить их на лету. Следовавший за солдатом немецкий офицер все это фотографировал.

Поделившись впечатлениями с группой пленных, мы двинулись по тюремной площадке разыскивать знакомых. Первым во дворе тюрьмы мы встретили старшего политрука Крамаренко. Хотя мы и не были в полном обмундировании, все же не забыли соблюсти армейскую субординацию. Став по команде «Смирно», отдали воинскую честь. Крамаренко жестом дал знать, что этого больше делать не следует. Позже мы встретили красноармейца Федченко, которого в первый час войны мы с младшим сержантом Устименко раненого вели с границы до заставы.

2.

На следующее утро я встретил своего одноклассника Александра Каца. Бывают, как он, такие ловкачи, которые, не имея таланта, все же ищут любые лазейки к нему. Помню, на заставе он представлялся и певцом, и танцором, потом перебрался в какой-то ансамбль. Будучи евреем, в плену назвался белорусом. Через несколько дней он уже ходил в переводчиках у немецкого офицера и сопровождал его повсюду.

На четвертый день нашего пребывания в тюрьму привезли свежую партию военнопленных. Среди них было несколько человек из береговой охраны Балтийского флота. К одному из них подошел немецкий офицер и что-то пробормотал, затем схватил его за ворот бушлата и стал трясти. Моряк, недолго думая, ударил офицера кулаком так, что тот отлетел на несколько метров. Спустя пару минут группа надзирателей кинулась всех подряд избивать плетьюми, а матроса увели, и больше мы его не видели...

Это был последний подвиг матроса, он отстоял честь родной земли, честь воина, честь тех, которым суждено было пережить множество страданий, мук и унижений.

...Перед каждым построением немецкий офицер приказывал выйти из строя евреям. Смирившись с судьбой, они нехотя выходили из строя. Их куда-то уводили, и они больше не возвращались. Если случилось, что никто не отзывался, то офицеры проходили по шеренгам, пристально

Шауляй, Литва. Приговоренные к расстрелу роют себе могилы

вглядываясь каждому пленному в лицо, и уводили тех, кто был похож на еврея.

Утренний подъем в камерах начинался с избияния пленных дубиной и плетью. В каждую камеру заходила пара солдат с криком «Ауфштейн!». Каждый старался как можно быстрее выпрыгнуть из нар и выбежать на тюремную площадь, спасаясь от ударов плети и куска резинового кабеля. Когда немцы кричали нам «Лоуслоус!», казалось, что это лает сторожевой пес, настигая преследуемого беглеца.

Нас водили работать на аэродром. Перед выводом пленных из тюрьмы между внутренними и наружными воротами выстраивались две шеренги немецких солдат. В руках у каждого из них была резиновая дубина или плеть. Между воротами

было метров пятнадцать. Это расстояние мы называли потом «мертвым полем». Каждый из нас думал, как бы живым пробежать эти пятнадцать метров. За воротами тюрьмы нас строили в колонну и вели на аэродром, где ожидало новое испытание — «адский пролет» — так прозвали пленные участок перед аэродромом. В ста метрах от посадочной площадки аэродрома стояла деревянная будка, где хранились инструменты — кайла и лопаты. В 30-40 метрах от будки колонну военнопленных останавливали. Немецкие солдаты с дубинами снова выстраивались в две шеренги, между которыми мы должны были пробегать к будке, чтобы как можно быстрее схватить первый попавшийся инструмент и выйти

из «адского пролета». Каждый лишний шаг приближал к смерти. Кайла и лопаты лежали в беспорядке, их бросали туда также под крики «Лоус-лоус!». Инструменты переплетались, пленные задерживались, пытаюсь разобраться в этом хаосе. Их избивали до полусмерти, затем добивали пулей.

Оставшихся гнали на работы по планировке и расширению аэродрома. На площадь, по кольцу оцепленную солдатами, одновременно выгоняли несколько тысяч пленных, так что на каждый квадратный метр приходилось по несколько человек. Лица у многих были в отеках и синяках, исполосованные плетью; некоторые еле держались на ногах. Чтобы усилить наш страх, немцы устраивали бесчеловечные зрелища. Двое часовых о чем-то договаривались, затем, бросив жребий, подзывали к себе одного из тех, кто еле держался на ногах. Несчастливого ставили к дереву и, отойдя метров на двадцать, смеясь, брали на прицел. Выстрел — и жертва падала. Подозвав еще пятерых пленных, часовые заставляли их здесь же рыть могилу и закапывать труп. На лицах фашистов мы видели такое же удовлетворение, как если бы они вернулись с удачной охоты или совершили большой подвиг.

Так прошел месяц-другой. К осени начали отправлять в рабочие команды. Мы с Савосько попали на станцию Шиленай, что в 12 километрах от Шауляя. В команде было 300 человек. Мы работали на погрузке снарядов, и на сердце у нас было тяжело: мы чувствовали ответ-

ственность за то, что эти снаряды предназначались нашим братьям. Но эту работу мы выполняли. Все, что мы с Сашкой смогли придумать, когда сменялась пара наших пленных, это открывать крышки смазочной буксы вагонов и засыпать их песком. Разумеется, мы не знали, каким будет результат. На триста человек был один деревянный барак и двухъярусные нары. Солдатская шинель служила постелью. Не было ни бани, ни смены белья. Немцы, видимо, не боялись эпидемии на литовской земле. У них был свой способ «лечения». В 1941 году, обнаружив эпидемию, они расстреляли и закопали триста человек.

Барак был окружен колючей проволокой в два ряда, по углам стояли сторожевые вышки. Ночью лагерная площадка освещалась прожектором.

Чтобы держать нас в страхе, фашисты шли на разные изуверства. Перед закатом августовского солнца очень низко над лагерем на Восток пролетали немецкие бомбардировщики. Ни о чем, что делается на фронте, мы не знали. Иногда мимо лагеря на запад проезжали эшелоны раненных немецких солдат. У кого-то была перевязана голова, у кого-то руки, некоторые лежали в вагонах полностью перебинтованные. Кто-то из них грозил нам кулаком. Видя их злобу, мы чувствовали на душе некоторое облегчение. Значит, им крепко достаётся от наших.

Иногда на восток проезжали полки солдат. Между теми, кто возвращался с фронта, и этими, которые только ехали

на фронт, был резкий контраст. На восток ехала одна молодежь, нашпигованная пропагандой мирового господства фашистов. Их парадный вид, легкомысленный юношеский задор красноречиво говорили о том, что они не нюхали еще пороха, не пробудились от первого грома пушек, для них война была обычной туристической прогулкой. Некоторые подходили к проволочному ограждению с фотоаппаратом и снимали лагерную площадь (в это время наши солдаты отворачивались к стене); другие на губных гармошках играли русские песни. Один солдат сыграл «Катюшу». Мы кричали ему:

— Играешь хорошо! «Катюшу» встретить тоже не плохо, мы видели, как из милых объятий «Катюши» немцы бегут домой.

— Смотрите не машите кулаками в благодарность за наше гостеприимство!

А двигатель смерти продолжал работать. Однажды военнопленного Евсеева вызвали в вахтерскую. Инсценировав попытку к побегу, его расстреляли, а после этого еще и размозжили голову до неузнаваемости. Затем один из солдат, прихватив его за ноги на лагерную площадь. Нас выстроили в два ряда. Перед нами лежало мертвое тело Евсеева. Пришел вахтенфюрер и через переводчика «изложил обстоятельства». По его словам, Евсеева с одним солдатом послали за дровами на солдатскую кухню, тот попытался бежать, и часовой его застрелил. Затем предупредили нас: за попытку к побегу нас ожидает такая же участь. Но свою участь мы

понимали и без предупреждения. Пара сухарей и литр мучной баланды, побои, холод — все это красноречиво показывало нашу долю. Многие начали опухать, болеть, их тут же отправляли в основной лагерь — Шауляй. В конце сентября и нас привезли в Шауляй.

30 октября 1941 года после обеда нас выстроили на площади. С правого фланга отсчитали партию военнопленных и командовали им выйти за тюремные ворота. В их числе был и я. За воротами нас ожидали литовские граждане: они приехали за работниками. Среди них стоял высокий мужчина лет пятидесяти с округленным обрюзгшим лицом, рыжими, закрученными вверх усами, в полупальто и галифе, на ногах хромовые сапоги. Он стоял рядом с начальником лагеря и что-то жестом ему показывал. Пленных выстроили на улице, выводивший нас солдат командовал «Смирно!» и отпартовал начальнику лагеря. Последний что-то сказал по-немецки усатому литовцу, направив указательный палец в нашу сторону. Тот снял кепку, низко поклонился начальнику, подошел к нашему строю и начал считать. Сначала посчитал по рядам, затем выводил из строя каждого в отдельности, окидывая взглядом с ног до головы. Мы догадались, что нас везут к литовским крестьянам на работу. Нас посадили в открытую машину и привезли в какую-то деревню в 30 километрах от Шауляя — всего тридцать человек. По приезде в деревню нас окружили работодатели, каждый из них старался выбрать

более сильных и работоспособных. К своему хозяину я попал вместе с еще тремя пленными. Пока выбирали рабочих, наступил вечер. Хозяин привел нас к себе в дом. Мы не могли жаловаться, нас встретила хозяйка дома, положила на стол крестьянскую булку, варенье, сало, картошку и молоко. Мы очень хотели есть, но старались сдерживать себя, потому что резкая нагрузка на истощенный желудок могла закончиться неприятностью. Дня через три литовец передал меня своей сестре.

...В мае 1942 года нас собрали в объединенном лагере Шауляй и через неделю отправили в Германию.

Саксония

Недаром литовцы произносили это слово со страхом. Эта область Германии являлась кузницей войны. Здесь на военных полигонах испытывались новые виды оружия, здесь муштровали новобранцев, здесь все было пронизано духом войны.

Лагерь, в который нас привезли, был трудовой биржей. Это был объединенный лагерь, откуда шло распределение по рабочим командам. Здесь можно было встретить военнопленных всех стран, с которыми Германия вела войну. Изнутри лагерь разделяла колючая проволока: пленный каждой страны размещали отдельно. Меня удивило то, что среди английских военнопленных не было ни одного англичанина, возможно, они содержались отдельно, но среди той группы, которая находилась в лагере, английские воен-

нопленные были представлены индусами. Все как на подбор — рослые, сильные. Они были выходцами из мусульманской части Индии. Я был мало знаком с историей этой страны, но со школы в памяти сохранились обрывочные представления о своеобразии индийской культуры, о численности ее народа. Когда же я видел индуса на площади лагеря, склонившегося в молитве, невольно думал: «Чьи грехи он отмаливает? За чьи интересы он воевал?» И так думал каждый, кто видел индуса-мусульманина, скорчившегося на площади лагеря, перебирая листы Корана. Разве грехи этого индуса сравнятся с теми, кто попрали его национальные права, кто превратил сынов его народа в пушечное мясо?

Здесь мы пробыли недолго. Три месяца спустя из нас начали формировать рабочие команды. Я не имел никакой профессии, но так как о ее наличии спрашивали у самих пленнх, а мне, как и всем, не хотелось попасть куда-нибудь в пекло военных приготовлений, я назвал самую безобидную профессию — сапожника, хотя никогда не держал шила в руках. Через две недели в составе группы из 43 человек я попал в рабочую команду в город Бауцен.

Дора

Дора (Дора-Миттельбау) — это концентрационный лагерь, одно из отделений Бухенвальда. За четыре дня дороги почти половина заключенных нашей партии погибла. Особенно много погибших

было среди польских и литовских граждан. Советских военнопленных в поезде было не очень много. В нашем вагоне из советских были только мы с Костей.

Лагерь расположился на небольшой сопке, изрезанной горными выработками. На ее поверхности виднелись выходы нескольких штолен. В подземных выработках был завод реактивных управляемых снарядов «Фау-1» и «Фау-2». Под этой же горой, помимо завода по производству смертоносного оружия, работала и кузница смерти. При входе в штольни от их скалистых стен веяло холодом. После поездки мы были совершенно обескровлены, и подземные вентиляционные воздушные потоки пронизывали нас насквозь. Да и одеты мы были всего лишь в куртки из полосатой бязи и нательные рубашки.

От старожилы узнали историю этой гробницы. За несколько месяцев до нашего прибытия в течение 45 дней было уничтожено 400 советских военнопленных. Их закрыли в подземных шахтах, не выводя на дневной свет. Там они и работали, и ночевали. В течение полутора месяцев всех до единого сожгли. Возможно, это был эксперимент по приспособлению человека к условиям жизни пресмыкающихся. Пожалуй, и пресмыкающиеся не выжили бы в таких бесчеловечных условиях. Через неделю мы сами стали свидетелями массового убийства.

В первых числах марта расстреляли 25 советских юношей, якобы замешанных в организации восстания. Ежедневно вместе с колонной заключенных, воз-

вращавшихся с завода в лагерь, приезжали две пароконных тележки с расстрелянными.

В отличие от Гросс-Розена здесь трупы накрывали брезентом, но так небрежно, что с бортов ящика свисали голые ноги или руки. Достижения техники в руках фашистов тоже стали активно служить умерщвлению людей. Однажды в середине рабочего дня объявили тревогу на сбор. Часовые стали сгонять всех в одну выработку, по которой работал тельферный кран. На крючке крана поперек выработки была подвешена деревянная балка, а под ней висело 19 трупов. Из рта мертвецов торчала щетка, концы которой были перевязаны узлом на затылке.

Когда всех собрали, офицер СС сделал предупреждение: «Если кто будет саботировать, того ожидает такая же участь». Один Костя не падал духом и даже в такой момент продолжал шутить, он осторожно шепнул мне в ухо:

— Как фашизм далеко ушел от средневековья!

— Почему? — спросил я.

— В средние века рабов вешали на столбах, а теперь виселица стала механизированной и автоматизированной. Тогда к виселице подходил «святой отец» и просил приговоренного покаяться, а здесь, видишь, и рот заткнут. Наверное, фашисты боятся того, что об их земных грехах услышат на том свете.

Всех ошарашила эта форма виселицы. Старожилы рассказали причину такого повешения. Несколько недель назад

до нашего приезда вздернули одного патриота — Иозефа Янцевича, который перед тем, как ему накинули петлю на шею, успел крикнуть: «Долой фашизм! Да здравствует Польша!»

Позже в лагерь начал прибывать большой поток оборудования, в основном разного рода станки, а надзиратели начали вешать и стрелять заключенных без причины. Несколько человек было повешено только за то, что на носках их ботинок нашли несколько капель машинного масла и расценили это как саботаж.

Без дела никто не стоял. У каждого станка расставлялось по несколько человек, которые протирали пыль. В конце марта нас начали готовить к отправке уже в другое место. За несколько дней до отъезда над лагерем пролетел какой-то штурмовик, который стал обстреливать постовые вышки по всему кольцу ограждения. Модель самолета мы не смогли установить.

За три недели пребывания в этом лагере память не успевала запечатлеть все случаи убийства.

Бельзен

Начиная рассказ об этом кошмаре, хотел бы сказать, что, к сожалению, не все, что мы видим, можно передать на бумаге. То впечатление, которое осталось в моей памяти за время пребывания в этом месте, превосходит воображение писателя. Одно только воспоминание может вызывать у меня приступ паралича. Как озноб, по всему телу проходит дрожь.

Нас разгрузили на какой-то станции километрах в девяти от места назначения. Каждый километр пройденного пути после трехдневной голодовки казался бесконечным. Почему-то в этот раз не стали расстреливать отстававших, подзывали более крепких и заставляли вести их под руки. Может быть, просто не хотели наполнять немецкую землю трупным запахом.

Вели нас по какой-то грунтовой дороге. Из-за проезжавших машин колонну то и дело сгоняли в сторону. Среди встретившихся нам машин было две, крытых наглухо. Они ехали в направлении лагеря. Это были те самые душегубки, или «газодушки», в которые погружают живых, а у крематория выгружают уже мертвых.

Весеннее мартовское солнце жгло нас своими горячими лучами. Жара вместе с густой дорожной пылью отнимали последние силы. Мы уже не разбирали: нас точит голод, жажда или усталость. Навстречу попалась колонна еврейских женщин с малолетними детьми. У всех взлохмаченные волосы, огрубевшие от пота и дорожной пыли лица, на которых были следы обильно стекающего пота. Обuvi почти ни у кого не было: или ее отобрали, или они сняли сами, чтобы не натереть мозоли. Дети, которых матери вели под руки, ели волочили ноги, но в нашу сторону смотрели с любопытством, матери их одергивали.

Перед нами открылись ворота концлагеря Берген-Бельзен. Меня постигло большое несчастье — я потерял Костю. Когда мы сели в поезд на станции

Дора, то попали в разные вагоны. При высадке в Бельзене было не до поисков: под крики «Лоус-лоус!» нас выстроили в колонну и повели. Кинулся я разыскивать Костю уже в лагере, но и там не нашел.

Лагерь Бельзен располагался в сосновой роще. С виду трудно было догадаться, что это концлагерь. Двух и трехэтажные кирпичные дома. Возле одного здания стоял учебный танк. Мы решили, что здесь до нашего приезда было какое-то военное училище.

...Я забежал на чердак двухэтажного здания, в котором мы разместились. Меня охватила такая радость, будто я попал на кухню, когда увидел висящие шкурки двух кроликов. Спички были при мне. Я нашел стопку бумаги, и здесь же, в печке, осмолил шкурки и съел. Я был счастлив. В тот момент я не пошел бы в никакой ресторан, даже если бы меня пригласили.

Только в 12 часов следующего дня нам дали по 200 граммов мучной жижи и по 150 граммов хлеба. Таким же был наш рацион и на следующие сутки. Многие бродили по мусорным ямам, где их настигали пули...

Спустя несколько дней мы услышали звуки артиллерийской канонады. Сначала мы не придали этому никакого значения, думали, что это просто учебное занятие. Через неделю на одном из зданий повесили флаг с красным крестом. Со стороны западных ворот стали прибывать раненные солдаты. Спустя еще несколько дней — примерно в десятых числах апреля мы уже ясно слышали пулеметные очере-

ди, и они совсем не напоминали учебные занятия. Раненые все прибывали.

Не смолкала автоматная очередь и в лагере. То и дело у мусорной ямы расстреливали если не целую группу, то человека два-три. В 12 часов дня 14 апреля 1945 года мы сидели у двухэтажного корпуса. Метрах в тридцати от нас находилась кухня, где варили для нас мучную жижу и там же готовили пищу для раненых солдат. Перед кухней лежал ворох мусора. Мы прислушивались к пулеметным очередям, смотрели, нет ли поблизости часовых, и рывком бросались к мусорной куче. Одни сразу же клали что-то себе в рот, другие клали в карман. Вдруг, откуда ни возьмись, появился солдат и пустил в копошившихся в мусоре людей автоматную очередь. Мало кому удалось уйти живым. Шальная пуля угодила прямо в грудь одному из сидевших с нами на прилавке. Это был молодой парень с Украины, бывший до призыва в армию студентом третьего курса Днепропетровского института. Мы привели его в барак, пробовали перевязать рану, но не смогли остановить кровотечение. Через двадцать минут он скончался.

В час дня 14 апреля мимо лагеря проехала колонна танков. Из опознавательных знаков на танках были белые звездочки. Через час открылись восточные ворота и въехали две броневые машины. Оттуда вышла группа военных. Судя по их обмундированию, перед нами были не немецкие военнослужащие. Заключенные стали окружать броневики. Но многие,

и среди них я, наблюдали за происходящим из окна, боясь поверить случившемуся, считая это провокацией.

Только когда была арестована лагерная охрана, мы вышли на площадь, где узнали, что это была американская военная полиция. Пока вязали лагерную охрану, пленные стали устраивать самосуд над теми заключенными, которые бесчеловечно избивали своих же и активно участвовали в умерщвлении людей. Пока мы прятались в корпусе, кое-кого из капо уже прикончили. Последним перед разъяренной толпой предстал капо из немецких заключенных. Когда мы вышли из корпуса, большой поток людей унес нас к центру лагеря. Среди многотысячной толпы стоял капо, как раненный зверь, он отбивался от толпы каким-то железным кнутом. Его успели раздеть до трусов. Он был уже весь в крови. Каждый в него кидал, что попадалось под руки, он тем же предметом отбивался. Среди истощенной, обескровленной, многотысячной толпы он стоял как Гулливер среди лилипутов. Когда, наконец, он выбился из сил и начал пошатываться, его схватили, подняли на второй этаж корпуса и выкинули через открытые створки окна. Он не успел даже брыкнуться, разбился, вывалив язык. Пленные закричали хором: «Собаке — собачья смерть!»

Освободители не успели опомниться, как самосуд уже произошел. Один капо, поляк, успел обратиться за защитой к американским властям и миновал подобной расправы.

Американцы начали наводить порядок в лагере. Надзирателей заставили чистить ту мусорную кучу, которую немцы использовали как «мухомор» для заключенных. Пока они организовывали питание, многие отдельными группами пошли добывать пищу в окрестных поселках. Хозяева ни в чем не могли отказать. Они вытаскивали продовольствие без сожаления. Перед ними стояли воскресшие трупы, живые примеры фашистского произвола и изуверства. Глядя на наши изуродованные лица, они прикоснулись к тому кошмару, в котором мы существовали и который не описать пером.

На третий день после освобождения в лагерь приехал представитель советской военной миссии.

...19 мая 1945 года мы прибыли на станцию Капи. Здесь нас обмундировали, мы приняли присягу и влились в состав 29-го Кобринского Краснознаменского полка. Только после этого горький осадок в душе растворился. Иногда при виде солдата или офицера с орденами на груди, мы снова задавались мучительными вопросами: каждый орден означает боевой путь солдата, то, что он сделал для Родины, чтобы защитить ее. Что сделали мы? Чем мы докажем, что остались верными совести? Но постепенно живые солдатские будни отменяли такие мысли.

В сентябре 1945 года с группой солдат я был отправлен для прохождения службы в распоряжение военной комендатуры г. Виттенберг. Я помнил московский адрес Кости и написал письмо его

семье — семье Емельяновых. Одна из его сестер, Маша, ответила мне. Я узнал, что Костя жив и также служит в Советской Армии. Через месяц пришло письмо от Кости, который писал, что попал в госпиталь, поранив ногу при патрулировании города. Война закончилась, фашизм был низвергнут.

...В июне 1946 года моих ровесников демобилизовали. Всех нас собрали перед штабом и готовили к отправке. В эти минуты я мысленно уже был в объятиях моей любимой матери. Никакие земные блага я бы не променял на эту мечту.

Послесловие

Заканчивая эту небольшую повесть о войне, я хочу сказать, что описывал все словами очевидца. Писал о том, что видел, о том, какой война была на самом деле с самого начала. Я не преследовал цель показать общую панораму военных действий. Если кто-то ожидал это здесь найти, то напрасно, потому что здесь я отразил то, что сумела сохранить моя память — это отщепленные, разрозненные, потерявшие взаимосвязь части общей картины. Единственное, что объединяет эти части, — это глубокая вера людей, о которых я рассказываю, в Победу.

...Фашистская политика уничтожения людей стала индустрией. Уничтожали не одиночно, не десятками, убивали сотнями тысяч. Я иногда думаю, что, если бы эти 130 тысяч человек знали о том, что че-

рез шесть дней голода им на седьмой день дадут булку хлеба и одну отравленную консервную банку на двоих, даже у этих полумертвецов нашлись бы силы сопротивляться и бороться за жизнь. Но приказ Гитлера был совершенно секретным. Этих бесчеловечных злодеев смогли разоблачить только на Бельзенском процессе.

Я как бывший узник лагерей смерти не могу спокойно произносить слово «фашизм». Фашизм — это заговор против человечества. Фашизм — это уничтожение всякой свободы. Фашизм несет рабство, обрекающее на безнадежное вымирание целые народы. И, наконец, я кланяюсь своей судьбе, подарившей мне вторую жизнь. Да, именно так, я доживаю вторую жизнь уже более трех десятков лет. Я умирал много раз. Около четырех лет я ходил рядом со смертью, но мне посчастливилось выжить.

В дни, когда меня покидали последние силы, я мечтал увидеть хоть кого-нибудь из Казахстана, чтобы вместе вспомнить родную бескрайнюю степь, ее гостеприимный добродушный народ. Я жил так, чтобы не уронить честь этого маленького великодушного народа.

И, конечно, я в вечном долгу перед Советской Армией, перед советским народом, который сплотившись, осуществил историческую победу, освободив не только узников концлагерей, но и народы многих стран от фашистской чумы.

Никто не забыт и ничто не забыто

ЛИННИКОВ Александр Тимофеевич

Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости

А. С. Пушкин

Мой прадедущка, Александр Тимофеевич Линников, о котором я хочу рассказать, родился 19 марта 1906 года в семье казачьего урядника (унтер-офицерское звание, чин в казачьих восках: существовали звания старшего и младшего урядника. — *Прим. авт.*) Тимофея Степановича и Евдокии Ивановны на Наследышевском руднике Сулинского района Ростовской области. Детство провел в казачьей станице.

В 1929-1930 годах Александр Тимофеевич служил в Красной Армии в городе Армавире. С 13 марта по 22 апреля 1930 года в качестве стрелка участвовал в операции по ликвидации бандитизма в Чечне и Карачае.

В 1932 году Александр Тимофеевич приехал в Ленинград, сдал экзамены и поступил в Государственный ордена Ленина институт физической культуры им. П. Ф. Лесгафта. Успешно его окончил по специальности «организатор-

*Курская дуга. 1943 год.
Единственное фото с войны*

методист физкультуры» с присвоением звания специалиста высшей квалификации по физкультуре и был направлен на работу в Ростовский финансово-экономический институт.

Самыми яркими впечатлениями моего прадеда о студенческой жизни в Ленинграде были: участие во встрече челюскинцев и физкультурный парад на Красной площади в Москве в 1936 году.

Учился он с удовольствием, всегда пропагандировал физическую культуру и здоровый образ жизни. Любил прогулки по пригородам Ленинграда — Петродворцу, Пушкину, по берегу Финского залива, много фотографировал.

5 апреля 1938 года Александр Тимофеевич женился на Зинаиде Ивановне Неклюдовой.

Вскоре в семье появились дети: девочка Татьяна (моя бабушка) и мальчик Борис. Родители часто гуляли с малышами в Центральном парке им. М. Горького, а летом отдыхали в Геленджике,

Семейный портрет Линниковых

на берегу Черного моря, куда переехали родители прабабушки.

Счастливая жизнь продолжалась недолго: в 1941 году началась война, и 23 июня Александр Тимофеевич был мобилизован. Прошел всю войну, трижды был ранен. Служил в 69-й Краснознаменной Севской стрелковой дивизии (командир дивизии И. А. Кузовков) в составе 65-й армии генерала П. И. Батова.

Участвовал в боях на Курской дуге, форсировал Днепр, воевал в Польше, «брал» Варшаву, дошел до Берлина. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны, медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Вернувшись с фронта, Александр Тимофеевич часто рассказывал детям о различных эпизодах из военной жизни. Один из них есть в книге А. А. Андреева «По военным дорогам», напи-

санной по воспоминаниям однополчанина 69-й стрелковой дивизии 65-й армии: батальон, которым в тот момент командовал Александр Тимофеевич, попал в ситуацию, когда немецкие самоходки «проутюжили» их командный пункт и зашли в тыл, и тогда командир вызвал огонь на себя. Выручили однополчане: атака была отбита.

Фрагмент из книги А. А. Андреева «По военным дорогам» (Изд. «Москва», 1971):

Во время одной из контратак в тяжелом положении оказался командно-наблюдательный пункт 2-го батальона 237-го полка, где в то время находились исполняющий обязанности командира батальона капитан А. Т. Линников, заместитель командира батальона по политической части капитан А. Н. Богатырев и одиннадцать бойцов.

Около роты противника и четыре штурмовых орудия прорвались на стыке 237-го и 120-го полков и повели наступление на небольшую группу советских воинов.

Пехота противника где ползком, где короткими перебежками приближалась к командно-наблюдательному пункту. Три «Фердинанда» метрах в двухстах остановились и с места открыли огонь. Четвертая самоходка устремилась к окопам, в которых заняли круговую оборону два офицера и одиннадцать бойцов. Расстояние между бронированным чудовищем и окопами неумолимо сокращалось. Тогда капитан Богатырев вы-

скачил из окопа, подбежал к самоходке и бросил в нее противотанковую гранату. Мелкие осколки изрешетили грудь и лицо отважного политработника, а «Фердинанд» остался невредим.

Взревел мотор, и стальная машина прошла над головами пригнувшихся в окопе людей. Вдогонку ей снова была брошена граната, но и она не остановила вражескую машину. Развернувшись, самоходчики приготовились открыть огонь. Уже слышны были команды, подаваемые вражескими офицерами в рядах атакующей пехоты.

Создалось критическое положение. Советские воины поклялись в руки врага не даваться. А капитан Линников связался по радио с начальником штаба 237-го полка майором А. И. Котенко и вызвал огонь артиллерии на себя.

— Держись, Линников! — услышал он в ответ. — Сейчас поможем.

Через несколько минут взрывы снарядов советской артиллерии окаймили место, где оборонялись мужественные воины, и отсекали от них вражескую пехоту. Густой черный дым повалил из подбитой самоходки. Вскоре подоспевшие на помощь бойцы радостно обнимали оглушенных, еле державшихся на ногах, но счастливо улыбающихся защитников безымянной высоты.

Зинаида Ивановна часто писала мужу на фронт, посылала фотографии взрослых детей, рисовала поздравительные открытки, вкладывала засушенные цветы. В семейном архи-

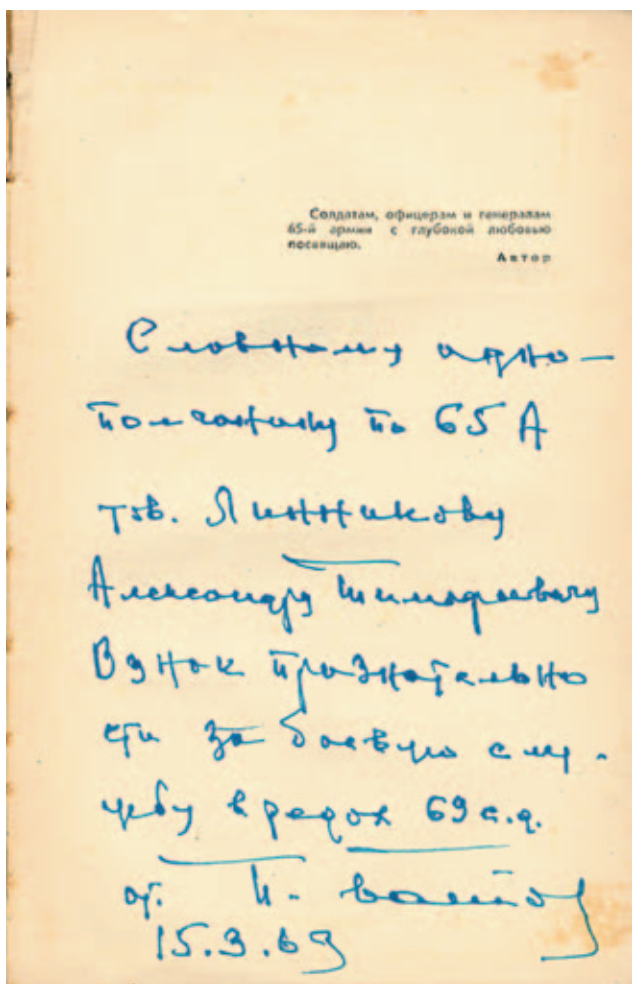

5 июня 1945 года. Берлин, Шпандау

ве, который находится у сына Бориса (г. Геленджик), до сих пор хранится переписка моих прадедушки и прабабушки в военные годы.

В 1943 году был период, когда Александр Тимофеевич семь месяцев не имел вестей о семье. Дело в том, что немцы были в Новороссийске и под Туапсе, а Зинаида Ивановна с детьми и своими родителями жила и работала в совхозе Михайловский Перевал (в 27-ми километрах от Геленджика, куда она вынуждена была уехать, когда к Ростову подходили немецкие войска). Совхоз находился в горах, и район был отрезан от России немецкой оккупацией, но захватчики не дошли до этих мест. Потом связь восстановилась, и переписка продолжилась.

После Победы над фашистской Германией в 1945 году Александр Тимофеевич Линников служил в комендатуре района Шпандау в Берлине, затем в комендатуре Магдебурга. Он соби-

рался остаться на службе в армии и выписать семью, но подорванное в окопах здоровье не позволило. После обследования врачи направили Александра Тимофеевича из Берлинского госпиталя в Москву, где он пролежал в «гипсовой кровати» 14 месяцев без движения. Кроме туберкулеза легких, у него обнаружился туберкулез позвоночника.

В октябре 1946 года Зинаида Ивановна привезла мужа на костылях, в железном корсете с металлическими пластинами домой на Михайловский Пере-

вал. Но вскоре семья вернулась в Геленджик, в домик Неклюдовых.

26 апреля 1947 года Александр Тимофеевич был уволен из рядов Красной Армии с должности начальника штаба стрелкового полка в звании майора по состоянию здоровья (инвалид ВОВ 1 группы). Приговор врачей: год-полтора жизни. И только самоотверженность его супруги, а также помощь родных и близких помогли Александру Тимофеевичу буквально «встать на ноги».

Через два года он начал работать заведующим отделом культпросветработы при райисполкоме Геленджика, в 1954-1959 годах был директором краеведческого музея.

Активно переписывался с однополчанами, с командующим 65-й армией генералом армии П. И. Батовым, от которого получил написанную им книгу «В походах и боях» с дарственной надписью.

В мае 1965 года Александр Тимофеевич участвовал во встрече однополчан в тех местах, где проходило форсирование Днепра. Полный впечатлений, вернувшись, он много рассказывал о беседах с боевыми товарищами.

Александр Тимофеевич Линников ушел из жизни в возрасте 64 лет...

*Правнучка
Александра Тимофеевича Линникова
Яковлева Майя*

Подвиг летчика

РАЗИН Анатолий Федорович

Эти материалы военной поры принес в администрацию МО Пискаревка Виктор Яковлевич Мамаев. Фронтовые письма и фотографии морского летчика Анатолия Федоровича Разина, служившего в 12-м Краснознаменном истребительном авиационном полку ВВС КБФ (Балтийский флот). Уникальные материалы, которые житель Пискаревки бережно хранил все эти годы, перешли к Виктору Яковлевичу по наследству. Его отчим служил врачом в полку. Он неохотно вспоминал о том времени. Многие подробности фронтовой жизни летчиков Мамаев не знал. Мы зашли на сайт «Подвиг народа». И вот какие интересные документы, содержащие информацию о войне, обнаружили в огромной базе данных.

«Анатолий Федорович Разин родился в 1920 году. Младший лейтенант. В РККА с 1940 года. Награжден орденом Красной Звезды.

В Отечественной войне принимал участие с марта 1943 года. За этот период времени произвел 112 боевых вылетов. Из них:

1. Сопровождение самолетов Ил-2 — 46.
2. Прикрытие трассы
Кобона-Осиновец — 12.
3. Отражение самолетов
противника — 36.
4. Штурмовка — 1.

10 июля 1943 года. При налете авиации противника на перевалочный пункт

Кобона для отражения налета товарищ Разин вылетел в группе четырех самолетов. Несмотря на превосходство немецкой авиации, воздушный бой был проведен так умело, что вражеские бомбардировщики беспорядочно сбросили бомбы в озеро и ушли на свою территорию.

25 июля 1943 года. При сопровождении штурмовиков Ил-2 в районе Синявино после выхода Ил-2 из атаки два мессершмитта 110 пытались атаковать штурмовиков. Товарищ Разин вступил в бой один против двух самолетов. В результате принятого на себя боя обеспечил благополучное возвращение самолетов Ил-2 на аэродром.

1 августа 1943 года. При сопровождении самолетов Ил-2 в районе Синявино произвел совместно с Ил-2 штурмовку огневых средств неприятеля. В результате чего подавил огонь двух зенитно-пулеметных точек.

При сопровождении Ил-2 товарищ Разин провел три воздушных боя, в период которых обеспечил успешное выполнение задания штурмовиками и их благополучное возвращение на аэродром.

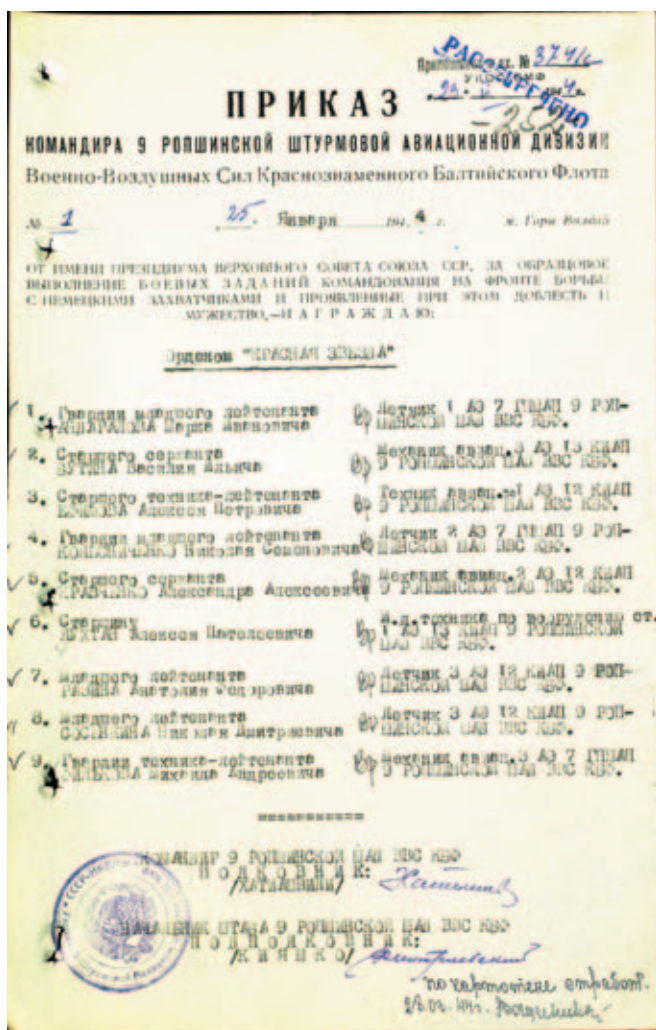
При переучивании на новую материальную часть, несмотря на сложность переучивания на прифронтовом аэродроме за короткий срок товарищ Разин освоил материальную часть и вошел в строй боевых летчиков на самолете Як-7Б.

В период проведения операции войск Ленинградского фронта по уни-

чтожению петергофско-стрельнинской группировки произвел два успешных боевых вылета при сопровождении самолетов Ил-2 на бомбоштурмовые действия по войскам и живой силе противника.

За образцовое выполнение заданий командования, успешное проведение 112 боевых вылета, подавление двух зенитных автоматов и восьми зенитно-пулеметных точек и проявленные при этом мужество и отвагу товарищ Разин удостоен правительственной награды».

Ниже, под документом стояла подпись командира 12-го Краснознаменного истребительного авиационного полка ВВС КБФ майора Волочнева. И дата — 25 января 1944 года.

Летчик Анатолий Разин погиб во время боевого вылета в районе Курголовского полуострова. У Виктора Яковлевича Мамаева сохранилось письмо его фронтового товарища авиамеханика Бориса Гуськова, адресованное сестре Анатолия Разина, Вере. В нем комсорг полка пишет о гибели летчика. На письме стоит дата 28 апреля 1944 года — это было ровно 70 лет назад.

28.04.44г. Здравствуй Вера!

Ты много с мамой интересуешься и спрашиваешь писать подробно, что я знаю о Вашей брате Анатолии. Сейчас не пишу, а вспоминаю те самолеты которые ходят на боевые задания. В тою жесть наши самолеты охраняли Итурловских которые давали сигнал в море кораблю противника. Анатолий был в прекрестии и охранял Итурловских от истребителей противника. Над чьим полем истребителей противника и завязалась борьба между нашими самолетами и немецкими.

Анатолий в тою жесть был подобен и очевидно ранен, походу машины долой но машина на море была сильно повреждена или он истребитель не вернулся с моря. Той жестью над морем.

Вот и все что я знаю о твоём любимом.

Он был хорошим товарищем и ~~я~~ по раз с ним беседовал по душам. Он, когда была мамаша болела соборался приехать к Вам в станицу но его не стало обидеться в не обидеться

Примерно такое же полетание было и у меня только с ойуом и шайм и выход, а вот пишу мы и слыши говорим истребители.

Вообще Вера на море ~~вообще~~ воевать надо прямо сказать сильно, ~~со~~ приходила сестра что лучше. За Анатолия наши летчики сбивли несколько самолетов противника.

9.22.

А еще очевидно встретим в сводках
о поименных кораблях противника и
будем их боимись считать за наших
русских редких поименных наших
битых немцев, а вода их встретит
гостеприимно.

Да Вера так же нежно и
думает что нет братца но надо
помнить что он сидит своим делом
дуо жалею за то что бы не был
ни кто под самым немцем, а что
хуже смерти. И Вера много еще
наших сидит молодых редких и еще
сидит за то чтоб увидеть
победу. Ну господами Вера
Меню хороши Ваши мысли.

С приветом
борис
Цукерман

Великая Отечественная война подняла весь народ нашей страны на защиту Отечества. Почти каждая семья провожала на фронт близких и дорогих людей, но не каждая дождалась их возвращения. Военные судьбы скла-

дывались по-разному. По-разному они сложились и у моих дедушек, светлую память о которых мы бережно сохраняем в нашем доме. О них я, внучка, и хочу рассказать на страницах книги «Память сердца».

ПАНТЕЛЕЕВ Петр Григорьевич

Петр Григорьевич — мой дедушка со стороны отца. Он родился 22 июня 1906 года в Саратовской области, в крестьянской семье. В детстве и юности помогал родителям по хозяйству и учился в школе, а достигнув совершеннолетия был призван в армию. В 1929-1931 годах служил в Ленинграде. После демобилизации окончил водительские курсы и стал работать шофером на грузовиках, так называемых «полуторках».

В 1935 году был командирован в колхоз на уборку урожая и там познакомился с Александровой Верой Петровной, которая, как и он, работала в Ленинграде шофером, но только водила не грузовые машины, а легковой автомобиль. Молодые люди полюбили друг друга и вскоре поженились. 30 сентября 1936 года у них родился сын Юрий — мой отец.

В первый же день Великой Отечественной войны дед был призван в армию и направлен в 804-й отдельный автобатальон Ленинградского фронта.

С декабря 1941-го по апрель 1942 года он находился на легендарной ледовой автотрассе №1, проложенной по Ладожскому озеру и прозванной ленинградцами Дорогой жизни. Из Ленинграда за кольцо блокады он вывозил боеприпасы, изготовленные предпри-

ятиями осажденного города, эвакуировал раненых бойцов и мирных жителей, а ввозил в город продукты, медикаменты и многое другое, что могло хоть в какой-то степени облегчить участь населения.

Труд водителей был не только тяжелым, но и опасным. Немцы часто бомбили Дорогу жизни, после чего на льду озера оставались опасные воронки. Рабочий день был не нормирован, водителей страдали от жестокого недоедания и сурово-

го мороза, когда руки примерзали к рулю. Они как могли боролись с этими бедами. Чтобы не уснуть за рулем и не попасть в полыню, вешали около себя котелок и клали в него ложку, чтобы они своим стуком не давали заснуть. А чтобы успеть вовремя выскочить из машины, если ее вдруг подбьют, дверь кабины оставляли открытой. Но силы преодолеть все это им давали чувства долга и ответственности перед жителями города.

В своей «Ленинградской поэме» О. Ф. Берггольц писала о шоферах Дороги жизни:

...Но он доставит хлеб, пригонит
К хлебопекарне — до зари.
Шестнадцать тысяч матерей
Пайки получают на заре —
Сто двадцать пять блокадных грамм
С огнем и кровью пополам.

С 1943 года дедушка служил в 1-й отдельной автороте Ленинградского фронта. 30 апреля 1943 года ему было присвоено звание младшего сержанта, а 5 августа того же года он был награжден медалью «За оборону Ленинграда». В последующем Петр Григорьевич был удостоен ор-

дена Красной Звезды и медали «За победу над Германией», а в послевоенные годы — юбилейными памятными медалями.

После возвращения с фронта он вернулся в Ленинград и продолжал работать шофером. На заслуженный отдых вышел в возрасте 71 года.

В феврале 1942 года дедушка эвакуировал свою семью в тыл. Домой все вернулись только в 1945 году. Бабушка Вера Петровна опять стала работать водителем, но теперь уже не на легковой машине, а на небольшом грузовичке. Работала в организации, где содержались пленные немцы, и мой папа, тогда еще подросток, помогал ей грузить и разгружать тяжелые емкости и упаковки.

Дедушка, как и многие фронтовики, о войне рассказывал мало. Воспоминания были слишком тяжелы. В последние годы жизни у него болели руки, обмороженные на Дороге жизни зимой 1941-1942 года.

В сентябре 1991 года Петра Григорьевича Пантелеева не стало.

Он прожил трудную, полную лишений и утрат, но интересную жизнь. Мы всегда помним о нем и никогда его не забудем.

АЛЕКСЕЕВ Александр Андреевич

Александр Андреевич, мой дедушка со стороны матери, родился в 1910 году в селе Ильина Гора Демянского района Новгородской области, в крестьянской семье, дружной и работающей. Однако в конце 1920-х годов в силу сложившихся обстоятельств, семья была вынуждена уехать из родного села и обосноваться в Ленинградской области.

В 1932 году Александр Андреевич женился на Дадоновой Нине Алексеевне, уроженке деревни Пухолово Мгинского района Ленинградской области. 14 марта 1933 года у них родилась первая дочь Людмила, а 16 августа 1936 года вторая — Римма, моя мама.

30 ноября 1939 года началась война с Финляндией, в результате которой государственная граница СССР была отодвинута на более безопасное для г. Ленинграда расстояние.

Мой дедушка был призван на эту войну, прошел ее всю и в 1940 году вернулся домой.

С фронта от него пришло письмо с его фотографией. Такую же он прислал и одной из своих родственниц, а на обороте фотоснимка написал: «Дарю на память Обрамовой Клавдии. Вспоминайте меня. Защищаю Вас и весь Советский Союз. С Карельского перешейка, с фронта. Саша».

Вернувшись с фронта, дедушка работал, воспитывал дочерей, построил во Мге дом, но семья прожила в нем только три месяца — началась Великая Отечественная война.

11 сентября 1941 года мой дедушка Александр Андреевич Алексеев был призван в действующую армию Мгинским РВК Ленинградской области. На этом все сведения о нем обрываются.

В эти дни за железнодорожную станцию Мга шли кровопролитные бои. Враги интенсивно обстреливали населенные пункты. В один из таких артобстрелов погибла моя бабушка Нина Алексеевна. Она была на огороде, и ее смертельно ранило. Не дожив до утра, она скончалась. Остались ее престарелая мать Дадонова Мария Павловна (моя прабабушка) и две осиротевшие девочки восьми и пяти лет.

Более двух лет Мга была оккупирована фашистами. За это время они пре-

вратили ее в мощное оборонительное укрепление и установили свой порядок. Согласно ему значительная часть населения была переселена в другие места проживания. Моя прабабушка и обе девочки были угнаны в деревню Пустошки Калининской (Тверской) области.

Слава Богу, они все остались живы, но о дедушке по-прежнему не было никаких известий. В 1947 году моя тетья Людмила Александровна Алексеева получила извещение из Выборгского РВК г. Ленинграда о том, что А. А. Алексеев пропал без вести в июле 1944 года, а по данным Министерства обороны Российской Федерации он пропал без вести в январе 1947 года.

Наша семья неоднократно обращалась в различные организации, чтобы выяснить подробности о судьбе нашего дорогого отца, дедушки, прадедушки, но ответ был только один: «Пропал без вести» — и больше ничего.

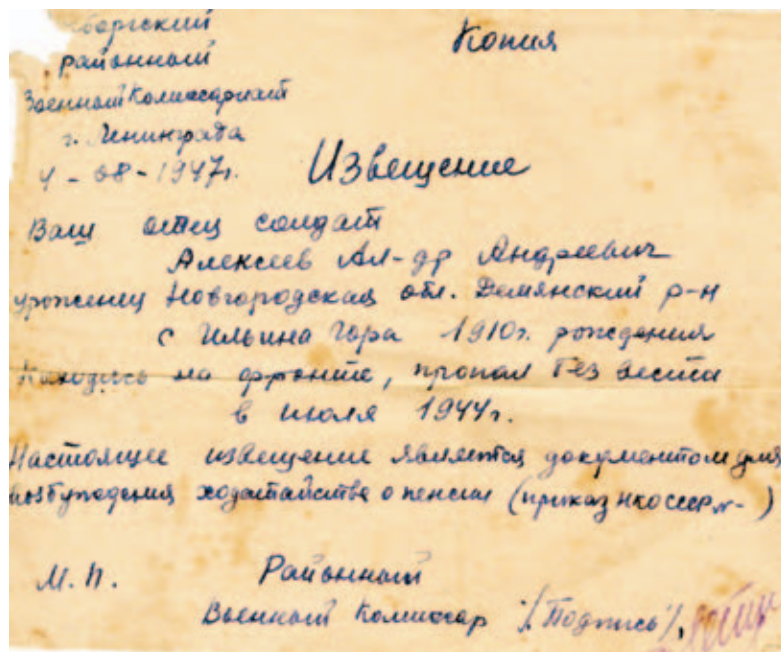
Мы так и не знаем, в каких войсках, на каком фронте он воевал, где погиб и где похоронен. Мы совсем не знали его и видели только на фотографии, но уверены, что он погиб за нас — настоящих и будущих его потомков.

Мукбиль Марина Юрьевна

Примечание редакции.

1. Ветеранские организации поднимают вопрос о том, что к 70-летию Победы необходимо законодательно признать военнослужащих, пропавших без вести на фронтах Великой Отечественной войны, погибшими при защите Отечества.

2. 3 декабря 2014 года в нашей стране впервые был отмечен День памяти пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны. Торжественно-траурная церемония прошла на Пискаревском мемориале.

Деды. 70 лет спустя

*Докатилась от деда-прадеда
Слава воинская до нас.
Мы — наследники, мы — ответчики...*

П. Шубин

Я учусь в 7-м классе школы №98 Калининского района. В школе с 1971 года работает музей «Из истории Волховского фронта». Здесь проходят уроки, исторические игры, посвященные истории Волховского фронта и Великой Отечественной войны. Когда я готовилась к одной из таких игр, дед, сам ребенок войны, рассказал мне о прадедах, которые воевали и с победой вернулись домой, показал мне их награды, документы о ранениях и настоящую саперную лопатку, которой солдаты окапывались под Волховом. Историю моего прадеда — отца бабушки — Веснина Александра Павловича, воевавшего как раз на Волховском фронте, дед знал очень хорошо, а вот о своем отце, Власове

Александре Константиновиче, практически ничего не знал, так как он умер, когда дедушке было всего пять лет.

На одном из этапов исторической игры я рассказывала о герое Волховского фронта, моем прадеде, младшем лейтенанте Александре Веснине и его подвиге. И мне очень захотелось узнать, за какой подвиг был награжден второй прадед и что случилось с третьим.

Сейчас в мире стали забывать и даже искажать историю этой кровавой войны. Бывший нацистский преступник С. Бандера, провозглашен национальным героем Украины. В Литве, Латвии, Эстонии, которые не меньше нашей страны пострадали от фашизма, преследуются ветераны Великой Отечественной войны, против них возбуждаются уголовные дела. Для того чтобы о неизвестных подвигах прадедов помнили те, кто придет после нас, я и решила написать военную историю моей семьи.

Младший лейтенант Александр ВЕСНИН

Мои прадедушки по маминой линии призывались на фронт в один и тот же день в 1941 году районным военкоматом города Котлас Архангельской области. Им было по 19 лет. Может быть, они даже познакомились на призывном пункте. Но об этом мы никогда не узнаем. Одного, Власова Александра Константиновича, сразу направили на Карельский фронт, а второго, Веснина Александра Павловича, — на курсы командиров. После курсов

младший лейтенант Веснин был отправлен на Волховский фронт. И конечно, никто не мог предположить тогда, что мои прадеды будут защищать и отстаивать мой родной город Ленинград. Ведь я первая из нашей семьи, чьей малой родиной стал Санкт-Петербург.

Мой прадед, Александр Веснин, родился 21 сентября 1922 года в деревне Шертима Котласского района Архангельской области. Получил мирную профес-

сию — электросварщик. У нас в семье сохранилось его свидетельство об окончании фабрично-заводского училища. Там стоят одни пятерки. Прадед хотел работать на Ленинском судоремонтно-судостроительном заводе, но началась война. Он не любил вспоминать о фронтовых годах, поэтому историй из его боевой жизни мы знаем не много. Даже о ранениях известно не все.

уже стар, у него очень мерзли и болели ноги.

Всю тяжесть обороны Ленинграда описал в своих стихах участник тех боев П. Шубин. Любимой песней прадеда была песня на его стихи, написанные в 1942 году, «Волховская застольная». Когда прадед вспоминал свои бои и однополчан, он всегда пел вот эти строчки и говорил, что это о нем:

Самым первым впечатлением деревенского парня о войне стал разбомбленный состав с кавалерией неподалеку от Волхова. Некоторые лошади были убиты, другие ранены и громко хрипели. Солдатам, многие из которых были такие же молодые, как и прадед, было очень страшно.

На Волховском фронте прадед воевал в районе Синявино и командовал вторым саперным взводом отдельной саперной роты 137-й стрелковой бригады. Во взводе у прадеда было пять сержантов и 32 красноармейца. Взвод держал оборону в синявинских болотах. Прадед рассказывал, что они сутками лежали в болотах и для спасения от болотной сырости делали небольшие плотки из веток. Однажды немецкая пуля рикошетом отлетела от дерева и попала младшему лейтенанту Веснину в ступню. Так он получил первое ранение. Оборона в болотах не могла не сказаться на здоровье. Когда прадед был

Выпьем за тех, кто неделями долгими
В мерзлых лежал блиндажах,
Бился на Ладогe, бился на Волхове,
Не отступал ни на шаг.

Выпьем за тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград пробивался болотами,
Горло ломая врагу.

Будут в преданьях навеки прославлены,
Под пулеметной пургой,
Наши штыки на высотах Синявина,
Наши полки подо Мгой.

Взвод, которым командовал прадед, вел оборону в низине, так как фашистами были заняты высоты. Когда поступил приказ идти в атаку, солдаты боялись встать с земли. Пулеметы немцев с высоты простреливали все кругом. Тех, кто поднимался, сразу убивали. Но был

дан приказ о наступлении и прадед, как командир, первым поднялся во весь рост. «За Родину!» — закричал он. Прошло несколько мгновений, пока он один стоял перед цепью солдат. Каждое из этих мгновений могло оказаться последним, но он продолжал поднимать солдат в атаку, хотя кругом свистели фашистские пули. Наконец поднялся один солдат, потом другой, третий... С криками «Урааа!» солдаты пошли в атаку. Немецкие пулеметчики продолжали стрелять, но остановить наступление наших солдат уже не могли.

И в это время пуля немецкого снайпера, которые охотились за командирами, попала в голову прадедушки. Было это 1 сентября 1942 года. Он упал, но успел увидеть, как взвод захватил вражескую высоту. А потом его положили на носилки и понесли в полевой госпиталь.

Перед отправлением в тыл на лечение к нему подошел командир роты, поблагодарил за успешную атаку и пообещал представить за героизм к боевой

награде. Но, может быть, у командира появились другие заботы, а может быть, и сам он был ранен или убит в другом бою, но награду прадед так и не получил. А у нас в семье хранится справка о тяжелом ранении младшего лейтенанта Веснина в боях за советскую родину.

Когда в госпитале, после операции с головы прадеда сняли бинты, и медсестра подала зеркало, то при виде лица с многочисленными шрамами на глаза его невольно навернулись слезы. «Кто же теперь за меня замуж выйдет?» — подумал он — так изуродовала лицо фашистская пуля. Но после войны прадед женился, у него родилось двое детей, а сам он стал следователем и дослужился до звания майора милиции.

После госпиталя прадед снова был направлен на фронт, снова воевал и снова был ранен, на этот раз в грудь. Произошло это 14 июня 1944 года. Ему прострелили грудную клетку, рана была очень тяжелой, поэтому его эвакуировали в глубокий

тыл, в Самарканд, последовало долгое лечение.

С войны прадед вернулся без боевых наград, хотя офицерам только за три ранения, полученные в боях, был положен орден. Когда прадеду предлагали оформить документы на этот орден, он говорил: «Не за награды воевал. Я не «орденопросец»!». Боевыми наградами лейтенанта Весни-

на стали справки о ранениях да удостоверение личности, написанное на обычном листе в линейку из школьной тетради, окропленное его кровью.

Когда беру в руки эти полуистлевшие листы с бурыми пятнами, время как бы поворачивается вспять и ком в горле перехватывает дыхание.

Красноармеец Александр ВЛАСОВ

Ровно через 70 лет узнали мы историю подвига красноармейца Александра Власова.

Нужно было видеть лицо моего деда, когда он буквально несколько дней назад увидел документы, рассказывающие о подвиге отца. Мой прадед Власов Александр Константинович умер, когда бабушке было всего пять лет. Единственное, что дед знал точно, это то, что прадед был награжден медалью «За отвагу», так как он ребенком, в послевоенные годы, играл в войну и надевал медаль умершего отца-фронтовика. Вся жизнь он считал, что его отец воевал под Москвой, а оказалось, что он был направлен на Карельский фронт, а в Москве был в госпитале.

Одной из важнейших задач Карельского фронта было обеспечение беспре-

ребойной деятельности Кировской железной дороги. Еще в сентябре 1941 года Геббельс заявил по радио: «Кировская дорога выведена из строя — не работает и не может быть восстановлена». Однако Геббельс ошибался — железная дорога была в полном порядке, не повреждена и работала хорошо. И во многом благодаря таким солдатам как мой прадед.

Только за первую половину 1942 года по дороге прошло 15 тысяч вагонов (примерно 230-240 тысяч тонн импортных грузов) из Мурманска в центр страны и в Ленинград. А всего в течение войны было перевезено несколько миллионов тонн грузов. Для борьбы с диверсионными отрядами финнов, которые периодически проникали в тыл, железнодорожники

Кировской железной дороги оборудовали даже семь бронепоездов.

С 13 февраля по 11 апреля 1942 года прадед принимал участие в боях около станции Масельская Кировской железной дороги, где был тяжело ранен в обе ноги. Вот что сказано о его подвиге в наградном листе.

Ночью 11 апреля 1942 года красноармеец Александр Власов находился на посту у ДЗОТа и увидел приближавшуюся к позиции 2-й стрелковой роты группу финских разведчиков до 40 человек. Прадед открыл стрельбу по разведчикам, чем поднял свою роту в ружье. Но в это вре-

мя финны, подползшие к прадеду с другой стороны, закидали его позицию гранатами. Во время боя прадед убил трех финнов, но и сам был тяжело ранен в обе ноги. За этот бой он и был награжден медалью «За отвагу», которая давалась солдату за личное мужество.

И вот 70 лет спустя, произошла встреча с подвигом! Нам наконец-то стало известно об этом героическом поступке, благодаря сайту «Подвиг народа». Как хорошо, что есть люди, которые делают все возможное, чтобы родственники и просто не равнодушные люди знали и помнили подвиги наших родных и близких.

Прадед Ваня

О фронтовых буднях деда моего папы, Кичкина Ивана Федоровича, известно очень мало.

В 1943 году его забрасывали с каким-то заданием в тыл к немцам. Но десант попал в плен, и прадед оказался в концлагере в Восточной Пруссии. Историю прадеда Вани нашей семье еще предстоит написать.

Но мы непременно найдем какие-нибудь, пока неизвестные нам документы, рассказывающие о его подвигах с тем, чтобы продолжить семейную книгу памяти.

Мои прадеды были маленькой частью нашей Красной Армии, которая победила фашистов. Они пролили свою

кровь, для того чтобы защитить Родину, чтобы мы, наследники их победы, жили счастливо в свободной стране.

Я горжусь своими прадедами и, как наследница их победы, хорошо учусь и добиваюсь побед в спорте.

Каждый год, 9 Мая, мы с родителями ходим на Пискаревское мемори-

альное кладбище, чтобы положить цветы на могилы защитников Ленинграда, и вспоминаем, что и наши родные принесли эту долгожданную победу.

*Кудряшова Дарья,
внучка Власова Вячеслава Александровича*

МЕЛЬНИЧЕНКО Владимир Григорьевич

Ленинградом, на Украине, в Белоруссии а также в Польше и Германии. Дошел до самого Берлина.

За боевые заслуги был награжден орденами и медалями.

После окончания войны Владимир Григорьевич вернулся в Казахстан и стал председателем колхоза.

В 1941 году в Казахстане, в Джамбульской области у него родился сын Геннадий Владимирович.

Владимир Григорьевич Мельниченко родился в украинском городе Умань в 1914 году. Еще до войны он окончил сельскохозяйственный институт в Киеве, затем его направили на подъем сельского хозяйства в Казахстан, в Семипалатинскую область.

В Казахстане его и настигла война, но как специалисту ему дали отсрочку на год. В 1942 году был отправлен на фронт. Попал в артиллеристы. Был трижды ранен. Лежал в госпиталях, поправившись, снова возвращался на фронт. Воевал под

На долгую
память маме
и сыну
15.6.45 г. из Германии.
От Владимира

*Через месяц после окончания войны.
«На долгую память маме и сыну 15.06.45 г.
Из Германии. От Владимира»*

Владимир Григорьевич прожил 72 года. Похоронен в Казахстане, в Джамбульской области, Меркенский район, село Нововоскресеновка. В селе Нововоскресеновка в его честь назвали улицу — улица Мельниченко.

На фоне Эрмитажа. Владимир Григорьевич с сыном Геннадием Владимировичем

Я очень горжусь своим прадедушкой Михаилом Петровичем Паньковым, потому что он участвовал в Великой Отечественной войне, был разведчиком и защитником Родины. Родился он в 1924 году в Астрахани.

Шел 1943 год. За город Мелитополь шли тяжелые пятнадцатидневные бои. Задача нашей 216-ой Краснознаменной механизированной стрелковой дивизии, при тебе которой я был разведчиком, была: перерезать железную дорогу и лишить гитлеровцев сообщения с западными районами нашей Родины.

23 октября 1943 года я получил задание от командира дивизии: пробраться в тыл к немцам и определить участок наибольшего скопления военной техники и живой силы противника. Выходить нужно было в ночь. Возружился, как говорит, "до зубов": пять гранат-длиннок, автомат, пистолет-ТТ и финка.

Удачно перешел линию фронта и через кустарник и опушку леса углубился на территории противника до 2-3-х километров, а затем, передвигаясь вдоль линии фронта, всю ночь наблюдал за перемещениями немцев.

Собрав сведения, около пяти часов утра и стал возвращаться к своим. Перешел передовую линию противника и, отойдя от нее на сто-сто пятьдесят метров, залег в нейтральной зоне, под кустом, чтобы отдохнуть.

И, вдруг, вижу: перебежками приближаются ко мне два солдата. Последние их перебежки закончилась в пяти метрах от меня. Они залегли. Силку, переговариваясь по-немецки. Мгновенно принимаю решение - захватить одного живым.

Вытащил финку, в левой руке автомат. Молниеносным броском наваливаюсь на одного и втыкаю финку под лезвие лопатки - насмерть! Второму команду: "Хеда хо! Нихт шпрехен!" Выхватываю из его рук автомат и отбрасываю в сторону.

...Тех привел "язык", который дополнил мои сведения. На допросе выяснилось, что это тоже были разведчики.

Это был мой третий "язык", за что меня наградили орденом "Славы" III-ей степени.

..._ _ _ _ _

Перед выходом на задание я написал письмо домой матери. Это письмо сохранилось и, впоследствии, я переложил его на стихи:

Мой прадед воевал в 216-й Краснознаменной механизированной стрелковой дивизии.

В нашей семье сохранились письма Михаила Петровича. Одно из них рассказывает о том, как он ходил в разведку. А и такое, что было написано за десять минут до очередного боя и в стихах. В нем мой

прадед обращается к Родине, ее гражданам, к маме и к своей жене...

Как говорится в стихотворении, у Михаила Панькова было два старших брата: Федор Петрович Паньков и Виктор Федорович Паньков. Оба они погибли за Родину.

Мой дедушка, Вячеслав Михайлович Паньков, рассказывал мне, как в 1943 году Михаил отправился в разведку, и его

ПИСЬМО С ФРОНТА

Шлю всем родным и всем знакомым
Боевой привет с передовой:
Улице, башням и школе родной,
Друзьям и подругам поклон мой земной.

Ты пишешь, что очень скучаешь,
Что грустно в разлуке тебе без меня.
Крепись и мужайся, и твердо надейся,
Что мы доживем до Победного дня!

Клянусь перед тобой, что в бой я не струшу,
В позор не введу свой родительский дом.
Всю силу свою на фашистов обрушу,
Сразу их гранатой, прикладом, штыком!

Родная, мы верим - Победа за нами!
И сил не жалея, с прагами я бьюсь.
А это письмо сохрани ты на память,
Прочтем его вместе, когда я вернусь.

Брат средний погиб в сорок первом,
На Черном море - за Родину свою.
Авиатор-майор - в сорок третьем,
В неравном воздушном бою.

Но я, братишка самый младший,
Стройнее фашистам отомщу.
И в день Победы на Рейхстаге
Поставлю трижды подпись я свою.

Крепко целую тебя, дорогая!
Мне хочется нежно тебя приласкать.
Минут через десять иду я в атаку.
Вот все, что успел я тебе написать.

— " — " —

Инструктор ОК УМН - Михаил
ПАНЬКОВ

и нескольких товарищей заметили фашисты. Разведчики побежали к своим, а немцы стреляли из пулемета, и несколько пуль попали в моего прадедушку. Одна — в руку, вторая — в правый бок ниже ребер, а третья — в икроножную мышцу. Михаила отправили в госпиталь под городом Сальск, где он впридачу к ранениям заболел тифом.

Он уже умирал, когда об этом узнала его мама. Она сразу же поехала в Сальск, с большим трудом достала для него кое-какие продукты.

Когда прадедушку комиссовали, он еле ходил и воевать никак не мог, поэтому вернулся в Астрахань.

Слева — Паньков Федор Петрович.
Фотографии Виктора Петровича
не сохранилось

Свидетельство о смерти
Виктора Петровича Панькова

Михаил Петрович в 1943 году

Там он постепенно начал выздоравливать. Его заново учили ходить. К концу 1943 года с помощью мамы Михаил встал на ноги. Начал стал ходить на танцы и на плавание. В 1944-м встретил на танцах свою будущую жену Глафиру. Ее отец был главным бухгалтером Московского Кремля. В конце 1944 года Глафира и Михаил поженились. И в 1945 году родился мой дедушка.

Глафира работала в парикмахерской, и в 1946 году за нехватку денег ее посадили на десять лет.

Мой дедушка, сын Глафиры, не помнит ее, потому что последний раз видел ее, когда ему было полгода. Так что мой дедушка жил с Михаилом Петровичем.

Михаил еще в школе занимал почетные места, а теперь стал плавать лучше всех в Астрахани. Его направляли на все российские соревнования в Москву.

Первенство РСФСР по плаванию 3-6 августа 1946 года. Выход из воды после прохождения дистанции 100 метров вольным стилем. Москва, водная станция «Динамо» (Химки). Финишировал первым!

Мой прадед занял первое место вольным стилем. Стал чемпионом РСФСР по плаванию.

По возвращении в Астрахань ему советовали ехать в Ленинград, что он и сделал в 1947 году. Приехав, сразу начал учиться в школе тренеров по плаванию, затем профессионально играть в водное поло за команду морского училища им. В. М. Фрунзе и учиться в институте физической культуры им. П. Ф. Лесгафта.

Работал в спортивном комитете Ленинграда. Позже его кандидатуру рассматривали на пост директора стадиона им. В. И. Ленина (Петровский). Но Михаил не был членом Коммунистической партии (КПСС), и из-за этого его кандидатура была отклонена.

Затем он начал тренировать команду спортивного общества «Трудовые резервы» по водному поло. За это время получил звание судьи всесоюзной категории по плаванию и звание судьи республиканской категории по водному поло. Он судил множество соревнований.

Начал строительство водноспортивного комплекса при Политехническом институте с голой земли. По окончании строительства комплекса стал его первым директором и был им в течение шести лет. Бассейн функционирует и по сей день.

Как говорит мой дедушка, для него этот бассейн как Памятник его папе Михаилу Петровичу Паныкову.

Михаил продолжал работать в спортивном комитете Ленинграда до пенсионного возраста. Ходил на парады в Ленинграде.

Я очень горжусь своим прадедушкой!

*Парад в Ленинграде.
Михаил идет справа, махая рукой*

Родители моей бабушки, Паньковой Людмилы, то есть мои прабабушка и прадедушка, жили в Ленинграде и встретились после снятия блокады.

Мой прадедушка, Белявин Сергей Николаевич, родился в 1917 году в Мышкинском районе Ярославской области.

Во время блокады ездил на полуторке по Дороге жизни. Перевозил из Ленинграда детей, женщин и раненых людей на большую землю, привозил медикаменты и продукты питания в Ленинград. Ездить нужно было с открытой дверью, для того чтобы спастись, если машина провалится под лед. Из-за этого Сергей Николае-

вич отморозил себе ногу, правда, ее смогли спасти и ампутировали только палец.

В 1944 году его отправили на торфозаготовки. Там он познакомился со своей будущей женой Ивоновой, а затем Белявиной Елизаветой Александровной.

Как мне рассказывала бабушка со слов своей мамы, Елизавета Александровна во время войны была в блокадном Ленинграде, служила в войсках МПВО (Местной противовоздушной обороны). Они тушили зажигательные бомбы на крышах домов, смотрели на небо и предупреждали людей об опасности. Рассказывала бабушка и о том, как люди выживали в тех трудных условиях: делали лепешки из лебеды, искали на грядках остатки невыкопанных овощей, ходили в сгоревшие дома и квартиры, чтобы найти что-нибудь полезное. Зимой было очень холодно, и всегда не хватало еды. Воду брали из Невы, поскольку водоснабжения не было. Чтобы согреться, жгли все подряд.

После войны моей прабабушке Елизавете Александровне восстанавливали документы. Она хотела сказать, что старше, для того чтобы меньше работать. Но в суматохе, напутала и сказала что младше, и работала на год больше.

А Сергей Николаевич после войны трудился в ЛГУ (Ленинградский государственный университет) шофером. Умер в 1960 году прямо на глазах у моей бабушки. Он проснулся, сказал, что плохо себя чувствует. Она побежала на улицу к телефонному автомату, позвонила в скорую. Ей не поверили, поскольку ей было

*11 мая 1945 года родилась моя бабушка.
А затем, ровно через год, 11 мая 1946 года — ее родной брат*

15 лет и голос детский, сказали позвать взрослых. Мама моей бабушки была на работе, папе плохо. Бабушка позвала прохожую, и незнакомая женщина сообщила в скорую помощь о том, что отцу девочки плохо. Папа ее все время сидел на стуле в кухне, но перед самым приездом скорой свалился на пол. Приехавший доктор сделал моему прадеду укол. Как рассказывала бабушка, до этого он лежал, закрыв глаза, а когда ему делали укол — вздрогнул,

зажмурился и больше не подавал признаков жизни.

Моя бабушка жила со своей мамой, которая прожила до 80 лет. На свое восьмидесятилетие она сказала моей бабушке, что в последний раз празднует свой день рождения. Так и случилось.

*Паньков Даниил,
ученик гимназии №192*

Зима. Блокада. Голод все острее... Алина Бестаева, школа №128

Сыновний долг

БАРАНОВ Лев Георгиевич

Мерный стук колес электрички успокаивал. За окном вагона проплывали бескрайние холмистые поля предгорий Северного Кавказа, покрытые виноградниками, посевами кукурузы, бахчами. Я ехал из Минеральных Вод в сторону Моздока. Конечным пунктом моей поездки в совершенно незнакомые места Чечено-Ингушской АССР была станция Ищерская, вернее, хутор Шефатов, где в декабре 1942 года погиб мой отец.

Времени до станицы Ищерская было несколько часов, и, глядя в окно на уходящую куда-то вдаль холмистую местность, я вспоминал свою уже немолодую жизнь и особенно предвоенное детство, счастливую многодетную семью: двух братьев, сестру, отца и мать, работавших сельскими учителями. В то время, ребенком, я думал, что так будет всегда. И вдруг...

В середине июньского жаркого дня в наше волжское село, недалеко от Сталинграда, ворвалась страшная весть: война! Мы, дети, тогда не понимали, да и не могли понять, через какие лишения и ужас нам придется пройти. Я не могу сейчас вспомнить реакцию отца и матери на это ужасное известие, но знаю абсолютно точ-

но, что через несколько дней мой отец, директор школы, ушел добровольцем на фронт.

В последний раз я видел отца, когда он приехал в краткосрочный отпуск на несколько дней. Это было в конце 1941-го или в начале 1942 года. Я хорошо помню, как мы проводили его с мамой за околицу села. Мела метель, грейдер был занесен сугробами, машины не хо-

дили, да и какие машины в то время.

Он поцеловал нас — я увидел в его глазах слезы — и ушел в пургу, в сторону Сталинграда. Он, видимо, предчувствовал и понимал, что видится с нами в последний раз. Шел уже третий день после ухода отца, и мы, дети, в ужасе вспоминали, как мать выла, рыдала и кричала, катаясь по полу, рвала на себе волосы.

В канун Первомайского праздника 1943 года пришла похоронка — отец погиб. Соседи успокаивали, как могли, или жались в страхе. Лицо матери было ужасно распухшим, глаза обезумевшие, ничего не понимающие. И вдруг она затихла или впала в забытие. Моей маме было 32 года, она осталась одна с четырьмя детьми, старшему из которых не было и 11 лет. И всего полгода назад мы похоронили нашу бабушку, ее мать.

Крайний справа — Георгий Тимофеевич Баранов

Жили мы в то время в селе Розовка Куйбышевской (Самарской) области, где находились в эвакуации. Нас вывезли из родного села Ерзовка под Сталинградом в конце августа 1942 года, и мы попали в село, откуда были выселены немцы Поволжья.

После двух лет эвакуации наша семья вернулась на родину под Сталинград. Еще шла война. Осенью мы с сестрой пошли в школу, а мама стала работать там же учителем.

Как мы выживали в последний год войны, да и в последующие, особенно в голодный и неурожайный 1946-й, — отдельная тема. Голод, кругом разруха, отсутствие жилья. Одно грело душу — мы вернулись домой.

Из рассказов мамы я вспоминаю, что она, особенно в послевоенные годы, настой-

чиво искала какие-либо сведения о месте гибели мужа, обращалась в различные военные инстанции, по адресу, указанному в похоронке, но никаких новых данных получить не удалось.

Прошло много лет, мы все выросли, у каждого своя судьба. Мама свою жизнь отдала нам, оставшись вдовой.

Шли уже восьмидесятые годы, мы с женой, жительницей блокадного Ленинграда, жили и работали в ее родном городе, который стал родным и близким и для меня — с ним связана вся моя судьба. Но меня никогда не покидала мысль, что я должен, именно должен, побывать в тех местах, где погиб мой отец. Но все как-то не получалось.

И вот помог случай, может быть, не самый веселый для меня и супруги. Я лежал в больнице после операции. Време-

ни свободного было много, и я попросил жену принести мне что-нибудь почитать. Она принесла томик Виталия Закруткина. Читая его «Кавказские записки» о боевых действиях наших войск по защите подступов к Северному Кавказу от фашистских оккупантов, особенно про вклад казачьих подразделений под командованием генерала Селиванова, я встретил знакомые по похоронке названия населенных пунктов Ищерская и хутор Шефатов, где проходили наиболее ожесточенные бои. И решение пришло мгновенно: как только поправлюсь, поеду на Северный Кавказ. Я должен обязательно посетить эти места!

И вот я еду в электричке! Той осенью мы с супругой отдохали в санатории г. Ессентуки. Жену мне удалось убедить, что вначале я должен съездить один, все разузнать, поскольку места абсолютно незнакомые. После довольно длительной поездки электричка прибыла на станцию Ищерская.

Я решил обратиться к дежурному по вокзалу в надежде, что он знает, как проехать на хутор Шефатов. К моему огорчению, о таком хуторе он не слышал и помочь не мог. Посоветовал обратиться к старикам — «аксакалам», которые сидели на лавочке у одного из домов недалеко от станции. Я был почти уверен, что они помогут. Но оказалось, что и они о таком хуторе не слышали. Я подумал, что у меня один выход — школа. Мне подсказали, как туда пройти. По дороге я встретил мальчика лет десяти, то ли чеченца, то ли ингуша, который плохо говорил по-русски. Он мне

показал на идущую по дороге женщину и убежал. К моему счастью, она оказалась учительницей и вернувшись, проводила меня до школы, где представила руководителю школьного музея. К моему удивлению, в музее оказалась масса документов, экспонатов, карт и фамилий участников битвы за Северный Кавказ, в том числе бойцов из различных воинских частей, погибших на полях сражений.

Мы просмотрели большое количество материалов, но, к сожалению, ничего, касающегося моего отца, не обнаружили. Ни на картах, ни на схемах найти хутор Шефатов не удалось. Конечно, мы оба были расстроены, но вдруг учительница предложила мне обратиться к бывшей учительнице, теперь пенсионерке, которая раньше руководила сбором материала для музея. Я купил большой букет роз, и мы вместе отправились к ней домой. Нас встретила пожилая женщина, меня представили ей и рассказали о цели моего приезда. Спросили, знает ли она что-нибудь о хуторе Шефатов. Это была моя последняя надежда, но и она рухнула. Несмотря на то, что эта женщина много лет руководила музеем и давно здесь живет, о таком хуторе она не слышала.

День клонился к вечеру, мы, усталые, вернулись в школу. Было горько и обидно от полного бессилия, надежд уже не осталось. Надо было возвращаться в Ессентуки. Попрощавшись с милой, очень внимательной женщиной, которая практически весь день старалась мне помочь, мы пошли к выходу из школы. Но уходя, я подумал, что будет не

очень тактично, не по-ленинградски, если не отблагодарю руководителя школы за то внимание, которое мне было оказано. Учительница поддержала меня, когда я ей об этом сказал.

Войдя в кабинет директора, я увидел немолодого, с богатой седой шевелюрой человека, на вид довольно сурового. В кабинете было еще два-три человека, и мне показалось, что мы им помешали. Моя спутница коротко рассказала обо мне и цели моего приезда, что я ищу место гибели отца, но, к сожалению, все попытки, в том числе, с использованием фондов музея, не помогли. Я уже собирался поблагодарить Александра Федоровича (так звали директора школы) за оказанное мне внимание и попрощаться, поскольку до отхода электрички оставалось мало времени, как он задал какой-то вопрос и в дальнейшем разговоре был назван хутор Шефатов, о котором не удалось ничего выяснить. Был ли такой хутор или нет, никто ничего не знает. И вдруг на лице, как мне показалось вначале сурового человека, появилась широкая улыбка: «Как это нет хутора Шефатов?! Есть такой хутор, вернее, был такой, и я на этом хуторе родился». Мы все замолчали, я буквально остолбенел и не мог ничего сказать.

Он продолжал: «Да, сейчас уже этого хутора на картах нет. Он был разрушен и сгорел, так как находился в самом центре боев, которые вели наши казаки с танковыми частями немецких войск. Хутор находился всего в 15-20 километрах от Ищерской. Родину свою я хорошо помню!»

Придя в себя от такой неожиданности, я спросил, как туда можно проехать. Он мне ответил, что один я туда не доберусь, а вот завтра он постарается организовать поездку.

Было очевидно, что сама судьба свела меня с этим человеком. Конечно, я понимал, что жена будет беспокоиться и переживать, но иначе я поступить не мог.

Я поинтересовался, есть ли в станице гостиница, где можно было остановиться на ночь. Александр Федорович ответил, что гостиница есть, но он приглашает меня к себе в качестве гостя из Ленинграда. Я вначале запротестовал, так как не хотел доставлять лишние хлопоты, но он сказал, что решение принято и нет смысла его обсуждать. Я искренне его поблагодарил и решил, что дальнейший разговор на эту тему будет просто нетактичен. Он отдал какие-то распоряжения своим коллегам, мы распрощались и пошли к его дому, который находился недалеко от школы. Мы вошли во двор обычного сельского дома с садом и огородам. Нас встретила хозяйка Анна Ивановна и пригласила войти. Комнаты были опрятные и уютные. Хозяева сказали, что сегодня вечером в Доме культуры состоится «Праздник урожая» и пригласили меня пойти вместе с ними. Я принял предложение. Все было ярко и празднично. Большая зала была заставлена фруктами, овощами, букетами цветов и другими дарами природы Северного Кавказа.

В самом начале праздника мне как почетному гостю из Ленинграда предоставили слово, рассказав присутствующим,

с какой целью я здесь. Меня познакомили с руководством совхоза, и вопрос с транспортом был решен. Много ушло из памяти, но главное осталось на всю жизнь. Это был не казенный праздник дружбы и труда, а искренний. В его организацию была вложена душа русских, чеченцев, ингушей, украинцев... Мы тогда не употребляли слово «толерантность», а было простое и доброе слово «дружба».

Рано утром у ворот дома уже стоял совхозный УАЗик, а за рулем был заместитель директора, чеченец по национальности. Позавтракав, мы отправились в путь. К сожалению, день пасмурный и ветреный. Минут через двадцать дорога кончилась, и мы выехали на песчаные холмы, так называемые «буруны», покрытые низкорослой травой. Песок был довольно твердым, поэтому машина не буксовала.

«Вот здесь!» — сказал Александр Федорович. Мы остановились. «На этом месте был хутор Шефатов, я вам сейчас покажу остатки фундамента дома, где я родился». Буквально через сто метров он остановился у разрушенного, заросшего травой и занесенного пеплом фундамента. «Вот это место, мой дом!» Ему тоже трудно было восстановить прошлое. «После войны я здесь больше не бывал, хутора ведь больше не было», — с грустью произнес он. Рядом были видны такие же остатки фундаментов.

Невдалеке я увидел две кошары — загон для овец, — от которых в нашу сторону с угрожающим лаем бежали две кавказские овчарки. Во избежание неприятностей мне предложили сесть в машину. Я согласился.

Подошли два пастуха, успокоили собак, и я вышел из своего убежища. Как потом выяснилось, опасения были не напрасны. Но меня занимала одна мысль как попасть на место, где погиб и похоронен мой отец. Погода была пасмурной, ориентироваться без солнца было очень сложно. Мы посоветовались с пастухами, я им сообщил координаты, указанные в похоронке, и мы приняли решение, в каком направлении ехать. Расстояние от хутора до места захоронения сочли возможным определить по спидометру. Надо было проехать еще три километра по степи. Распрощавшись с пастухами, мы отправились в путь, прекрасно понимая, что наши расчеты условны. Но другого выхода не было.

Наш УАЗик то спускался, то поднимался по холмам, кое-где машина начинала буксовать. Наконец, водитель сказал, что мы на месте, и машина остановилась у подножия довольно большого холма. Поднялись на вершину. Перед нами простилалась бескрайняя степь... Тот ли это холм, вернее, высота №115, на склонах которой похоронен мой отец? На это ответить никто не мог! Мы стояли и обсуждали эту тему. Директор вспоминал, будучи свидетелем военного времени, как он подростком весной 1943 года принимал участие в захоронениях, но это было в другом районе.

Осматривая лежащую вокруг однообразную и унылую местность, я обратил внимание на тригонометрическую вышку, которые устанавливаются на значимых точках местности. Может быть, это и есть

та самая высота, где погиб мой отец? С этой мыслью я обратился к своим друзьям, а что, если мы туда подъедем, может быть, узнаем более точное место. Тем более, что там были видны люди, да и были эти вышки, как мне казалось, не более чем в полутора километрах от нас. Решение было единогласным, мы поехали. Нам снова повезло, и мы ни разу не застряли, хотя были опасные места, но, видимо, у нас был хороший водитель. Взобравшись на эту высоту, подъехав к вышке и выйдя из машины, мы подошли к двум мужчинам, которые делали что-то непонятное для нас — в руках у них были какие-то инструменты, похожие на топографические. Мы поздоровались, и один из мужчин спросил, что мы делаем в этих песках. Я вновь повторил свою историю и что мы ищем высоту №115, где на южных склонах в 1942 году был похоронен мой отец, как было сказано в похоронном извещении, и мы подумали, что, может быть, это и есть та самая высота. Далее вновь произошло то же самое, что и в школе с хутором Шефатовым у директора школы. «Мы топографы, но сегодня не можем работать, потому что нет солнца для выполнения нужных процедур. Но у нас есть карта, и мы можем вам помочь. На ней имеются обозначения высот». Мы были просто ошарашены: это было похоже на мистику! Я очень обрадовался, создавалось впечатление, что кто-то хотел, чтобы я дошел до нужного места.

Топографы развернули карту, быстро нашли нужную нам высоту. На карте стоял номер 115. Да, это место выделялось

среди других и было не очень далеко от первоначальной нашей остановки. Я был сердечно благодарен этим людям и до сих пор вспоминаю, как искренне они старались помочь.

Мы совместно выбрали маршрут, как лучше проехать, и распрощались. И вот мы у подножия высоты, которую я бы без счастливой случайности, дружеской помощи людей, которые поддерживали меня на всех этапах поиска, никогда бы не нашел.

Я взошел на вершину высоты №115, попутчики остались у машины, видимо, решили оставить меня одного с моими мыслями. Я спустился немного по южному склону и присел на краю небольшого оставшегося обрыва. Кругом, насколько хватало глаз, простиралась унылая холмистая местность, заросшая степной полынью да верблюжьей колючкой. Я вспоминал свое детство, военную пору, всю свою, в общем уже, в основном, сложившуюся жизнь и последнюю встречу с отцом, когда он ушел от нас навсегда в зимнюю стужу 1942 года.

Я сидел и думал, что, может быть, я как раз сижу на его останках, если они были захоронены в то жестокое и кровавое время в этих местах. Представил себе бой в этих песках с немецкими танками, как это описано в повести В. Закруткина, и какое мужество показали наши казацкие части генерала Селиванова. Конечно, никаких памятных знаков, никаких следов захоронений не было. Это были глухие места. Вдруг мое внимание привлек

какой-то предмет, торчащий в песке недалеко от меня. Это оказался большой осколок, видимо, от артиллерийского снаряда, весь в ржавчине и острых зазубринах. Может быть, вот от этого куска страшного металла и погиб мой отец. Я взял его с собой как трагический символ войны и большую ветку степной полыни. Осколок и уже осыпавшаяся ветка полыни хранятся в нашей семье как символ трудного и героического времени, в котором нам довелось жить.

Надо было возвращаться в Ессентуки. Обратный путь мы преодолели без приключений. Анна Ивановна встретила нас уже накрытым столом. По русскому обычаю мы помянули моего отца и всех, кто отдал свою жизнь, не дожив до Победы. Я был очень благодарен всем встретившимся мне людям, но особенно этой милой и гостеприимной паре сельских учителей. Они стали нам с женой буквально родными. Дважды приезжали к нам в Ленинград, но в начале 1990-х годов уехали к сыну в Краснодар, и наша связь оборвалась.

Но мне надо было возвращаться в Ессентуки. Я понимал, как волнуется моя жена. Александр Федорович и Анна Ивановна пошли меня провожать. Электричка подошла довольно быстро, мы обнялись и поцеловались, я еще раз поблагодарил за все, что они для меня сделали. Такое не забывается! Супруга очень волновалась, ведь сообщить ей о своей задержке я не мог. Мобильных телефонов тогда не было. Выслушав мой рассказ,

она сказала: «Ты выполнил свой долг перед отцом!»

Я написал подробное письмо своей маме. Она была мне бесконечно благодарна. К сожалению, она вскоре ушла из жизни. Всю свою жизнь она посвятила детям — своим и тем, которых учила.

В школе, директором которой был мой отец, организовали музей, посвященный землякам — участникам Великой Отечественной войны, там есть экспозиция и о Георгии Тимофеевиче Баранове.

Тогда мне казалось, что я сделал все, что мог, но четыре года тому назад я узнал из газеты, что в Интернете появился сайт, где аккумулируются данные о воинах, погибших в годы Великой Отечественной войны. Войдя на этот сайт, я нашел данные о погибшем отце. Но главное то, что я нашел служебное донесение в Министерство обороны о невозвратных потерях с 6 декабря по 31 декабря 1942 года под хутором Шефатов и похороненных там же. Так вот в этом донесении числятся 130 человек. А ведь были еще и пропавшие без вести, и раненые, ставшие инвалидами. Склоны высоты №115 обильно политы кровью простых, но мужественных людей.

Эти воспоминания я написал для своих внуков и их сверстников. Надеюсь, что они всегда будут помнить предков, отдавших за них свои жизни.

Потомки! Они заслужили того, чтобы их помнили!

Блокада

Память сердца

На Пискаревском кладбище

г. Ленинград

*На этой земле, святой и печальной,
Не удержаться от горечи слез.
О холоде, голоде, жизни блокадной
Страшно подумать — пробирает мороз.*

*Здесь тысячи жизней угасли навечно —
Женщин, детей, стариков и солдат.
Память о них будет жить бесконечно!
И слышится скорби тревожный набат.*

*Сюда тропа не зарастет травой,
Из стран всего мира люди идут.
На могилах-холмах — цветы, как весной:
И зимой на снегу будто ЖИЗНИ цветут.*

*Е. Козырев,
житель МО Пискаревка,
ветеран Великой Отечественной войны*

Как мы, дети, защищали наш город во время блокады

АРБИНСКАЯ Раиса Михайловна

Незадолго до начала войны 1941 года в репертуаре игр детей нашего двора появилась новая, которой ребята уделяли внимания больше чем футболу, — это была игра в «войну». Мы были заложниками своего времени: события в Испании, финская война — все это естественным образом отражалось в наших детских играх.

По первым признакам можно было безошибочно догадаться, что дети играют именно в войну: на головах детей взрослые наблюдали пилотки, сделанные из старых газет, с обязательной красной звездочкой. На плече висела палка закрепленная веревкой с обеих сторон, но это была не просто палка, а грозное оружие, способное поразить врага, — винтовка. Дружное «Ура!» раздавалось с разных сторон двора. Выбегая из своих укрытий «бойцы» бесстрашно шли в атаку на противника и непременно побеждали его. Вскоре в игру были вовлечены и девочки, которые исполняли роль медсестер. Не заставляли себя ждать и дети двух соседних дворов, стоявших по обе стороны Костромского проспекта, что в районе станция Удельная. Необходимо заметить, далеко не все взрослые одобряли это наше увлечение, поскольку у многих из них в памяти были еще свежи воспоминания о зимних суровых днях войны с Финляндией.

Однако для нас, детей, игра в войну не была простой забавой, в ней мы пыта-

лись подражать своим отцам, а также героям исторических фильмов. Таким образом, мы демонстрировали свое соучастие, оказывая посильную помощь в решении главной задачи — защите и охране границ нашей Родины, которая была единственной в мире социалистической страной, окруженной враждебно настроенными капиталистическими государствами.

После объявления фашистами войны 22 июня 1941 года во дворе нашего дома оставалось довольно много детей, не успевших разъехаться по пионерским лагерям или на отдых в близлежащие деревни.

Спустя несколько дней недалеко от домов начались работы по строительству укрытий от бомбежек и артобстрелов. Укрытия представляли собой довольно глубокие траншеи, которые создавались нашими отцами исключительно вручную, с помощью одних только лопат. С каждым новым днем число работающих уменьшалось — наши отцы уходили на фронт. Естественно, дети не могли находиться в стороне и, оставив игры, помогали взрослым.

В это самое время был создан Детский трудовой отряд, в нем насчитывалось около двадцати детей от десяти до шестнадцати лет. Работа в отряде также распределялась по возрасту. В задачу трудового отряда входила разгрузка привозимых материалов: тонких стволов берез, густых и широких ветвей елей, старых досок

и прочего. Девочки приносили строителям воду, чай, а также перевязочные материалы, если кто-то из них ненароком поранится (вот и пригодились навыки игр во фронтовых санитарок). К концу сентября, когда строителей осталось мало, на помощь пришли наши матери, но и они вскоре были мобилизованы на оборонные работы под городом Луга для рытья окопов, траншей и так далее. Несмотря на дефицит рабочей силы Детский трудовой отряд и оставшиеся взрослые (в основном пожилые люди и инвалиды) смогли завершить первоочередные работы по строительству укрытий.

С наступлением ноябрьских холодов построенные укрытия использовались редко, фашисты предпочитали бомбить центральные районы города или те районы, в которых находились стратегически важные объекты, помогающие фронту, как, например, завод №234, выпускающий авиационные двигатели (впоследствии завод Климова), завод «Светлана» и другие предприятия Выборгского района.

Однако, фугасные бомбы, которые фашисты ежедневно в огромном количестве сбрасывали на город, попадали и в наш район. Поэтому было очень важно подготовиться к тушению возможных пожаров, особенно домов и сараев, построенных из дерева. В конце октября старенький грузовичок в последний раз привез в наши дворы большие деревянные бочки, которые взрослые разгрузили и расставили под лестницами каждого из трех домов, а также вокруг деревянных сараев, расположен-

ных на расстоянии ста метров от домов. В задачу нашего отряда входило наполнение этих бочек водой, которую дети брали из колонки, стоявшей между домами. Если бочки пропускали воду, то дети наполняли их песком.

На случай попадания фугасной бомбы в дома или сараи было организовано дежурство из числа старших ребят, которые не посещали школу (в это время многие школы нашего района были уже закрыты).

С наступлением декабрьских и январских холодов, когда температура достигала уже минус сорока по Цельсию, менялся и вид работ нашего трудового отряда, который значительно уменьшился, по сравнению с осенним периодом.

Теперь детям разрешалось работать только в домах, где они помогали больным, ослабевшим от голода людям: носили воду, дрова из сарая, топили печи, оказывая всяческую посильную помощь. В тех случаях, когда больные люди не могли самостоятельно выкупить свой скудный паек хлеба, дети записывали номер дома и квартиры, фамилию и передавали эти сведения старшим ребятам. Те же в свою очередь занимались исключительно доставкой хлеба, лекарств из аптек и вызовом врача на дом (в то время телефонная связь почти во всех домах города отсутствовала).

Что касается наших девочек, то и они не оставались без работы. В одной из квартир на первом этаже нашего дома две пожилые женщины проводили обучение девочек вязанию варежек и носков для фронта. Я охотно посещала эти занятия,

благодаря чему до сих пор могу вязать носки и варежки на спицах без особого труда. В то время мне исполнилось одиннадцать лет. Иногда девочкам приходилось сидеть с маленькими детьми, когда взрослые продолжительное время стояли в очереди за хлебом.

Конец января и начало февраля были самыми трудными днями для детского отряда (голод, болезни уносили из жизни не только взрослых, но и детей). Первым из наших рядов ушел паренек, занимавшийся учетом заявок и распределением работ внутри отряда, тогда ему было всего-то шестнадцать лет.

Самой большой утратой для отряда, была смерть его руководителя Валькова Николая Алексеевича (1885-1942). Как сказано в домовоей книге (Костромской пр., дом 64, строение 32), находящейся в Архиве Выборгского района Санкт-Петербурга, «умер от истощения в январе 1942 года».

Работу руководителя отряда возглавил Анатолий Данилов, который по причине инвалидности не призывался в армию.

Однако, с приходом весны (в середине марта) отряд прекратил свое существование. Причиной этого послужило распоряжение властей Выборгского района о сносе деревянных домов, которые должны были стать основным топливом для возобновления работы Ленинградской электростанции и всего городского электротранспорта.

Нас переселили в дома по разным адресам, и мы потеряли связь с соседями, с которыми пережили самый страшный период нашей жизни — блокадную зиму 1941-1942 годов. Мы покидали свои теплые дома со слезами на глазах, сознавая при этом, что эта жертва может стать новым импульсом к возобновлению жизни блокадного Ленинграда.

*Меня война сжигает изнутри —
В душе моей осталось пепелище.
Меня сковала холодом цепей
кольчуга из огня,
Но без нее я — нищий.*

*И даже если сотня лет пройдет,
Сквозь годы пронесутся жизни,
Никто не остановит жизни счет.
Живой мечте оставим наши мысли.*

Гурьева Анна,
школа №156

БЕЛЯЕВ Игорь Михайлович

Вот уже 2006 год, наконец, собрался переписать начисто начатое еще в 1986-м повествование о давно минувшем времени — о годах, когда я был еще несмышленным парнишкой-подростком, а поэтому и стиль изложения местами соответствует моему возрасту той поры.

Я не ставил себе цель написать нечто вроде мемуаров — не та я фигура, чтобы писать нечто поучительное, но хочется поделиться теми событиями отдаленной и трагической эпохи, которым я был свидетелем и в которых принимал участие.

Итак, в 180 километрах от Ленинграда Октябрьская железная дорога пересекает живописную и довольно полноводную реку Мста. В глубокой и широкой пойме с пологими, заросшими сочной травой и кустарником берегами, спокойно несет она свои воды к легендарному озеру Ильмень. Накатанные блестящие рельсы, сверкая на солнце, как стрелы, устремились вдаль, куда-то к горизонту: в одну сторону к Ленинграду, в другую — к Москве — по прямому большому мосту, взметнувшемуся над рекой на высоких гранитных опорах. Мост длин-

ный и узкий, даже без перил. Если встать на середине его и посмотреть вниз, наверное, стало бы жутко — так он высок. Но ни на мосту, ни дальше, за ним, я никогда не был. На этом берегу возле моста небольшой зеленый домик с широкими окнами на все стороны, а рядом с ним под сторожевым «грибком» всегда стоит красноармеец с винтовкой. Он охраняет мост, чтобы никакие враги не смогли пройти и испортить его. Мне уже 12 лет, и я отлично пони-

маю, что мост — важный объект и никого постороннего к нему к нему подпускать нельзя. Недалеко от моста — небольшая железнодорожная станция Мстинский Мост. Наша семья, как говорили взрослые, жила в то время «на два дома»: я и сестра учились в школе, и поэтому мы с мамой жили в Ленинграде, а папа работал на станции Мстинский Мост начальником карьера, где добывали камень для строительства оборонной «Линии Сталина» где-то в Западной Белоруссии. Взрослые были уверены, что мне это неизвестно, но я все знал, хотя никому не говорил, даже другу своему Сашке Колотушкину, потому что это секрет и военная тайна.

В 1941-м, когда закончился учебный год, мы с мамой и сестрой собрали всякие вещи и поехали поездом на лето к папе. Поселок с рабочими карьера был в 15 километрах от станции, к нему вела железнодорожная ветка, по которой паровозы каждый день увозили длинные составы с добытым камнем.

Каждый раз, когда мы приезжали на станцию Мстинский Мост, приходилось ждать час, а то и два, когда приедет железнодорожная дрезина из поселка. Ждали, потому что она ходила только в то время, когда путь не был занят. Обычно мы приезжали днем, и ждать было бы мучительно скучно, если бы не часто проносившиеся мимо товарные поезда. На станции они не останавливались, а приближение их определялось по разным признакам. Самым точным из них был семафор, который стоял рядом с путями далеко-далеко от станции, но, если присмотреться, то было видно, как на высоком решетчатом столбе расположена сигнальная «рука» — горизонтально или уже поднята наклонно вверх. Если вверх — то скоро на горизонте появится поезд. Еще можно было приложить ухо к теплой и блестящей поверхности рельса, зажмуриться, затаить дыхание и услышать шум идущего поезда даже раньше открытия семафора. Сначала приближающийся поезд казался маленьким черным жучком, который сел на блестящую ниточку путей, уходящих вдаль. Время тянется медленно, смотришь, «жучок» постепенно растет и все быстрее приобретает реальные

очертания паровоза. Еще издали, не доезжая семафора, он заявляет о себе протяжным призывным гудком, не громко, но требовательно доносящимся до слуха. Не проходит и минуты, как уже легко различимы и все подробности черной громадины, непостижимо легко несущейся по стальным рельсам. Самое захватывающее зрелище, когда с составом мчится мощный паровоз «ФД». Мы, мальчишки, серии паровозов расшифровывали так: «ФД» — это Феликс Дзержинский, «ИС» — Иосиф Сталин. Паровозы «ИС» возили только пассажирские скорые поезда и «Красную стрелу». Приближение поезда, идущего полным ходом, всегда производило на меня захватывающее, ни с чем не сравнимое впечатление. Черная, лоснящаяся металлическим блеском громадина с мощно и ритмично мечущимися взад-вперед огромными красными шатунами, со звонко катящимися по рельсам большими красными колесами с белым ободком, на мгновение будто нависает над тобой, обдает упругим ударом воздуха и со свистом проносится мимо, увлекая за собой под однообразный стук колес длиннющий состав, которому, кажется, нет конца. И еще запоминается фигура машиниста, обычно в черной, точно прокопченной куртке, стоящего на пороге паровозной будки обязательно с жезлом на большом проволочном кольце. На полном ходу машинист бросает кольцо с жезлом на землю и в то же мгновение с ловкостью циркового жонглера ловит кольцо с новым жезлом, протяну-

тое дежурным по станции, встречающим поезд. Без обмена жезлами не открыть semaфор на следующей станции.

Наконец, урча мотором, подкатывает дрезина. Влезаем в маленький вагончик, поджидаем других попутчиков, и водитель объявляет: «Поехали». Он сидит на высоком сидении возле открытого бокового окна в середине дрезины, с его места поверх наших голов хорошо видно во все стороны. Рыча мотором, дрезина шустро набирает ход и лихо мчится вперед мимо леса и кустов. С веселым звоном и цокотом колес мы пролетаем небольшие мостики, и вот уж за поворотом среди леса показываются домики поселка. Дрезина замедляет ход, скрипят тормоза — приехали. Поселок невелик, два деревянных двухэтажных дома, где живут служащие и руководство карьера, несколько добротных рубленых бараков для рабочих да здания мастерской и склада, все строе-ния из свежих светлых сосновых бревен, а кругом лес, заросли кустарника, и если пройти вглубь леса, окажешься на берегу речки. Она не глубокая, но есть места, где дно песчаное и хорошо купаться. Тот берег почти весь зарос кустарником, а другой — крутой, высокий, поросший березками, ольхой и другими деревьями.

Рядом с поселком большая погрузочная площадка, вдоль которой тянутся железнодорожные пути. На площадке постоянно громоздятся высокие горы камней, подлежащих погрузке на платформы. Тут и мелкие булыжники, и большущие валуны, и отдельно сложенные штабеля «рва-

ного» камня. Днем и ночью с карьера доносятся глухие и гулкие взрывы — это подрывники «рвут» динамитом большие камни, чтобы их по частям можно было довести до погрузочной площадки. Нас, ребят, в карьер не пускают — там оцепление, говорят, опасно — осколки камней убить могут.

Недалеко от рабочих бараков конюшня. Главный конюх — дядя Абрамов, молодой, сильный и красивый, у него вьющиеся темно-каштановые волосы, а главное — он очень веселый и добрый. Нас, ребят, трое: Вилька, Толька и я. Мы дружим и все делаем сообща. Интереснее всего — гонять лошадей к реке на водопой. Дядя Абрамов подводит лошадь к телеге, а с телеги перебраться на спину лошади уже пустяк. На конюшне лошадей всего пять, если не считать жеребенка. Он вечно отстаёт от матери и теряется. Лошадь тревожится, останавливается и громко ржет, повернув голову назад, — зовет своего жеребенка. И вот где-то сзади слышится стремительный дробный стук копытцев по сухой дороге. Как ветер, жеребенок пронесется мимо, озорно взмахивая своим пушистым хвостиком, и скрывается за поворотом дороги.

Хорошо, когда каникулы — никаких неотложных дел, не нужно готовить уроки, не надо рано по звонку будильника вскакивать, умываться и, быстро позавтракав, бежать в школу. Правда, и здесь у меня есть обязанность — каждый день ходить за хлебом, булкой или другими продуктами в магазин. Он в соседнем доме

на первом этаже. Там полные полки всяких продуктов: и сахар, и конфеты, и даже пряники. А хлеб пекут в местной пекарне, его называют «формовым». Хлеб всегда свежий, мягкий и такой ароматный, что его духом заполнен весь магазин. Рядом с магазином, в соседней комнате на окнах нарядные занавески — там небольшая столовая. Если кто захочет поесть свежих ароматных щей или еще чего — пожалуйста, заходи и обедай.

На карьере работали без выходных, посменно и даже ночью. Погрузочная площадка ночью освещалась прожекторами, особенно когда под погрузку подавали состав.

Однажды в воскресенье утром папа ушел на работу. А перед обедом вдруг подбегает ко мне сестра и говорит: «Иди скорей домой — по радио передали, что будет важное правительственное сообщение». Все с тревогой замерли около репродуктора, ожидая чего-то страшного. По радио выступил нарком иностранных дел Молотов и объявил, что началась война.

Не помню какого-то смятения, паники или растерянности. Все взрослые, да и мы, ребята, чувствовали себя очень тревожно и хотели скорее начать делать что-то нужное, срочное и полезное. Наверное, так себя чувствуют люди в горящем доме, когда каждый миг может случиться что-то совсем непредвиденное, ужасное и непоправимое. Однако никакой паники не случилось. Взрослые, желая, может быть, хоть как-то успокоить других, а заодно и себя, частенько говорили, что Красная

Армия сильна и скоро вышибет фашистов с нашей земли. Но это настроение быстро таяло. Радио каждый день сообщало все более тревожные известия. Фашисты яростно стремились вперед, ломая наше отчаянное сопротивление. Все чаще над нами стали пролетать куда-то на запад наши самолеты. Мы уже научились различать их по виду и шуму моторов. Вот бомбовозы пошли, а вчера три «ястребка» пролетели туда же, на фронт.

Как-то днем мы все страшно переполошились — где-то далеко мы услышали взрывы и частую пулеметную стрельбу, а через некоторое время в воздухе послышался непривычный для уха, надрывный и будто прерывающийся гул фашистских самолетов. Их было шесть. Большие, угловатые и черные, они как-то неожиданно вырвались из-за леса, и, казалось, тяжело и даже медленно летят прямо на наш поселок. Вот они, фашисты. Стало страшно из-за нашей незащитности. Я стоял в кустах недалеко от дома, смотрел на эти ненавистные белые кресты из четырех уголочков, нарисованных на боках самолетов, и свастики на хвостах. Они летели совсем низко, и в застекленных кабинах видны были головы летчиков. Нас фашисты бомбить не стали, они свои бомбы сбросили на станции, пытались разбомбить железнодорожный мост, но наши зенитчики сильно им помешали. Ни одна бомба не попала в мост. Ребята со станции потом рассказывали, что один фашистский самолет стал пикировать прямо на мост, бросил бомбу, промахнул-

ся и, не успев вовремя отвернуть, врезался в телеграфный столб. Тут и пришел ему конец. В тот же день столб поставили новый, а обгоревшие обломки самолета, я потом сам видел, валялись недалеко от железнодорожных путей.

После этого налета около наших домов начали строить большущий блиндаж-бомбоубежище с накатом из толстых бревен в четыре ряда. Нас, ребят, помогать не пускали, говорили, что не ребячье дело. Но мы зато увидели, как делается блиндаж, и решили сами, для себя, тоже построить — поменьше. Достали лопаты, топор, пилу и пошли искать место для строительства. Недалеко от погрузочной площадки был косогор, с его склона видна широкая поляна, а дальше — дома поселка. Решили здесь и построить свой блиндаж, да и легче, потому что один край его можно врыть прямо в косогор. За работу принялись дружно. У всех троих рубашки скоро стали мокрыми, но мы этого даже не замечали. Потом нашли заброшенную лежневую дорогу и стали разбирать ее: выковыривали из земли еще не сгнившие, довольно прочные бревнышки. Из них сделали стенки и угловые столбы, на которые должна опираться крыша. С каждым днем наш «блиндаж» все больше становился похожим на настоящий. А потом мы задумались: зачем он нам? Разве что только прятаться? Нет, так не годится! Тогда мы решили переоборудовать наш «блиндаж» под ДЗОТ — дерево-земляную огневую точку с амбразурой для пулемета. Взрослые говорили, что

немцы стремятся прорваться к железной дороге и отрезать Ленинград от Москвы, значит, может быть, скоро могут оказаться и здесь. Несколько дней мы строили свое укрепление, буквально выбиваясь из сил: кидали лопатами тяжелый песок, тесали топором доски... Мы очень спешили, ведь немцы приближались. Новое слово «ДЗОТ» сразу вошло в сознание и, наверное, уже не забудется. Мы понимали, что наша «огневая точка» может помочь красноармейцам защититься от вражеских пуль и простреливать через узкую щель амбразуры большой участок земли. Мы были горды от сознания, что сделали что-то полезное; мы были в этом абсолютно убеждены, хотя и не хвастались этим.

Однажды на погрузочную площадку подали состав железнодорожных платформ. Его нужно было срочно нагрузить камнем, хотя для чего он теперь был нужен, никто не понимал — недостроенная оборонительная «Линия Сталина» была уже в тылу вражеских войск, а приказа прекратить добычу камня не было, поэтому все рабочие, служащие, даже женщины и мы, ребята, пошли грузить платформы. Нам сказали, чтобы мы брали только мелкие камни и на носилках носили их от штабеля к платформам. А кто их на платформы будет переносить? Тут мы ослушались и стали носить камни по гибким и шатким деревянным мосткам прямо на платформы. Скоро все мелкие камни, что лежали сверху, кончились, и мы стали добывать их, откатывая крупные валуны в сторону и вниз по штабелю. Не-

Беляев Игорь Михайлович 1941 год

которые камни были большие, размером до пояса и даже больше, но мы наловчились «расправляться» с ними, вышибая из-под них камни помельче. Тогда лежащий валун, чуть качнувшись, со скрежетом, сначала медленно, потом все быстрее катился со штабеля вниз. Взрослым было не до нас, а мы думали, что делаем что-то полезное. Вдруг кто-то из ребят спустил большущий валун, и он покатился прямо на меня! Я бросился в сторону, оступился и повалился на камни, а серая громадина весом с тонну накатила мне прямо на ноги. Я зажмурился, почувствовал, будто кто-то железными тисками схватил мои

ноги выше колен и давит, давит со страшной силой. Потом все стихло, кто-то стал поднимать меня. На мое счастье, упал я на камни так, что ноги оказались стиснуты между более мелкими камнями. Под руки отвели меня в сторону, кожа на ногах вся в ссадинах, кровоточит, горит, набухла и стала пунцово-красной, но стоять могу, значит, кости целы. Испугался. Хромая, тихо побрел к ручью, что был неподалеку. Сел прямо в ручей. Неглубокая холодная вода покрыла ноги, и стало чуть полегче; горячая боль отступила. Осторожно смыл я каменную пыль, посидел еще немного и поплелся домой. Дома я, конечно, никаких подробностей не рассказывал, а взял йод и помазал свои ссадины. После этого случая нас, ребят, на погрузочную площадку больше не пускали.

На следующий день отец сказал, что пришел приказ о переводе его в Ленинград и что вместо него уже назначили нового начальника. Это хорошо, потому что взрослые не раз говорили, что наши немцев к Ленинграду не подпустят. Семья стала собираться в дорогу. Для переезда нам выделили газогенераторную полуторку. Отъезд был назначен на раннее утро. Вещи были уже уложены и увязаны. Наскоро позавтракав, вышли на улицу, когда не было еще и шести часов. Воздух был прохладным, на траве — роса. Безмятежно сияло встающее солнце, молодые стройные сосны неподвижно стояли вокруг нашего дома. Шофер возился около машины: спустило заднее колесо, а насос, как назло, не хотел качать

воздух, что-то сломалось в нем. Что делать? Машина нездешняя — ленинградская. Шофер здесь никого не знает, стоит уныло. Надо уже отъезжать, а то засветло не успеть доехать до Ленинграда. Тут я вспомнил, что рядом, за домом, стоит грузовик «ЗИС-5», и у него имеется компрессор для накачивания колес. Я сказал об этом шоферу, он сначала обрадовался, а потом говорит: «Без ключа машину, наверное, не завести». Однако он что-то сделал в моторе, и машина, чихнув пару раз, завелась. На шум мотора выбежал из дома одетый в полосатую ночную пижаму главный инженер Сиверс и стал страшно ругаться, что без разрешения завели машину. Папа стал уговаривать его и что-то объяснять, но Сиверс еще долго сердито ругался, потом, махнув рукой, замолчал и ушел. Между тем, злополучное колесо оказалось уже накачанным и вскоре заняло свое законное место под кузовом машины. Шофер на дорогу заправил газогенератор целым ведром мелких березовых чурочек, из открытой верхней крышки газогенератора, как из трубы паровоза, шел сизо-синеватый дым, от которого слезились глаза. Меня посадили в кабину рядом с шофером, остальные устроились в кузове, туда же погрузили и решетчатый ящик с живыми курами — не оставлять же их. Наконец, поехали. Высунувшись из окна кабины, я последним взглядом окинул знакомые места, дом и все вокруг. С тех пор этих мест я больше не видел.

Дорога сначала была проселочной, шла то лесом, то полем, однообразно

мелькали деревья, кусты, надрывно гудел мотор, шофер внимательно смотрел на дорогу и часто поглядывал вверх, на небо. Вдруг он сказал: «Если немцы налетят — я машину к деревьям, а ты тикай от нее подальше и ложись сразу».

Часа через два выехали на шоссе. На дороге стали часто попадаться отдельные группы людей, они гнали коров, коз, овец. Взрослые катили тележки с узлами и маленькими ребятишками, сидящими сверху. Беженцы. Мужчин среди них не было, только женщины, ребятишки и старики. Было жутко смотреть на разбитые и сгоревшие дома, мимо которых мы проезжали. Особенно дико смотрелись обгоревшие русские печи, скорбно стоящие на грудах обугленных бревен с вздернутыми вверх, как руки, трубами. Они будто безмолвно призывали к отмщению за совершенное злодейство. Чем дальше мы ехали, тем больше становилось машин, повозок, людей, толпами идущих и тащащих за собою тележки и тачки с жалким домашним скарбом. Все стремились в Ленинград, все верили и надеялись найти в нем защиту.

От долгого сидения в кабине полуторки и постоянной тряски все сильнее болела спина — где-то под лопатками и в пояснице. Интерес к тому, что попадалось на пути, совсем исчез. Глаза слипались, но уснуть было невозможно: трясло и все время хотелось как-то поудобней усестись на сиденье. Неотступно сверлила мысль: «Уж скорей бы доехать!», — хотя мы не проехали еще и половины пути. Когда

мы въехали на улицу какого-то большого села, я спросил шофера: «Что это?» «Скоро Малая Вишера будет — большая станция», — коротко ответил он, напряженно глядя в даль. Лишь мотор продолжал монотонно шуметь.

Шоссе вскоре пошло вдоль железнодорожных путей, их было много, и все они были забиты товарными вагонами. Были тут и платформы с какими-то большими ящиками, сколоченными из грубых толстых досок. У некоторых вагонов были открыты двери, и в их проемах были видны люди: рабочие и их семьи. Они куда-то везли станки и машины. Так в мое сознание впервые вошло понятие «эвакуация». Проехав еще немного, машина встала. Впереди была «пробка» — перед нами стояло много машин, повозок, все куда-то хотели свернуть, вырваться из этой сутолоки, но было некуда. Машины гудели, газовали, пятились назад, люди отчаянно кричали, размахивая руками, лошади храпели, вставали на дыбы, таща куда-то вбок груженые телеги. Справа от нас одна телега опрокинулась, лошадь упала и ужасно билась в оглоблях, пытаюсь встать. Что случилось? Только что на станцию был совершен налет фашистских самолетов. Несколько бомб было сброшено прямо на железнодорожные составы и на дорогу около вокзала. Все это произошло незадолго до того, как мы подъехали к станции. Впереди, на путях что-то горело, и дым высоко поднимался в небо.

Вдруг сквозь шум суматохи все услышали нарастающий гул моторов. Со сто-

роны солнца к станции снова летели самолеты. Они летели низко и стремительно. Опять немцы! Все вокруг еще более лихорадочно зашевелилось, точно растревоженный муравейник. Все бросились куда-то бежать, охваченные паническим страхом. Отец рванул дверку кабины, схватил меня за руку, и мы опрометью бросились почему-то к платформам, которые стояли недалеко от нас. Сестра и мама тоже бежали, нет, не бежали, а прямо летели вслед за нами. Я никогда не видел, чтобы люди так быстро бегали. Над головами с жутким ревом пролетел самолет, я его не видел, но почувствовал: будто стремительная черная тень на мгновение нависла надо мной. Сквозь рев мотора ясно были слышны частые ритмичные отрывистые хлопки, а рядом с нами, на песке насыпи взлетали высокие пыльные всплески, которые на мгновение замирали в воздухе и осыпались обратно на землю. Было даже не страшно, страшно стало немного спустя, когда я понял, что так с неба кусочками металла сыплется смерть. Мы лежали между рельсами под платформой. Отец лежал неподвижно, лицом вниз, руками он закрывал затылок. Мне стало трудно дышать; будто кто-то схватил за горло. Почему он не шевелится? Я вскочил, сильно ударился головой обо что-то сверху, но даже не почувствовал боли, схватил отца и закричал. Он был жив, но очень бледен. Лицо его было строгим. Он сказал: «Лежи спокойно, пока мы все целы и живы». Мне сразу стало легко, и сознание вернулось

к действительности. Я стал с интересом смотреть из-под платформы, что творится в воздухе. Их было семь — одномоторных, черных, с угловатыми крыльями. Они выстроились в кольцо и поочередно, падая на крыло, с воем устремлялись вниз, на станцию. Бомб они уже не бросали — они стреляли из пулеметов. На передней кромке крыльев, как яркие лампочки, часто вспыхивали ярко-желтые огоньки. Вдруг из-за леса стремительно вырвалась два самолета. Все, кто их видел, во все горло закричали: «Наши!». Это были наши «ястребки» — короткие, толстенькие и очень юркие. Они понеслись снизу вверх к фашистам, сразу же заработали их пушки или пулеметы. Мне очень хотелось, чтобы у них были непременно пушки. Строй фашистов рассыпался, два «фрица» задымились и пошли наутек. В воздухе завязалась ожесточенная схватка. Видно, фашисты умели хорошо стрелять, да и самолеты у них были сильные: пять против двух... Схватка была отчаянной, но неравной. Моторы самолетов взывали оглушительным ревом, казалось, это насмерть бьются большие живые птицы.

Вдруг один «ястребок» сильно задымил, повалился набок и стал резко падать, оставляя за собой густой черный хвост дыма. Мгновение, и где-то за домами высоко взметнулся клуб дыма и пламени. За вторым «ястребком» погнались два «фрица», непрерывно стреляя ему вдогонку. «Ястребок» напряг все свои силы и, взыв мотором, резко пошел в небо, но и там его ожидали три стервятника. Боль-

но было смотреть, как они вцепились в него, непрерывно осыпая огнем своих пушек и пулеметов. Самолет загорелся, потом от него что-то отделилось и стало падать вниз, и уже недалеко от земли раскрылся парашют. Это выбросился из подбитого самолета наш летчик, но фашисты не оставили его и здесь. Они стали, пролетая мимо него, стрелять из пулеметов. Не знаю, удалось ли ему живым спуститься на землю. Сделав свое черное дело, фашисты улетели прочь.

Мы вылезли из-под платформы и пошли к дороге, где стояла наша полуторка. Она уцелела, шофер уже пытался завести мотор, и вскоре тот затарахтел. Разбежавшиеся в разные стороны люди как-то вяло, наверное, после пережитого страха, стали тянуться к дороге. Некоторые лежали и не шевелились. Я понял, почему они не встают — на их одежде были алые пятна крови.

С трудом нам удалось покинуть Малую Вишеру, и вот мы снова едем в Ленинград. Вскоре дорога привела нас к реке Волхов. Тут на переправе был затор. Моста не было — от него остались только рухнувшие в воду железные фермы. Левее бывшего моста была организована паромная переправа. Паром мог взять только несколько машин и повозок. На тот берег переправлялась воинская часть, шли машины с зелеными снарядами ящиками, к некоторым машинам были прицеплены небольшие пушки с тонкими стволиками. Шофер сказал, что это противотанковые пушки, а мне подумалось:

какие же они слабенькие!.. Почти на километр вокруг паромного причала, казалось, беспорядочно двигалась пестрая толпа, над которой стоял шум голосов, криков и детского плача. Все стремились поскорей попасть на паром, но тут командовали военные. Все очень боялись, что налетят самолеты. Что бы было — жутко представить! А перегруженный паром, как назло, медленно-медленно двигался вдоль натянутого с берега на берег троса. Мы почти незаметно, но все же приближались к деревянному настилу паромного причала и наконец, часа через два, дождались своей очереди. Паром чуть покачивался и, казалось, замер на месте, хотя люди медленно шли вдоль его борта, изо всех сил налегая на деревянные рычаги, нацепленные на трос, — так они заставляли паром двигаться к берегу. Все, кто был на пароме, молчали, прислушивались и озирались по сторонам, до рези в глазах всматриваясь в безоблачное небо, надеясь, что успеют добраться до берега, прежде чем не налетят фрицы. Наконец паром ткнулся в причал. Заскрипели доски и бревна, лошади рванулись на берег, таща телеги, народ побежал тоже. Для нас переправа закончилась благополучно.

Проехав несколько километров, мы заметили впереди густые клубы черного дыма, высоко поднимающиеся в небо, — это горели подожженные при бомбежке склады чудовской спичечной фабрики. Вскоре мы выехали на шоссе, ведущее в Ленинград. Теперь машина катилась по асфальту. По шоссе, а больше по обо-

чине шло много уставших людей, многие катили тележки, нагруженные мешками с домашним скарбом. Непривычное слово «беженцы» заставляло сжиматься сердце — беда и горе текли длинной серой лентой вдоль шоссе, сотни и даже тысячи людей понуро брели в Ленинград, надеясь там спастись от наступающих фашистов. От долгой дороги и пережитого страха я так устал, что незаметно уснул.

Проснулся я от того, что вдруг стало тихо и перестало трясти. Машина стояла. Я поднял голову и осмотрелся. Мы въезжали в Ленинград. Около кабины стояли шофер, отец и военный с двумя кубиками на петлицах. Я сразу догадался, что это лейтенант. Он проверял наши документы, а в кузов влез красноармеец с винтовкой и стал смотреть, что мы везем.

Уже вечерело, но было тепло. Город стал совсем не таким, каким я привык его видеть. В небо на тросах поднялось много-много толстых серых аэростатов. Они своими боками поблескивали в лучах садившегося солнца. Проспект Сталина, по которому мы ехали, в нескольких местах был перегорожен железными «ежами» и шлагбаумами, где останавливали всех проезжающих для проверки документов. Наконец, мы подъехали к Пяти углам и свернули на улицу Рубинштейна, где мы жили. Машина покаталась по булыжной мостовой и вскоре остановилась у нашего дома.

Здесь все было как до войны, только окна стали не такими: каждое стекло было крест-накрест заклеено полосками белой

бумаги, чтобы при бомбежках стекла не лопались и не вылетали. Потом, когда начались бомбежки, я понял, что эти бумажки на стеклах — мертвому припарки.

Война ощущалась пока только по тревожным сводкам Совинформбюро, по разговорам взрослых о мобилизации в армию. В ЖАКТе составлялись списки женщин для отправки на рытье окопов в пригороде.

Сразу же по возвращении — это было 12 августа — мы получили продовольственные карточки. Мне тогда еще не исполнилось 13 лет, поэтому на меня карточки дали «детские», но со следующего месяца я становился уже «иждивенцем». Несмотря на карточки, взрослые особо не тревожились: нормы были вполне достаточные, продукты в магазинах были, как и до войны, да и некоторые домашние запасы были не истрачены. В подвале в решетчатом ящике еще кудахтали привезенные с «дачи» курицы, но их судьбы была уже предрешена — одна из них украсила стол в мой день рождения. Правда, говорили, что хлеб нужно сушить на сухари — как бы что не случилось. В некоторых магазинах продавали «коммерческий» хлеб без карточек по 10 рублей за килограмм, что было в 10 раз выше обычной цены. Многие брали сразу по несколько буханок, но в руки давали не более двух. В эти магазины обычно были большие очереди — народ боялся, что может наступить голод.

Почти сразу по приезде в Ленинград нам было предложено готовиться к эвакуации. Отъезд был назначен на 26 ав-

густа, но в намеченный срок так и не состоялся: близ узловой станции Мга шли ожесточенные бои, а 20 августа она была захвачена фашистами — кольцо блокады сомкнулось. Упакованные узлы и чемоданы так и остались неразобранными — не хотелось думать, что мы попали в «ловушку» навсегда.

Был конец августа, стояла тихая и теплая погода, безмятежно сияло на ясном небе солнце. Внешне казалось, что еще продолжается мирная жизнь. В городе работали театры. Сестра Женя с двоюродной Ниной даже успели три раза сходить в Театр музыкальной комедии на оперетты «Марица», «Баядера» и «Роз-Мари». Как и до войны, напротив известного «дома Толстого», выходящего одним фасадом на Фонтанку, а другим на нашу улицу, стоял керосинщик и продавал всем желающим керосин. В то время керосина нужно было довольно много, так как газовые плиты во многих районах города еще не ставили, поэтому в кухнях для приготовления пищи использовались примусы, керосинки и — довоенная новинка — керогазы. Часто керосинщик, приехав на лошади со своей керосиновой телегой и оставив ее в обычном месте, как это делалось из года в год, шел с начищенным до блеска медным рожком по соседним дворам и трубил протяжно и призывно. Этот звук рожка был настолько мирным и привычным, что все знали: нужно взять банку или бидон и идти за керосином. Так было и в тот день, однако керосинщик предупредил, что приехал в последний раз —

дальше керосин будет отпускаться только в керосиновой лавке на Владимирской площади и только по талонам. А тогда он, как обычно, открыл кран, заполнил керосином расходный бачок, из которого мерной литровой кружкой на длинной ручке черпал синеватую жидкость и через жестяную воронку вливал в подставленные бидоны и банки.

Вдруг до слуха донесся непривычный гул самолетов, он был каким-то прерывающимся, совсем не похожим на звук наших самолетов. Вглядываясь в небо, я увидел, что высоко летят три самолета, Они были еще далеко, но зенитки, где-то на окраине города, уже начали беспорядочно стрелять. Видно было, как облачка разрывов со слабенькими хлопками вспыхивали почему-то намного левее летящих самолетов, а они продолжали лететь в нашу сторону, к центру города и не обращали внимания на стрельбу зениток. Воздушную тревогу все не объявляли, хотя рядом на стене дома было два репродуктора, и из них ясно слышался звук метронома. Внезапно мы услышали резкие и громкие пушечные выстрелы, и сразу же прямо под самолетами и между ними разорвалось несколько снарядов. Кто-то радостно крикнул: «Это наши с кораблей стреляют!» Вдруг там, где летел первый фашистский самолет, что-то ярко блеснуло и так ухнуло, что все три самолета скрылись во внезапно возникшем белом облаке, а в следующее мгновение из этого облака вывалились два самолета и, жутко завывая, резко пошли вниз

в разные стороны. Третьего самолета видно не было, только медленно по небу расплзалось белое облако. И ребята, и взрослые, наблюдавшие за происходившим в небе, кричали: «Молодцы моряки!»

Мой двоюродный брат Жорька был года на два старше меня. Мы были очень не похожи друг на друга — у него была натура «дворового заводилы», а я, как говорили, был «домашний», но это совсем не мешало нам дружить. Он, не знаю за что, но очень любил меня, и я не чаял в нем души. Мне очень нравилось чувствовать себя каким-то независимым и сильным, когда мы были вместе. Видимо, Жорьке нравилось видеть во мне признаки формирующейся личности, к тому же я ведь был единственным его братом, хотя и двоюродным. В ясные и теплые осенние дни мы любили вдвоем бродить по городу, по Невскому проспекту, по набережным. Теперь город готовился к обороне — все понимали и знали, что фашисты стремятся ворваться и захватить его. На Невском витрины магазинов заделывали высокими плоскими ящиками, которые сколачивали из свежих желтых досок и до самого верха засыпали песком. Многие ленинградцы мастерили самодельные ставни на петлях, которыми снаружи прикрывали окна своих квартир, чтобы при обстрелах и бомбежках не повывлетали стекла. Сделал такие ставни и я; благодаря им в нашей квартире сохранились все стекла. Как только начинала завывать сирена воздушной тревоги, все старались поскорее закрыть ставни. В комнатах хоть

и становилось темно, зато было как-то спокойнее. Все, конечно, понимали, что от бомб ставни не спасут... Но человек ко всему привыкает, страшно только сначала, даже жутко страшно, а потом становится легче, просто страшновато.

Жорька жил недалеко от нас — на Литейном. Занятия в школе еще не начались, поэтому он просто приходил к нам. Как-то раз пришел и говорит: «Пойдем на Американских горах кататься». Американские горы были на Петроградской стороне, в садике — недалеко от Госнардома. Покататься на Американских горах было моей мечтой, но до этого дня просто несбыточной, потому что одного меня так далеко от дома не отпустили бы, а сестра моя была страшная трусиха, отцу же было не до этого, он был занят на работе. Американские горы были величественным сооружением. Деревянное в основе и облицованное бетоном, оно представлялось сказочной серой скалой с головокружительными спусками, черными тоннелями и крутыми виражами, нависавшими над водой. Поднятая тросом по узким рельсам на вершину «скалы» тележка с ребятишками и взрослыми начинала стремительно, набирая скорость, проваливаться вниз; сердце вырывалось из груди, и казалось, какая-то сила отрывает тебя от скамейки, и ты летишь в тартарары, но в следующее мгновение, раскрыв глаза, видишь, что летишь куда-то в сторону в кромешной тьме, и что-то с силой сжимает тебя в маленький жалкий комочек; а потом вдруг тележка с осоловевшими

от страха пассажирами вылетает на ажурные решетки высоко над землей; после этого еще несколько захватывающих дух спусков с крутых, почти отвесных горок, и, наконец, тележка замедляет ход, стихают визги и крики слабонервных пассажиров... Многие, раз прокатившись, решают больше ни разу не искушать судьбу, а мы с Жорькой десять раз подряд испытали захватывающее чувство страха, наслаждение полетом и падение с благополучным исходом. Накатавшись, на подкашивающихся ногах вышли мы с Американских гор и пошли посмотреть на «свежие» трофеи, выставленные рядом в сквере и окруженные толпой ребят и взрослых. Распластав крылья, на земле лежал сбитый «мессершмитт» с белой свастикой на хвосте. Лежал он, будто прижатый к земле и был уже совсем не страшным — он отлетался и получил по заслугам. Рядом стояла на вид совсем исправная легкая армейская автомашина с брезентовым верхом. Она была какая-то угловатая, покрашенная для маскировки зелено-коричневыми пятнами, и вместо чувства восхищения от совершенства техники вызывала чувство неприязни к этой новизне — ведь эта техника была создана для уничтожения нас и пользовались ею фашисты.

Воспоминание о катании на Американских горах как яркое событие детства сохранилось и не меркнет в памяти отчасти, может быть, и потому, что буквально на следующий день при очередной бомбежке фашисты подожгли наши Аме-

риканские горы, они горели огромным факелом над Невой и сгорели дотла.

Вернувшись в Ленинград, отец узнал, что в той организации, где он работал, произошли большие кадровые сокращения и его «вывели за штат», не предложив никакой должности. В этот период в городе срочно формировались дивизии добровольцев, так как кадровых войск для защиты города очень не хватало. Немцы ожесточенно рвались вперед, и над городом нависла угроза вторжения. Отец не стал дожидаться, когда его призовут, и пошел на сборный пункт записываться в добровольцы. Так как он до войны по роду своих служебных обязанностей был приравнен к воинскому званию подполковника запаса, его определили на должность замначальника штаба полка по тылу. Однако в полку ополченцев ему так и не удалось оказаться — уже сформированный полк распустили по причине нехватки стрелкового оружия. Тогда отца назначили начальником охраны авторемонтного завода, на котором ремонтировали побитые в боях машины, чтобы сразу же отправить их обратно на фронт. Работая на оборонном заводе, отец избежал призыва — у него теперь была «бронь». Завод располагался где-то в районе Комендантского аэродрома — это было далеко от нашего дома, поэтому отец приходил домой не каждый день — ему часто приходилось дежурить. А когда началась блокадная голодовка, он, приходя домой, каждый раз приносил в бидончике то кашу, то вареные макароны, то еще что-нибудь съедоб-

ное. Один раз макароны оказались прокисшими, но мы их, хоть и давясь, все же съели. Но все это было потом, а сначала город жил, на первый взгляд, так же, как до войны. Только у всех была какая-то озабоченность и тревога за неизвестное будущее.

Поначалу немецкие самолеты только пролетали над городом, но не бомбили. Может, это были разведчики. По ним много и бестолково били наши зенитки, поэтому «фрицы» летали на самой большой высоте, и по радио о сбитых самолетах не сообщалось. Но вот настал день, когда состоялась первая бомбежка. Ожесточенно стреляли наши зенитки, но глухие хлопки разрывов их снарядов, доносившиеся из поднебесья, заглушались внезапными взрывами бомб, сопровождавшимися как бы встряхиванием земли вместе с домами. Как правило, на двор при этом сыпались вылетевшие из окон стекла. Эта первая бомбежка вызвала чувство страха и растерянности: ведь никто не знал, чей дом будет следующим. Помню, несколько человек, жильцов нашего подъезда, выбежали во двор, пометались бестолково туда-сюда и бросились в подвал. Там они сгрудились и с ужасом во взглядах замерли, думая, что в подвале им будет безопаснее. Они же не знали, что разбитый дом превращается в груды кирпичей и всего того, что когда-то называлось домом, и что все, кто оказался в подвале, будут потом раскопаны дружинниками и отвезены на Пискаревское кладбище.

Обычно сигнал воздушной тревоги, оповещавший о начале бомбежки тревожным завыванием сирен, начинал звучать уже после того, как земля и дома вздрагивали от первых упавших бомб. Падали они с душераздирающим, нарастающим, пронзительным свистом или воем прямо на дома, а разваливающиеся от взрыва стены, казалось, беззвучно оседали огромными глыбами в облаках пыли, дыма и известки, погребая под собой то, что только что было квартирами и их жильцами. Если бомба не попадала в наш дом, мы вздыхали с облегчением.

Во время воздушной тревоги мы, ребята, обычно вылезали на крышу дома, готовые немедленно начать борьбу с «зажигалками», если они упадут на наш дом. Зажигательные бомбы, были совсем небольшими — с полметра длиной и толщиной с пол-литровую бутылку. Падая, они обычно пробивали крышу и проваливались прямо на чердак. Их приходилось вытаскивать и сбрасывать во двор или на улицу. Но вся трудность заключалась в том, что «зажигалки», падая, уже горели: из их носовых частей фонтанчиками вылетали пульсирующие струйки ослепительного пламени горящего термита или фосфора. И если через 10-15 секунд не начать ее гасить или не сбросить, она могла так разгореться, что начинала плевать-ся огнем, и близко не подпуская к себе. У нас на этот случай были клещи с длинными ручками; ими можно было ухватить бомбу за хвост, сбросить во двор, или засунуть в кучу песка, или — если бомба не

была фосфорной — утопить в баке с водой. Фосфорные бомбы мы легко отличали от термитных по бело-фиолетовому цвету огня, такому точно, как при электросварке. Если фосфорную бросить в воду, будет беда — точно взрыв! Во все стороны полетят куски горящего фосфора, тогда уже пожара, пожалуй, не избежать, да и те, кто оказался рядом, могут погореть насмерть — этот печальный опыт нам был известен от других, поэтому мы к своим обязанностям относились очень серьезно. Ожидая падения «зажигалок», мы всматривались в небо, где беспрерывно вспыхивали облачка разрывов зенитных снарядов и через несколько секунд доносился слабый хлопок. Но немцы летали так высоко, что снаряды им вреда не причиняли, только на крыши сыпались осколки от них и, как правило, пробив железом, застревали в досках под ним, а место падения было заметно по тонким струйкам дыма. В этом случае я подбегал с чайником в руке и поливал упавший осколок. Правда, от осколков, хоть они и были очень горячими, крыша сразу не загоралась; мы поэтому шутили, что осколки-то «наши» — вот от них и нет вреда. Но почему-то ни у кого и мысли не возникало, что «наш» осколок может упасть и на голову, падали они при сильном зенитном огне довольно густо.

Бомбардировщики «Юнкерс» довольно часто прилетали почти ночью, но мы заметили, что все же ночью фашисты предпочитали не летать, а спать. Когда становилось совсем темно, при налете де-

сятки наших прожекторов тонкими голубыми лучами врезались в небо, лихорадочно рыская туда и сюда, стараясь поймать прорвавшегося к городу стервятника, И если уж ловили в свой луч, к нему тотчас присоединялись и еще два-три прожектора, и тогда в бой вступали уже наши «ястребки», и мы, разинув рты, смотрели в небо на блестящую «мошку» — самолет, пытающийся вырваться из цепких щупальцев прожекторов, — и слушали пулеметные и пушечные звуки воздушного боя. Если фашисту не удавалось вырваться из спящих лучей, участь его была предreshена — его сбивали, и он падал под восторженные крики тех, кто был на крышах домов.

Однако радовались по этому случаю, оказывается, не все. Кое-где на ночных крышах таились и «ракетчики». Они, фашистские лазутчики, во время налета пускали в небо зеленые, красные, а то и желтые сигнальные ракеты, указывая «Юнкерсам», куда бросать бомбы. Наш дом был не в промышленном районе, поэтому с наших крыш ни разу никто ракету не запустил. Однако встречаться с вооруженным «ракетчиком» как-то совсем не хотелось. Конечно, в городе были засланные или даже завербованные вражеские агенты, поэтому по законам военного времени органы СМЕРШ решительно и, может быть, без достаточных оснований арестовывали и увозили куда-то всех подозрительных, особенно жителей немецкой национальности. В нашем доме на четвертом этаже жила семья с немецкой

фамилией Шварцнагель, в которой было двое детей: девочка Маринка лет 7-ми и ее 5-летний братишка Никитка. Мать их была невысокого роста, симпатичная блондинка, на вид лет 30-ти. Говорили, что она русская, а ее муж, Константин Францевич — наполовину немец. Одна нога у него совсем не гнулась, и поэтому в армию его не призвали, и он продолжал работать в каком-то музее — реставрировал старинные картины. Жили они, как и многие, в коммунальной квартире, и соседи их, Коноваловы, сказали, что недавно какие-то люди в штатском ночью пришли и тихо увели Константина Францевича, не объясняя никаких причин. А через несколько дней их дети были включены в списки ребятешек, подлежащих обязательной эвакуации. С Московского вокзала уже было отправлено несколько поездов с детьми дошкольного возраста. В те дни продвижение фашистов было приостановлено на Лужском оборонительном рубеже, но вражеские самолеты непрерывно бомбили наши позиции и даже поезда, вывозившие из Ленинграда ребятешек. Попал под бомбежку и тот поезд, в котором ехали Маринка и ее братишка. Несколько вагонов сошли с рельсов, в панике маленькие беженцы посыпались в разные стороны и многие даже погибли, а сопровождавшая ребятешек воспитательница детсада собрала небольшую группу детей и пешком, а кое-где и на попутках, добралась до Ленинграда. Как-то вечером мы услышали, что кто-то стучится к нам в дверь. Открыли.

Смотрим — на лестничной площадке незнакомая женщина держит за руку плачущую девочку — Маринку с четвертого этажа. Оказывается, комната, где они жили, опечатана, мать ее мобилизована на окопные работы, соседей в квартире уже нет, наверное, уехали — вот Маринку и привели на время к нам. Но дни шли, а Маринкина мама как в воду канула. Мы получили в ЖАКТе на Маринку «детские» продовольственные карточки, и стала она неожиданным и вроде как временным членом нашей семьи.

Поначалу Маринка была подавлена и находилась в полном смятении. Ей было, наверное, трудно смириться и понять, осмыслить весь ужас событий, свалившихся на ее хрупкое детское сознание. Она часто тихонько плакала, прижимая к себе чудом сохранившуюся, не брошенную по дороге маленькую любимую куклу Машу. Много раз спрашивала, где мама и почему ее не пускают домой? Приходилось, щадя ее детское сознание, скрывать, что ее папу арестовали, а где мама, мои родители и сами не знали. Однако Маринка отчетливо помнила, как дяди в черном ночью куда-то увели папу и как мама кричала и плакала. Постепенно она начала свыкаться с новой для нее обстановкой. Мои мать и сестра часто ласково беседовали с ней, пытаясь в доступной для детского понимания форме объяснить, что случилось с нами, да и сама Маринка очень ясно помнила ту страшную бомбежку, когда фашистские стервятники напали на их поезд. Трудно представить,

но факт остается фактом: дети, увидев ужасы войны, кровь и смерть, взрослеют прямо на глазах.

Настало 1 сентября, но занятия в школе так и не началась — начало учебного года перенесли на 1 октября, к тому же школу, где я раньше учился, оборудовали под госпиталь, поэтому в 6-й класс я был определен в другую школу в доме на углу Пролетарского переулка и Фонтанки. Итак, летние каникулы как бы продолжились, но радости от этого нисколько не прибавилось. 2 сентября было объявлено о первом снижении норм продовольствия, отпускаемого по карточкам, как на хлеб, так и на другие продукты, правда, кое-где еще продолжали продавать «коммерческий» хлеб без карточек, а на углу Невского и нашей улицы Рубинштейна в кафе-автомате продавали даже бутерброды из какого-то серого хлеба с небольшим ломтиком меланжа — резиноподобного «омлета» якобы из яичного порошка. За этим «деликатесом» постоянно стояли огромные очереди — люди предчувствовали приближение голода. Стояли в этой очереди и мы с Маринкой.

Однажды, когда мы уже отстояли пол-очереди, завыли сирены воздушной тревоги. Кто-то из продавцов закричал, чтобы все быстро шли в бомбоубежище, но люди будто и не слышали этих призывов, все молча продолжали стоять, боясь потерять свою очередь. Часто и глухо заухали зенитки, но вдруг воздух прорезал доносившийся откуда-то сверху пронзительный свист или душераздирающий

вой — трудно найти подходящее слово. Поначалу тихий, с каждым мгновением он нарастает все сильнее и вот уже парализует тебя насквозь, глаза наливаются ужасом... Но вдруг этот адский свист обрывается, все сильно вздрагивает, звенят в окнах стекла, сыплется штукатурка, грохот кругом страшный, стены и пол и все мы трясемся, как при землетрясении. Наверное, где-то совсем недалеко разорвалась большая бомба, и вслед за взрывом мы ощущаем, как продолжает содрогаться земля от падающих стен разрушенных домов. Вслед за этим взрывом где-то уже в другом районе взорвалось еще две или три бомбы, потом все стихло. Наверное, фашист сбросил все бомбы, а может быть, его сбили...

В этот раз нам так и не пришлось купить четыре бутерброда с меланжем. Народ стал расходиться по домам. Выйдя на Невский, мы увидели совсем недалеко, напротив особняка Белосельских-Белозерских, тот дом, в который угодила бомба. Верхний этаж и крыша уцелели, а всю среднюю часть здания до самой земли вынесло на улицу. В огромном проломе — громадная груда кирпича, обломков стен, балок, каких-то труб — и все это высотой чуть ли не до второго этажа, а выше, как на сцене, видны части комнат, мебель, кое-где даже пол. На уровне третьего этажа на стене косо висел уцелевший портрет Сталина, а с потолка на длинном электрическом шнуре свисал и покачивался большой розовый абажур. Мы хотели подойти поближе, но нас не пустили дружинники.

Они уже начинали разбирать обломки обрушившихся стен, ведь под ними могли быть люди. И действительно, немного в стороне накрытые брезентом лежали два или три тела. Кто-то приподнял край брезента, и я увидел оторванную руку, увидела ее и Маринка. Она почему-то даже и не испугалась, а очень серьезно и тихо спросила: «А что, теперь кто-то стал только с одной рукой, да?» Что я мог ответить? Нет, наверное, этот человек погиб, ведь был сильный взрыв. Потрясенные увиденным, испытавшие ужас бомбежки, мы поплелись домой. Увидев нас целыми и невредимыми, мать с облегчением вздохнула: «Слава Богу! Я уж думала, вас засыпало».

Незаметно прошло несколько ничем не отличавшихся друг от друга дней: немцы регулярно, точно по часам, как это у них принято, затевали артобстрелы или совершали налеты авиации, тогда радио вместо монотонных щелчков метронома внезапно прорывалось заунывным тревожным воем сирены. Мы уже свыклись с этим, и никто даже и не думал бежать в бомбоубежище, оборудованное в подвале на заднем дворе нашего дома.

С продуктами и питанием становилось все труднее. Домашние довоенные припасы к этому времени были уже начисто подъедены, но неожиданно где-то в углу на нижней полке кухонного шкафчика мать обнаружила два пакета обойного клея, попробовала на вкус — похоже на ржаную муку грубого помола, только с горьковатым привкусом. На пакете

прочла: «Обойный клей с присадкой средств против клопов». «Ну, мы все же не клопы, не отравимся. Можно и попробовать. Вдруг оладьи получатся», — подумала мать и вечером напекла на трансформаторном масле оладий. Никто не отравился, хотя они оказались заметно горьковатыми и довольно сильно чувствовался неприятный привкус керосина от необычного масла. Я тоже предпринял ревизию ящичков своего письменного стола и обнаружил приятную находку, неизвестно как туда попавшую. Среди разной моей «хозяйственной мелочи» оказалась еще явно довоенная фруктовая конфетка «Петергоф». Эта маленькая радость сохранилась в памяти, подчеркнув предстоящий жуткий блокадный голод.

6 сентября запомнилось особенно, потому что в этот день фашисты совершили особое зверство: к городу прорвалось несколько самолетов, они сыпали сотнями зажигательных бомб, стараясь вызвать массовые пожары. Это был, пожалуй, первый массированный воздушный налет на город. На наш дом №24 по улице Рубинштейна упало 26 зажигательных бомб, но ни одна не смогла его поджечь, а вот во дворе соседнего дома №26 дотла сгорели все дровяные сараи. Не пощадил огонь и склад старинных, еще дореволюционных, декораций Пушкинского театра. Пожар там был таким громадным, что горящие головешки перелетали Фонтанку и падали к нам во двор.

Наверное, поняв, что одним налетом вызвать массовые пожары в городе не

удастся, фашисты продолжали прорываться в небо над городом каждый день, а артобстрелы стали настолько регулярными, что мы даже знали, что, например, через полчаса начнется очередной «плановый» артобстрел. Спустя пару дней, при очередном большом налете фашистов мы заметили, что где-то в соседнем районе над крышами домов стало подниматься багровое облако дыма. Оно становилось все больше и больше и, клубясь, закрывало чуть ли не половину неба. Вскоре мы узнали: горят Бадаевские продовольственные склады. Огонь там бушевал несколько дней — пожарные силы никак не могли справиться с огнем. Рассказывали, что огнеборцы чуть не по пояс утопали в потоках расплавленного сахара. Вскоре после гибели Бадаевских складов нормы продовольствия и хлеба по карточкам опять были урезаны, что все мы сразу же ощутили. Перестали продавать коммерческий хлеб, правда, за несколько дней до этого снижения мы с Маринкой пошли за коммерческим хлебом на Лиговку, около Московского вокзала. Несмотря на десятикратную цену, за ним выстроилась большущая очередь, встали в нее и мы. В одни руки отпускали лишь две штуки круглого хлеба, поэтому многие в этой очереди стояли с ребятишками. Очередь двигалась медленно, так же медленно, как лениво передвигалась минутная стрелка часов на башне вокзала. Вдруг где-то совсем недалеко грохнул взрыв, со звоном посыпались разбитые стекла, с крыши соседнего дома в облаке пыли и известки

полетели обломки досок и разорванные взрывом листы железа, которые, жутко громокая, упали на мостовую. Начался артобстрел района. Очередь дрогнула, из рупора над воротами тревожно зазвучал голос диктора: «Граждане! Артиллерийский обстрел! Всем укрыться в убежищах!» Диктор третий раз повторял эту фразу, когда на Лиговку и привокзальную площадь один за другим стали падать снаряды. Очередь мгновенно превратилась в бегущую, обезумевшую от страха толпу. Я схватил Маринку за руку и, почти таща ее, изо всех сил бросился бежать к развалинам недавно взорванной Знаменской церкви. Там за глыбами и обломками стен я надеялся спастись от противно шипящих и пронзительно визжащих осколков, летящих где-то над головой. Справа, слева, со всех сторон бежали люди. Чуть впереди — молодая женщина, мне почему-то не хотелось отставать от нее, а она бежала и непрерывно кричала: «Лена-а!.. Лена-а!..» Неожиданно она резко взмахнула руками, точно кто-то сильно толкнул ее, сумка вырвалась из ее рук и полетела в сторону. Женщина покачнулась, но устояла и продолжала бежать вперед... В следующее мгновение я с ужасом увидел, что у бегущей женщины по плечам течет алая кровь, заливая ее легкое васильковое платье; и что было самым жутким — она бежала и больше уже не кричала... на окровавленной шее не было головы. Подбежав к тротуару, она споткнулась и с разбегу плашмя грохнулась на асфальт. Об этот же тротуар споткнулись

и свалились и мы с Маринкой. Я схватил насмерть перепуганную девочку, хотел поставить на ноги, но она обеими ладошками зажала левую коленку, между растопыренными пальчиками сочилась кровь.

«Что с ней? Неужели осколком?» — подумал я, дрожащими руками отнял ее ладошки... и с облегчением вздохнул — Марина только сильно расшибла коленку, когда упала. Собрав все силы, я взял ее на руки, она обхватила меня за шею, и, уже не обращая внимания на разрывы снарядов, я понес ее в руины Знаменской церкви. Усадив побледневшую Маринку на обломок стены, я стащил с себя рубашку и стал разрывать ее на узкие полоски. Потом стал языком слизывать с содранной кожи сочащуюся кровь и приставший мусор. Забинтовывая коленку, я заметил, что Маринка почему-то не плачет. Ведь ей, наверное, очень больно, подумал я. «Нет, совсем не больно, только ступать совсем не могу, — ответила она на мой вопрос, а потом с тревогой спросила: — А та тетенька теперь, наверное, умрет?». Вспоминая это теперь, я невольно думаю: до чего же быстро, просто внезапно, взрослеют дети на войне.

Часто останавливаясь, чтобы передохнуть, я с трудом дотащил Маринку до дома. Идти сама она не могла из-за резкой боли в коленке. Дома мама и Женя осмотрели Маринкину ногу и даже испугались: коленка не гнулась и сильно припухла. Решили сообща нести девочку в детскую клинику Раухфуса, а путь-то неблизкий — обратно к площади Восста-

ния, на 2-ю Советскую. В приемном отделении ее осмотрели и сразу же отправили на рентген. Оказалось, что при падении треснула бедренная кость, пришлось накладывать гипс — Маринку увезли в хирургическое отделение. Там она пролежала до середины ноября. Гипс сняли, но из-за начавшегося голода нам ее не вернули, а перевели в детский интернат, где содержались раненые ребята. Я и Женя пару раз навещали ее и узнали, что кормят ребятшек, хоть и без всяких разносолов, но, по нашим понятиям, вполне прилично, а когда стало совсем туго, мы уж больше не ходили к ней. Ребятишкам в интернате были от 5-ти до 12-ти лет. Жутко и жалко было смотреть на них: многие ходили на костылях, у некоторых не было рук, а одна девочка лет 10-ти каталась на низенькой самодельной тележке с колесиками из шарикоподшипников — она при бомбежке лишилась обеих ног. Бросалось в глаза, что все ребята жили очень дружно, помогали друг другу, отлично понимая, что беда с ними случилась по вине фашистов.

1 октября я пошел в 6-й класс. Было холодно и голодно, отопление не работало, поэтому на уроках сидели в пальто, но шапки снимали. В классе никого из прежних одноклассников не оказалось, наверное, успели эвакуироваться или переехали в другой район. Во время большой перемены мы все спешили в столовую: там давали по тарелке горячего супа-щей из зеленой квашеной капусты — «хряпы», как мы ее называли. За отдельным столом

были расставлены тарелки с этими зелеными, жидкими и, конечно, постными щами для учителей. Учащиеся же стояли в очереди к окну раздачи, где и получали алюминиевую миску щей и ложку. Запомнился один печальный, пожалуй, даже скандальный случай. Все разом обернулись на громкий, пронзительный, истерический крик — у учительницы немецкого языка кто-то, возможно, по ошибке, съел тарелку ее щей. Скандал закончился тем, что с раздачи ей принесли другую миску.

Если во время занятий случалась воздушная тревога или начинался арт-обстрел района, все мы быстро, захватив свои сумки с учебниками и тетрадками, спускались в подвал — там было оборудовано бомбоубежище. Электричества в то время уже не было, да и окна в подвале были снаружи закрыты не очень толстыми железными щитками. Поэтому зажигали керосиновые фонари — так называемые «летучие мыши», — подвешенные к потолку. Тут тоже стояли парты, и даже классные доски были. Чтобы потолок в бомбоубежище не провалился, если бомба угодит в наш дом и он рухнет, между партами стояло несколько подпирающих столбов, однако бомба ведь могла добраться и до самого «бомбоубежища», поскольку дом был двухэтажным. Почему-то об этом особо не задумывались.

Однажды ночью во время воздушной тревоги где-то недалеко взорвалась бомба, и снова все содрогалось от падающих стен разрушенного дома. Когда я утром подходил к школе, то увидел, что часть со-

седнего дома разрушена, но другая часть сохранилась до самого четвертого этажа. Дружинники и жильцы уже начали разбирать завал после взрыва. Рядом стояла пожарная машина с поднятой до пятого этажа лестницей. Придя в класс, я заметил, что нет моего соседа по парте (имени его уже не помню), и сообразил, что он жил как раз в соседнем доме. Неужели погиб? Но на следующий день он все же объявился, оказалось, он жил в уцелевшей части дома. В ту ночь его мать дежурила в госпитале, и он уже лег спать, когда началась бомбежка. Бабушка спала в другой комнате. От взрыва мой одноклассник слетел с кровати на пол и чуть не оглох; все кругом тряслось и трещало, и сыпалась штукатурка. Он вскочил, хотел выбежать в коридор, но дверь заклинило. Наконец все стихло, темно, холодно, в окне не осталось ни одного стекла. С большим трудом удалось приоткрыть дверь и протиснуться в коридор, пошел на ощупь к кухне и вдруг почувствовал, будто он на улице, холодно, даже ветер. Остановился, пригляделся, а дальше ничего нет, и кухни нет — пол провалился, и только где-то внизу в облаке пыли груда кирпича, досок, балки какие-то... Вернулся в комнату, оделся потеплее и пошел искать бабушку, комната которой была в другом конце коридора, но до конца так и не дошел, стены коридора уцелели, а пол провалился. Провалилась и комната, где спала бабушка. Так он и остался один в своей комнате, а потом приехали пожарные с раздвижной лестницей и спу-

стили его вниз. Когда на следующий день я встретил своего соседа по парте в школе, то сразу заметил: у него в темных волосах появилась совсем белая прядь шириной в два пальца.

— Что это у тебя с волосами? — удивленно спросил я.

— А что такое? — недоуменно отозвался он.

Я потрогал его волосы:

— Вот эта прядь у тебя стала совсем белой, как бумага.

— Да ну? Не может быть! — не поверил он, но одна девочка протянула ему маленькое кругленькое зеркальце и очень серьезно заявила:

— Знаешь, а это даже очень симпатично.

До этого я и не знал, что от пережитого страха можно вот так внезапно поседеть. Несколько дней разбирали обломки разрушенного дома, нашли и несколько тел погибших, но нас, ребяташек, близко не подпускали, да мы и не стремились проявлять любопытство. Разборки разрушенных домов становились уже почти обычным явлением, и занятия в школе продолжались.

Однажды во время объявленного арт-обстрела мы были в нашем школьном бомбоубежище, помню, был урок географии, и вдруг оглушительный удар — один фонарь «летучая мышь» сорвался с гвоздя, упал на пол и погас, хорошо еще, что второй фонарь уцелел. Мы поначалу ничего не поняли, но учительница велела сразу всем расходиться по домам.

Из бомбоубежища мы вышли во двор, и я решил посмотреть, что же случилось. Обошел угол дома и вышел на набережную Фонтанки. Все стало сразу же ясно: фашистский снаряд ударился в стену школы в метре от прикрытого железным щитом окна в то бомбоубежище, где несколько минут назад мы еще сидели за партами. «Повезло, — подумал я, — щиток бы нас, конечно, не спас». По стене и тротуару веером расходились глубокие борозды от осколков разорвавшегося снаряда, в окнах на фасаде дома не осталось ни одного целого стекла, а большая,

с хрустальными подвесками, люстра в зале второго этажа упала на пол и рассыпалась — даже на улице валялись ее кусочки. После этого печального случая, наверное, подумали, что снаряды в одно и то же место не падают, и занятия в школе продолжались.

Работала и школьная библиотека. Как-то после уроков я зашел в нее и увидел на столе толстый журнал «Техника — молодежи», раскрыл его, стал листать и, увлекшись интересными статьями и рисунками, не заметил, что руки совсем ооченели. В помещении было так холодно,

На Пискаревку. Вероника Мошарева, школа №156

что на стеклах в окнах был иней. В тот день я получил, хоть и не сильное, обморожение кистей рук. Придя домой, я почувствовал ломоту в пальцах, они покраснели, распухли и почти не гнулись. Из-за этого почти неделю не ходил в школу, но мало-помалу руки поправились, и я вернулся в школу. Придя в класс, заметил, что ряды учеников поредели: почти половина ребят перестала ходить в школу — холод и начавшийся голод многих заставил сидеть дома.

В ноябре начались сильные морозы, отопление в школе, да и в других домах, где оно было «центральным», перестало работать, и дома окончательно промерзли. Занятия в школе прекратились. А вскоре замерз и водопровод. Пока у нас были в подвале дрова — протапливали печку, но запас дров катастрофически сокращался, и, чтобы вскоре совсем не замерзнуть, отец принес с работы «буржуйку» — небольшую железную печурку на невысоких ножках. Трубу от нее отец вставил прямо в топку круглой печи, что стояла в углу комнаты. В то время в нашем доме центрального отопления еще не было, было печное. До войны обычно во дворе стояли небольшие штабелю дров, купленных жильцами, а дворник Савелий со своей женой нанимался их пилить, сам же колот и сносил в подвал, где у нас были дровяные сараи. Теперь они опустели, а купить дров было уже негде. «Буржуйка» же много дров не требовала, и на ней можно было сварить немудреный обед или вскипятить чайник.

На кухне теперь стояла стужа, не зажигались ни керосинки, ни примусы — керосина уже тоже не стало. Бутылку керосина теперь можно было купить только с рук на «толкучке» около Кузнечного рынка. Сам-то рынок был закрыт, торговля на нем прекратилась сама по себе — торговать стало нечем. Правда, на «толкучке» можно было купить за бешеные деньги, а чаще — в обмен на какие-нибудь старинные вещи полбуханки хлеба или еще что-нибудь съедобное. Керосин был нужен всем: электричество-то в домах погасло, а для освещения все делали «коптилки» — маленькие бутылочки с фитильком; сделал и я две такие коптилки. Теперь по вечерам они горели и своим слабеньким призрачным светом едва освещали наше печальное жилище. Только от огонька до потолка поднималась тонкая ниточка копоти. Как-то незаметно все мы свыклись, привыкли к вечерней жизни почти в потемках. Единственными моментами, несколько оживлявшими наш быт, были обед или ужин, где главной пищей являлся небольшой кусок суррогатного хлеба и чашка горячего кипятка. Мы регулярно разжигали наш небольшой старинный самовар — угли брали из буржуйки, так что и это топливо не пропадало, к тому же можно было постоять перед горячим самоваром и погреть руки о его бока, пока он не остынет.

Моей постоянной обязанностью были походы за водой, я носил ее в трехлитровом бидоне — ведро для меня было слишком тяжелой ношей, ведь ходить

приходилось иногда довольно далеко. Всю блокаду незамерзшими в нашем районе оставались только пожарные магистрали. Например, на нашей улице напротив дома Толстого посреди дороги в люке был установлен пожарный гидрант, и из него постоянно текла струя воды. К этому «источнику» постоянно стояла очередь: кто с ведром, кто с чайником или кастрюлей, а я — с бидоном. Бывало, что и этот гидрант не работал, приходилось топать на Невский, где на перекрестке с улицей 3-го июля (так тогда называлась Садовая) гидрант работал постоянно. Потом, когда наступила зима со страшными морозами, вокруг этого гидранта образовалась большущая высокая наледь, приходилось, скользя, карабкаться на ее вершину, а потом сползать по прозрачному мокрому льду к струе, вытекавшей из гидранта. Вокруг этого гидранта всегда была толпа с посудинами, и никто будто даже и не замечал, что в толщу полупрозрачной наледи вмерзла человеческая фигура — видно, кто-то из ленинградцев тут и распрощался со своей жизнью.

Да, все это так и было, но несколько позже, а пока еще не наступили лютые холода, где-то в конце сентября, когда еще кое-где продавали «коммерческий хлеб» без карточек, за ним выстраивались огромные очереди; видно, информация об этом по каким-то неведомым каналам проникла и к немцам, и они совершили чудовищное злодеяние. В один из ясных солнечных дней несколько фашистским самолетам удалось прорваться к городу.

Один из них на бреющем полете пролетел вдоль Невского проспекта и сбросил осколочные бомбы прямо на головы сотен людей, стоящих в очереди за хлебом. Я услышал во время того налета какие-то совсем обычные взрывы бомб и побежал вместе с ребятами на Невский посмотреть, что случилось. Около кинотеатра «Аврора» творилось что-то ужасное: на тротуаре и проезжей части неподвижно лежали окровавленные люди, многие шевелились, пытаясь ползти. Жертвами стали сотни!.. Кто уцелел, пытались помочь раненым. Нас, ребятшек, сразу же прогнали дружинники, и мы, подавленные и растерянные, поплелись домой. Но это ужасное зрелище так и осталось в памяти; прошло уже столько лет, а помнится, будто это было только вчера.

Бомбежки в те дни бывали почти ежедневно. Однажды во время налета мы, как обычно, дежурили на крыше. Поначалу небо было безоблачным, только где-то высоко рвались зенитные снаряды, и от их разрывов вспыхивали белые облачка. Видно, налет был массированным, потому что небо от разрывов снарядов стало совсем пестрым, густо усеянным белыми хлопьями, и на крышу, точно дождь, со звоном сыпались осколки. Где-то в высоте надрывно гудел моторами «Юнкерс», и вдруг мы услышали нарастающий пронзительный свист и вой падающей бомбы. Казалось, она падает прямо на наш дом. Сердце сжалось от, казалось, неотвратимого взрыва. Но вот ужасный свист оборвался. Удар. Все дрогнуло, но... бомба

почему-то не взорвалась. Мы подумали: «Может, она замедленного действия?» Немцы и такие бросали: лежит, лежит, а потом ка-а-ак ухнет!.. Как только звуки горна из уличных репродукторов оповестили об отбое воздушной тревоги, мы побежали расследовать, куда же упала неразорвавшаяся бомба, а то, что упала она где-то совсем близко, было ясно — уж больно сильно дрогнул наш дом. Забежали в соседние дворы, но там все было цело; обследовали Щербаков переулок — и там все цело. Наконец на Владимирской площади мы увидели жуткую картину: бомба угодила прямо в пустой трамвай (во время тревоги все пассажиры выбежали из вагонов, им здорово повезло). Обломки вагона валялись в стороне, у самой Владимирской церкви, а трамвайные рельсы силой удара были вырваны из мостовой и крутой дугой громоздились со шпалами над ямой, куда провалилась бомба. Три дня мы ходили смотреть, как вытаскивали бомбу, нас хоть и гнали прочь, но мы все же умудрились все разглядеть и даже видели саму бомбу. Она была толстая и длиной метра в два. Говорили, весила целую тонну. Подъемным краном ее осторожно положили на мешки с песком в кузов пятитонки и тихим ходом куда-то увезли. Не знаю, верно это или нет, но прошла молва, что когда обезвреживали бомбу, то обнаружили у нее внутри вместо взрывчатки обычный песок с опилками и записку на русском языке: «Чем можем, тем поможем». Если это так, то нам было очень приятно, мы искренне вери-

ли, что и в Германии есть люди, ненавидящие фашистов.

Ближе к ночи, когда совсем стемнело (осенью темнеет рано), снова был налет бомбардировщиков. В этот раз в схватку с фашистом вступили прожектористы и наш истребитель. Мы, как зачарованные, с разинутыми ртами, задрав головы, следили, что происходит там, высоко в небе. Сначала один, а затем и другой прожектор наконец поймали в свои слепящие тонкие голубые лучи «Юнкерс» (мы по звуку моторов уже умели безошибочно различать «Юнкерсы», «Фокке-Вульфы», «Дорнье» и другие самолеты). Он, как серебряная муха, сверкал в двух перекрещивающихся лучах, то заваливаясь набок, то пытаясь резко отвернуть в сторону, но лучи прожекторов цепко держали его. К тому же, наш «ястребок» несколько раз атаковал его, обдавая пулеметными очередями — мы отчетливо слышали длинные очереди, доносившиеся сверху, как слабое стрекотание швейной машинки. Но вот стрельба замолкла... И вдруг в лучах прожекторов внезапно мелькнул наш истребитель — там что-то произошло необычное: «Юнкерс», страшно воя моторами, стал стремительно падать; он пронесся совсем низко над крышами домов, а в следующее мгновение раздался взрыв и где-то за домами в небо взметнулось облако огня... На следующий день я увидел на стене дома плакат с сообщением, что в ночном бою с фашистским стервятником летчик-истребитель Севастьянов совершил геройский поступок:

расстреляв весь боезапас, он винтом своего «ястребка» протаранил «Юнкерс» и отрубил ему хвост, после чего сам выпрыгнул с парашютом и благополучно приземлился около Кировского завода, «Юнкерс» же упал и взорвался в Таврическом саду, а фашистские летчики, тоже спустившиеся на парашютах, были взяты в плен.

При бомбежках немцы в первую очередь старались разрушить мосты, вокзалы и, конечно, заводы, так как и во время блокады на них продолжали изготавливать автоматы, снаряды, бомбы и другое вооружение, необходимое фронту. Около Московского вокзала перед самым началом войны строители ленинградского метро разрушили Знаменскую церковь; после войны на ее месте построили вестибюль станции метро. Знаменская церковь, вероятно, сверху была похожа на Владимирскую, поэтому немцы ошибались — хотели бомбить Московский вокзал на площади Восстания, а доставалось Владимирской площади, от которой наш дом был совсем недалеко. Если бы фашистам удалось разрушить Аничков мост через Фонтанку, со временем его наверняка восстановили бы в прежнем виде; но вот четыре знаменитые бронзовые группы коней Клодта было бы, наверное, уже не воссоздать. Поэтому, когда начались сильные бомбежки, к мосту подогнали большой автокран, соорудили из бревен и толстых досок помост, аккуратно подняли тяжелые скульптурные группы, опустили в кузов пятитонки и отвезли в сад Дворца пионеров, где зарыли их в при-

готовленные траншеи. В толпе любопытных пацанов, наблюдавших за спасением знаменитых «коней», был и я.

После того как сгорели Бадаевские продовольственные склады, с питанием в городе становилось все хуже и хуже. Отоваривать продовольственные карточки можно было только в близлежащих магазинах, к которым мы были прикреплены, а чтобы было легче прокормиться и переживать холода, многие родственники, ранее жившие в разных местах, стали объединяться, съезжаться и жить вместе. Так было и с нами: к нам переехала моя двоюродная сестра Нина со своей мамой, тетей Лизой (муж ее, дядя Петя, умер перед самой войной). Так у нас образовалась семья из шести человек. Правда, папа был довольно редким «гостем», потому что находился на казарменном положении при авторемонтном заводе, где он был начальником охраны ремонтной базы.

Осенью, пока еще не было отключено электричество, продолжал работать Театр музыкальной комедии. Моя сестра Женя и Нина однажды взяли меня в театр. К сожалению, память не сохранила название постановки, но отлично помню, что в зале было очень холодно — отопление не работало, зрители сидели в пальто и шапках, но артисты были одеты легко, по-летнему, и даже не показывали вида, что холодно, наверное, пронизывал их до костей. В первом же антракте, помню, зал мигом опустел — зрители гурьбой ринулись в буфет; там, разумеется, не по карточкам продавали лимонад и бутерброды с «мелан-

жем» — популярным в то время эрзац-продуктом. Из зрителей образовалась длинная зигзагообразная очередь, заполнившая все довольно просторное помещение театрального буфета. Казалось, что люди только ради этого удовольствия и пришли в театр. Повторяющиеся звонки настойчиво извещали, что антракт уже давно закончился, но очередь к буфетной стойке самоотверженно делала вид, что не слышит звонков. В начале второго действия зал был заполнен едва ли на четверть: зрители сосредоточенно уничтожали свои бутерброды. Часть зрителей, однако, все же осталась до конца постановки и отблагодарила артистов дружными аплодисментами. Прошло совсем немного времени после нашего посещения Театра музкомедии, как во время одной из бомбежек фугасная бомба угодила в его здание и разрушила сцену. Восстанавливать разрушенное было некому, и представления прекратились.

Неотвратимо надвигалась зима, становилось все холоднее. Мы, исхудавшие, постоянно голодные, особенно сильно ощущали леденящие душу морозы с пронизывающим ветром. Говорить о каком-то героизме ленинградцев, оказавшихся в блокаде без топлива, света, водопровода и канализации, да и почти без пищи, как-то даже неуместно. Это не был героизм в общепринятом понимании этого слова, это было медленное угасание сил и сознания, даже почти без особых переживаний. Люди ходили на догорающие свечки.

Наша квартира была на первом этаже, и единственное в комнате окно выходило во двор-колодец. Днем, пока светло, ставни были открыты, и скудный свет проникал в помещение. Однажды днем я услышал на дворе истерические пронзительные крики — во двор выбежала маленькая сухонькая старушка, без пальто, в одном длинном черном платье; она судорожно размахивала руками, металась по двору и кричала: «Карточки украли! Карточки украли!» — в ее голосе были ужас и отчаяние. Старушка почему-то побежала на задний двор, и я видел, как под аркой она споткнулась и упала. Маленьким черным комочком она неподвижно лежала, даже не пытаясь подняться. Я надел пальто, шапку и пошел посмотреть, можно ли помочь старушке-француженке. Увы, она уже не дышала. Так я увидел первую жертву блокады нашего двора. А «француженкой» эту скромную маленькую старушку я назвал неспроста. Как рассказывали старожилы нашего двора, еще до революции из Франции в Питер приехала довольно молодая милостивая одинокая дамочка и нанялась бонной — воспитательницей маленьких отпрысков одного из представителей питерского театрально-художественного бомонда, чтобы смолоду прививать им аристократические манеры и навыки, а заодно и обучать тонкостям французской речи. Бурные годы революции каким-то образом обошли ее стороной, а частично уцелевшие представители российской интеллигенции от литературы и искус-

ства приютили потерявшую работу бонну. Она честно служила им, опять-таки как-то миновав разгул сталинских и бериевских репрессий. Шли годы, и вот она, уже совсем состарившаяся, достигнув своего 80-летия, скромно доживала свои одинокие дни в нашем доме на улице Рубинштейна, пока какой-то негодяй вероломно и подло не похитил ее продовольственные карточки, тем самым подписав ей смертный приговор. Да, не скрою, среди жителей Ленинграда встречались и негодяи, промышлявшие кражей продовольственных карточек, а получить взамен утраченных новые было совершенно невозможно — таковы были суровые, можно сказать, жестокие правила жизни в осажденном городе.

Вспоминается жуткий случай, когда изголодавшийся парнишка в булочной выхватил из рук женщины несколько хлебных карточек, видимо, на всю семью. Она, еле успев спрятать в сумку только что полученные полбуханки коричневого, еще горячего эрзац-хлеба, бросилась бежать за убегающим маленьким воришкой. Она догнала его довольно быстро и схватила за плечо. Парнишка упал, шапка слетела с его головы, судорожно скомкав карточки, он сунул их в рот и стал жевать. Увидев это, женщина проворно скинула с валенка тяжелую резиновую галошу и с размаху ударила воришку по голове. Он замер, женщина перевернула его на спину и, стоя на коленях, пыталась раскрыть его рот, но вдруг поняла, что тот уже не дышит. Силы покинули несчаст-

ную женщину, она обхватила руками голову, завывала нечеловеческим голосом и рухнула на землю. Что было дальше, не знаю — подавленный увиденным, я поплелся домой.

Чтобы выкупить продукты по карточкам, мы шли в магазин к его открытию, стараясь пораньше занять очередь, ведь нередко бывало и так, что хлеба, какой-либо крупы или маргарина на всех не хватало. Те, кому ничего не досталось, молча, понуро расходились по домам, чтобы завтра снова, но пораньше прийти к магазину. Бывало и так, что, придя в магазин, люди обнаруживали, что полки совсем пусты, а заведующая с санками ушла на базу, чтобы получить хоть что-то, ведь полный магазин народу и все терпеливо ждут. И не раз заведующая, еле волоча опухшие ноги, возвращалась и тихо сообщала: «На базе сегодня ничего нет...» Очередь тихо расходилась по домам, неся печальную весть — запасов еды, как правило, уже ни у кого не было. В домах в те дни царствовали голод и холод. Но если с холодом еще как-то можно было бороться — понемногу топить «буржуйку» всем, что может гореть, то с голодом шутки плохи. Порою даже мутилось сознание, но надежда на выживание все же нас не оставляла, хотя было очень тяжело, сил становилось все меньше, а мысли о еде крутились в голове постоянно.

Однажды, вытаскивая из книжного шкафа очередную книгу, чтобы безжалостно порвать ее и, скомкав, затолкать в маленькую топку «буржуйки», я об-

ратил внимание на очень красивую старинную книгу с золоченым корешком и названием «Царь-работник». Раскрыл, прочитал страничку — это о Петре Великом, о его жизни, детстве, истории рода. В книге много цветных картинок, она была издана к 300-летнему юбилею дома Романовых. Почитать бы, но холодно, огонь в печурке может загаснуть. Жаль, но я ее сжег. Смотрю, еще одна старинная книга — «О вкусной и здоровой пище». «О, эту я не сожгу ни за что!» — подумал я и отложил в сторону. Рецепты и описания того, как можно приготовить массу вкуснейших вещей, так заморозили меня, что я, собравшись в комочек, чтобы было не так холодно, сидел у окна и мысленно поглощал разные пудинги, пирожки, пасхи, мороженое. Читал взахлеб и только глотал слюнки. Это продолжалось несколько дней, пока мать не заметила, как я что-то сосредоточенно читаю. К великому моему сожалению, она отобрала у меня эту драгоценную находку и, безжалостно разодрав, обратила ее в хоть и небольшой, но реальный источник тепла. Вспоминая это, я благодарю ее, что она нарушила мое опасное увлечение — в блокадной действительности было много случаев, когда на почве голода люди лишались рассудка, а я с подобным чтивом, видимо, был в одном шаге от этого.

Мало-помалу книжный шкаф почти опустел, оставалось много темно-бордовых томов полного собрания сочинений Ленина и большая толстая книга «Стенографический отчет Семнадцато-

го съезда ВКП(б)», где были опубликованы без сокращений выступления таких видных в то время политических деятелей, как Киров, Бухарин, Орджоникидзе, Каганович, Зиновьев и другие, о ком теперь, особенно молодежь, даже и не знают ничего, кроме того, что были какие-то «враги народа». Не знаю, почему отец отважился хранить эту толстую, ставшую «секретной» в предвоенные годы книгу у себя дома — ведь он, да и мы заодно, могли лишиться свободы. Но и эта книга обратилась в пепел. Только труды Ленина отец сжигать запретил — он был убежденным примитивно-честным коммунистом и таковым оставался до последних дней своей жизни. А во время блокады, не будучи, видимо, уверенным, что город удастся удержать, упаковал все полное собрание сочинений Ильича и, когда никто не видел, вынес в подвал и спрятал.

Когда книги кончились, пришла очередь домашней мебели — она была деревянной и сулила, уходя в небытие, отдать нам желанное тепло. За год до начала войны родители решили наконец обзавестись приличной современной мебелью, купили десять хороших стульев с мягкими сидениями, дубовый раздвижной обеденный стол и объемистый «комбинированный» (новинка того времени) шкаф. Со всем этим недавно приобретенным убранством квартиры суждено было расстаться — своими же руками распилить на кусочки и сжечь. Я с трудом распил ручной ножовкой уже два стула (в то время я еще не умел точить пилу, а отец

тоже не умел и вообще не любил что-либо мастерить по дому — он был типичным административно-канцелярским работником, а потому даже молоток в руках держал как-то неумело). Вскоре подошла бы очередь и остальным стульям, но как-то вечером пришел с завода отец и сообщил, что дом №28 по нашей улице разбирают на дрова.

Этот дом располагался почти напротив дома Толстого и имел всего два этажа: кирпичный низ и деревянный верх. Старожилы говорили, что в петровские времена он принадлежал Меншикову, где он и жил с будущей царицей Екатериной, до того как Петр Великий «положил глаз» на хозяйку дома своего сановного фаворита. Тем не менее Меншиков, порядком разбогатев, помогая царю строить Российскую империю, выстроил для себя на берегу Невы дворец, значительно превосходящий роскошью царский дом в Летнем саду, туда он и перебрался с Троицкой улицы (ныне ул. Рубинштейна). Второй этаж бывшего дома Меншикова был выстроен из сибирской лиственницы, а потому бревна его стен отлично сохранились. Их древесина была тверда, просмолена и желта, как яичный желток. Вооружившись двуручной пилой, мы с отцом отправились к дому №28 на заготовку дров. Там уже трудилось человек десять, пытаясь пилить неподатливые сухие бревна. Мы тоже пилили до изнеможения и волоком притащили домой кусок метра в два длиной. На следующий день мы хотели еще раз сходить «за дровами»,

но их уже не оказалось: видно, люди всю ночь растаскивали все, что могло гореть. Остались только кирпичные стены. Добытый кусок «исторического» бревна довольно долго обогревал наше холодное жилище. Наконец, я добрался до нашего обеденного стола, который отчаянно сопротивлялся, не желая обращаться в кучку дров. Стол был дубовым — я впервые ощутил твердость этой древесной породы, испытывая ее с помощью довольно тупой ножовки. Увидев, что ножка стола не поддается моим усилиям, отец попытался сам пилить, но вскоре понял, что таким тупым инструментом из стола дров не сделать. На следующий день он принес с завода мою ножовку уже наточенной, и только тогда удалось растопить печурку. Из-за этой ножовки отцу пришлось пешком протопать много километров от завода до дома и обратно — завод-то был где-то в районе нынешнего Комендантского аэродрома, а трамваи в то время уже не ходили.

Раз вечером я стал искать спички, хотел зажечь вторую коптилку, вспомнил, что целая пачка спичек лежит где-то в шкафу. Открыл шкаф, на нижней полке какие-то пакетики, нашел и спички, зажег фитилек коптилки. Огонек тусклым желтым светом осветил внутренности пустого шкафа — книги-то из него были уже все сожжены. Смотрю, на полке одиноко лежит небольшой пакетик, завернутый в белую пергаментную бумагу. «Что это?» — подумал я, стал осторожно разворачивать упаковку и вдруг услышал сла-

бое жалобное мяуканье — в кухне, за дверью, был наш кот Барсик, он просился в комнату, где было не так холодно. Отложив пакетик, я впустил Барсика. Он стал лгнуть к моим ногам, точно желая отблагодарить меня. Наконец, я развернул загадочный пакетик. В нем лежал небольшой брусок, граммов двести или чуть больше, кокосового масла, полученного по всем нашим карточкам на целый месяц. Видимо, кокосовое масло, чем-то похожее на обычный желтый маргарин, было из неприкосновенного государственного запаса продовольствия. С тех блокадных пор я его ни разу не встречал. Может быть, это масло имело какой-то неосязаемый моему носу запах, но Барсик несомненно учуял его моментально. Он точно сошел с ума и, жалобно мяукая, стал тянуться к этому съедобному сокровищу. У меня возникло страшное волнение, во мне боролись сразу три одновременно возникших решения, а рука непроизвольно опустилась в карман и достала складной перочинный ножик. «Отрезать кусочек масла и тут же его съесть? А что, если будет не остановиться? — лихорадочно рассуждал я. — Это ведь воровство! Это же получено на всех... Нет, не могу!...» Вторая мысль — скорее завернуть это масло и положить на место, будто я его и не видел... А третья — дать маленький кусочек Барсику, он ведь такой маленький, да и исхудал совсем — шкурка прямо складками висит на косточках... И так просит... Взял я грех на душу, а может, это совсем и не грех, отрезал кусочек масла, поло-

жил себе на ладонь и протянул Барсику. Как же я был рад, глядя, как он своим розовым язычком лихорадочно слизывал с моей руки масло и потом еще долго лизал мою пустую ладонь. Я подумал, что этот маленький, с наперсток, кусочек масла для Барсика то же самое, что целый килограмм масла для меня, и, несмотря на то, что был страшно голоден, получил огромное удовлетворение, даже чувство голода будто немного отступило.

Соседка, живущая этажом выше, настойчиво несколько раз просила нас отдать ей нашего Барсика, своего-то кота она уже съела, но мы категорически отказывали ей, мы даже подумать не могли, что можно дойти до этого. Однако, оказывается, некоторые люди на почве голода доходили и до каннибализма. Я несколько раз в походах за водой видел полузанесенные снегом тела людей с вырезанными кусками тела, обычно бедер. Поэтому мы никогда не покупали возле рынка куски студня — кто знает, из какого мяса они сварены, но раз этот студень продавали, значит, кто-то его покупал, значит, его ели... Даже вспоминать об этом страшно, но, чтобы такое никогда не повторилось, нынешние поколения должны знать, что это было.

Где-то в декабре сурового 1941 года отец пришел с завода с необычной ношей: на длинной ржавой проволоке он волоком притащил лошадиную голову. В тот день он после ночного дежурства на заводе, еле волоча опухшие от голода ноги, шел домой. Перейдя Неву по мосту Лейтенан-

та Шмидта, он увидел на площади Труда странную небольшую группу людей, они, тесно сгрудившись, что-то делали прямо посреди площади. Буквально час тому назад по площади, с трудом переставляя ноги, тащила чем-то нагруженную телегу исхудавшая лошадь. На телеге, говорят, сидела возница-женщина, укутанная в шаль. Откуда-то из-за Пулковских высот прилетел фашистский снаряд и угодил прямо в проезжавшую по площади телегу. Взрыв — и от телеги ничего не осталось, а лошадь в то же мгновение обратилась в груды дымящегося мяса и костей. Когда к этому месту подошел отец, ему ничего не досталось — осталась только лошадиная голова. Если бы не эта голова, не знаю, писал ли бы я эти строки, скорее всего — нет: и может быть, кто-то другой, оставшийся тогда в живых, написал о лошадиной голове, только доставшейся не моему отцу.

Поначалу мы даже как-то расстроились, увидев эту, как мы подумали, «мертвую голову», но мать сразу сообразила, что это, может быть, наше спасение.

«Нужно сначала ее заморозить. Тут в кухне холодно, как на улице, — сказал отец, — а потом, как замерзнет окончательно, я ее распилю на несколько частей, а там уж пускай мамка хозяйничает — ведь все это съедобное».

Когда «голова» обратилась просто в куски синеватого мяса с костями, настроение наше стало почти праздничным, даже Барсику достались съедобные кусочки хрящиков и мелких обрезков. Нам

было даже непонятно, почему это до войны мы не употребляли конины, а тем более — лошадиной головы. Ведь так вкусно, просто объедение, рассуждали мы. Из-за жестокого голода наши вкусовые ощущения были настолько обострены, что даже «студень», сваренный из старых отцовских ремней и голенищ болотных охотничьих сапог, казался нам изысканным деликатесом. Карточки на крупу в нашем магазине несколько раз отоваривали только чечевицей. Сваренная чечевичная каша-размазня нам тоже казалась невероятно вкусной. «Вот кончится война, вместо гречи и пшена будем покупать чечевицу», — говорила мать. Видимо, тогда мы совсем позабыли вкус настоящей гречневой каши с молоком.

Уже было начало декабря — зима со своими злыми морозами, снегом, ледящим ветром заставляла все реже показываться на улицу, однако нужно было ходить в магазин и за водой, и эти походы были просто мучением. Однажды я нес свой бидон с водой, прошел по узкой тропинке, протоптанной по заснеженному тротуару, прошел дом №26, значит, уже почти дома; смотрю, навстречу, с трудом переставляя ноги, идет высокий мужчина в черном длинном зимнем пальто. Шея замотана серым шарфом поверх поднятого мехового воротника. Вдруг он как-то вяло взмахнул руками, видно, споткнувшись, мягко осел и плашмя лег прямо на тропинку. Поначалу он пытался встать, но это у него никак не получалось. Я подошел к нему вплотную, поставил на снег

свой бидон, дальше было не пройти — на тротуаре сплошные сугробы, вдоль стен домов залитые замерзшими нечистотами (через форточки люди их выливали прямо на улицу, чтобы не ходить лишний раз во двор). Мужчина, увидев меня, слабым голосом попросил: «Мальчик, помоги подняться». Я взял его за руку, и она показалась мне невероятно тяжелой, точно чугунной. Он понял, что я ему помочь не смогу, и попросил: «Сходи в дом №26, вот парадная рядом, на втором этаже квартира №13, скажи, что я упал и не могу встать». Что делать? Я оставил бидон рядом с мужчиной и пошел в дом №26. Постучался — никто не отвечает, но дверь не заперта. Вошел. Холодно, темно, тихо. Прошел немного по коридору, нащупал дверь, толкнул ее, вошел в комнату. У стены на кровати кто-то лежит, с головой накрывшись несколькими одеялами. Я потормошил лежащего; но попытка разбудить ни к чему не привела. Я приподнял одеяло, смотрю — лежит старушка, худая, серая кожа точно присохла к костям лица. Я потрогал ее пальцем, но она была совсем холодная — тут, на этой кровати, она тихо уснула вечным сном. В других комнатах я никого не нашел и тихонько, на цыпочках, точно боясь кого-то разбудить, вышел обратно на улицу. Мужчина все так же лежал на тропинке рядом с моим бидоном. Я боялся сообщить ему, что в его квартире никого живых нет, есть только та старушка на кровати. Наклонился, потрогал его за плечо: «Дяденька, я сходил в вашу квартиру...» — нерешитель-

ным тоном заговорил я, но осекся: мужчина совсем не реагировал на мои слова. «Что он, заснул что ли?» — подумал я и внимательно посмотрел на его лицо. Да, он «спал»: глаза были закрыты, лицо совершенно спокойное, он уже не дышал. Взяв свой тяжелый трехлитровый бидон с водой, я пошел домой — пора было разжигать самовар. Рассказал дома о случившемся, но, как оказалось, ничего необычного в этом происшествии не было. На улицах, особенно в переулках, где меньше людей, я не раз встречался с припорошенными снегом телами ленинградцев, не дошедших до дома.

Наконец наступил радостный день — 25 декабря, — когда объявили об увеличении норм хлеба. Теперь иждивенцам стали давать не 125 граммов на день, а целых 200. Да, это была большая радость для всех нас!

Конец декабря 1941 года. Блокадный голод все туже сжимает свою мертвую хватку. Мысли, которые еще определяют сознание, постоянно обращаются только вокруг двух вещей: как бы чего-нибудь поесть, чтобы совсем немножко, хоть ненадолго облегчить чувство тяжелого камня, который лежит там, где находится желудок, и который тянет вниз и лишает сил. Мне совсем не хочется ничего делать, потому что нет сил и стынут руки и ноги, хоть и надеты валенки. Вторая мысль — как бы согреться. Наконец-то вскипел самовар, можно попить кипятку (не чаю — его нет, как и сахара). А еще можно погреть руки об самовар, пока он

совсем не остынет. Днем кто-то постучал в дверь, открыли не сразу, потому что выходить в кухню очень не хотелось — там мороз, а в комнате топится «буржуйка». Оказалось, какая-то женщина из ЖАКТа принесла приглашенный талон на новогоднюю елку для меня и сказала, что на елке будут давать гостинец — пакетик с каким-то угощением. Где-то в глубине сознания возникла радость, но совсем не от того, что будет праздник с елкой, а потому что появилась надежда получить съедобный гостинец.

В назначенный день мне помогли одеться потеплее, и я потихоньку, как немощный старичок, направился на праздник. Мы жили на улице Рубинштейна, а Новогодняя елка была в школе на улице Маяковского. Это довольно далеко от нашего дома, но желание получить подарок прибавляло сил, и я шел, старался не опоздать к началу праздника. Наконец добрался до улицы, где была школа, еще раз посмотрел на приглашенный билет, убедился, что номер дома совпадает с тем, что указан на билете, поднялся по лестнице из вестибюля, открыл дверь и вошел в актовый зал, посередине которого стояла большущая — до самого потолка — очень нарядная елка. Она была щедро украшена блестящими игрушками и разноцветными гирляндами, но лампочки на ней не горели, потому что электричества в ту пору не было. Зал был полон ребят, все одеты в пальто и зимние шапки, многие девчонки еще и в теплых платках. В помещении было довольно холодно — изо рта шел

пар, несмотря на то, что всюду топились несколько «буржоек». Их жестяные трубы были выведены на улицу прямо через форточки в окнах, но дым почему-то уходил плохо и в зале с елкой было до того дымно, что щипало глаза. Какие-то девушки-комсомолки пытались организовать из ребятишек хоровод вокруг елки, но эта затея никак не получалась, было совсем невесело, хотя какой-то мужчина и играл на аккордеоне. Как и у меня, у всех на уме было одно — скорее бы получить новогодний подарок, и у каждого из нас в руке был зажат драгоценный приглашенный билет, в обмен на который мы должны были получить то, ради чего и пришли на елку. Постояв с полчаса и посмотрев на красивую елку, я заметил, что многие уже уходят в боковую дверь. Пошел и я. Пройдя по коридору, я заметил длинную очередь, медленно продвигающуюся к окошку в двери, из которого выдавали подарки.

И вот у меня в руках драгоценный пакетик из жесткой серой бумаги, в нем что-то есть. Многие, получив свой подарок и сделав несколько шагов, поспешно разворачивают пакет и что-то пихают в рот. Я решил донести свой до дома, поэтому глубоко засунул его за пазуху.

Удивительное дело — прошло уже 63 года с тех пор, как я встречал блокадный Новый год, а память во всех подробностях хранит все то, что я видел и чувствовал. Придя домой, я вытащил из-за пазухи спрятанный пакетик, снял шапку, пальто и стал разворачивать подарок.

Все, кто были в комнате, с интересом, молча, наблюдали, что я делаю. В пакетишке лежало два твердых, как камушки, небольших, наверное, еще прошлогодних пряника, две конфетки — «соевые батончики», три печеньки «Мария» и небольшой, со спичечную коробку, кусок темного, почти черного шоколада. Этот подарок был несметно щедрым богатством! Даже сейчас, спустя столько лет, вспоминая это, не могу спокойно писать — наворачиваются слезы, и я почти не вижу строк. Я выложил все это на стол и ска-

зал: «Это все для нас!» Но мама сказала: «Ты самый слабый из нас. Спасибо тебе за угощение! Но мы только попробуем, а тебе — все остальное». Кусочек шоколада был совсем не сладкий, он был без сахара, и мне пришлось разламывать его на мелкие кусочки с помощью кухонного ножа и молотка. Я ел его по крошечке несколько дней.

Трудно вспоминать, писать и читать о том, что было. Но память не желает предавать это забвению. Все это действительно было, и упаси Бог, дорогие потом-

Блокада. Медный всадник. Василина Батулина, 11 лет, ГБОУСОШ №89

ки, чтобы такое когда-либо повторилось с вами.

Как-то вечером мы, домочадцы, коротали время, сидя у горячей печурки. Тусклый огонек коптилки скупо освещал наше убогое жилище. Из кухни послышалось царапанье по двери и слабое мяуканье Барсика. Я подошел к двери, впустил нашего пушистого любимца, правда, от этого любимца осталась, образно говоря, только тень, а когда он шел, ясно слышались дробные постукивания его исхудавших лапок. С молчаливого согласия присутствующих, я подошел к шкафу, достал краюшку хлеба и отщипнул небольшой кусочек для Барсика. Он, точно поняв мое намерение, попытался встать на задние лапки, но у него не получилось. Я встал на колени, раскрошил кусочек хлеба и протянул ему на ладони. После этого я взял его на руки и присел на скамеечку возле печурки. В открытой дверке весело играли огоньки пламени, и от них струился, хоть и слабенький, поток тепла. Ощущая тепло и мою ласку, Барсик сначала умиротворенно тихо мурлыкал, печально глядя на пламя, но вдруг замолчал и вздрогнул всем телом, точно внутри у него что-то оборвалось. Затем он протяжно, жалобно закричал, содрогаясь всем своим маленьким тельцем. Я вскочил и сразу же положил его на кровать. Наверное, ни один композитор в мире не сможет выразить в звуках то, что привелось услышать нам: боль, отчаяние, страстное желание жить, мольбу, точно вопль о помощи: «Вы же такие

могущественные! Неужели вы позволите мне вот так в эту минуту умереть?!» Так длилось несколько минут. Мы скорбно сгрудились вокруг так трагически умирающего нашего Барсика, понимая, что помочь ему невозможно. Слезы ручьями капились из глаз. Казалось, переполнилась чаша нашего смиренного терпения. Мы видели, как силы Барсика покидают его, голос его становился все тише и тише и, наконец, смолк совсем. Накал этих трагических минут был так велик, что я всю свою жизнь не могу спокойно вспоминать об этом; так и слышу его прощальные крики, будто это произошло совсем недавно, и, вспоминая, я вновь переживаю это печальное событие.

Постоянный голод и холод делали свое дело. Насколько я исхудал, мне, да и другим, наверное, было незаметно, так как на мне было огромное количество одежды, чтобы было хоть чуточку теплее, а раздеваться казалось невыносимым. Я по много часов лежал на кровати, укутавшись в одеяла, и поднимался только, чтобы что-нибудь поесть, даже за водой стал ходить не каждый день.

Праздником было, когда раз или два в неделю с завода приходил отец. Он всегда приносил в бидончике что-либо съедобное. Как же мы его ждали! А время, как назло, тянулось так медленно, даже воздушные тревоги и артобстрелы не внесли никакого разнообразия — мы давно к ним привыкли, и ни в какие бомбоубежища уже не пряталась, потому что считали, будь что будет... Ведь и в бомбо-

убежищах под разрушенными домами сотнями гибли люди. Бывало, что проходило дней десять, пока, разбирая завалы, добирались до подвала, а нередко обнаруживалось, что он затоплен водой и нечистотами.

Однажды, это было уже где-то в конце декабря, отец, придя домой, сообщил радостную весть: на заводе скомплектовали группу сотрудников из 47-ми человек, включая и их семьи, подлежащую эвакуации. В эту группу была включена и наша семья, а отца назначили старшим группы. Эвакуация планировалась по Дороге жизни — по льду Ладожского озера. Отъезд назначили на 1 февраля. Окрыленные надеждой на скорое избавление от блокады, мать и сестра быстро собрали еще с осени упакованные вещи, пришли бирки с данными, кому вещи принадлежат, и стали ждать машину. Через пару дней приехала директорская машина «ЗИС-101», в ней был главный инженер завода, он взял наши вещи, а мы в машину не поместились, но нас заверили, что завтра утром за нами приедет эта же машина и отвезет нас на завод, там мы погрузимся на отремонтированный грузовик и двинемся к Дороге жизни. Мы прождали обещанный «ЗИС» два дня. Так и не дождавшись, оделась потеплее и решили идти на завод пешком.

Из дома мы вышли налегке — вещи-то наши были увезены заранее. Было морозное ясное утро, мы шли неспеша, экономя силы. Я оглядывался по сторонам — кругом сугробы снега, на Невском в снегу

стоят замершие, с выбитыми стеклами, трамваи, народу — никого, только изредка кое-где бредет куда-то человек. Город точно вымер. Стены домов искрятся от белого инея, сквозь который просвечивает окраска стен — вот дом розовый, вот светло-салатного цвета, во многих домах выбиты стекла...

Дошли до нынешнего здания агентства Аэрофлота на Невском, рядом с ним угол дома разрушен до основания — как на сцене, видны комнаты всех пяти этажей в уцелевшей части здания. Вот и площадь Урицкого (теперь она снова зовется Дворцовой). Прошли мимо Адмиралтейства, и, наконец, мы на самой середине Дворцового моста. Я попросил остановиться — устал. Взглянул вокруг и подумал: «Может быть, в последний раз вижу свой город». Справа, вдоль набережной Невы, седой от инея розовый Зимний дворец — до войны он почему-то был выкрашен в красно-кирпичный цвет, только колонны оставались белыми. Вдоль другого берега, примыкая к Васильевскому острову, вмерзшие в лед серые военные корабли — они своей артиллерией очень досаждали фашистским стервятникам, потому что очень метко стреляли; да и немецким позициям под Ленинградом, как рассказывали наши фронтовики, морские артиллеристы тоже «подсыпали перцу».

Постояв молча на мосту, мы двинулись дальше. Выйдя на стрелку Васильевского острова, мы свернули в переулок возле бывшей Биржи (теперь это Военно-морской музей) — отец сказал: «Так бли-

же идти». Мы чуть не утонули в сугробах. Никто, конечно, снег не убирал, и даже тропинки были сильно занесены недавним снегопадом. В этом переулке я увидел почти занесенные снегом два мертвых тела, над которыми надругался какой-то злодей — вырезал куски тела из их ног. Мать тоже увидела это и сказала: «Не смотри туда, наверное, голодные собаки поработали». «Но откуда тут собаки? — подумал я. — Их, наверное, давно уже съели».

В это время я плохо знал планировку Васильевского острова, поэтому не помню, по каким улицам мы добирались до авторемонтного завода, однако отец хорошо знал, куда нам идти, и, наконец, мы дошли до намеченной цели. Это было 3 февраля.

Мы расположились в какой-то канцелярии в деревянном одноэтажном доме. В большой комнате топилась круглая черная печь, было тепло. За столами сидели, наверное, сотрудники, что-то писали, шелестели бумагами. Прямо на полу расположилось несколько человек, одетых в ватники и ватные же брюки, наверное, пришли погреться и передохнуть от какой-нибудь работы на улице. Лица их были изможденными, темно-серыми, как и у всех. Один алюминиевой ложкой выскребал закопченный солдатский котелок.

Отец, забрав наши продовольственные карточки, пошел узнавать, где наши, увезенные на днях вещи и где его группа, ведь он на всех получил питательные талоны на две недели. Вскоре отец появился

и сообщил тревожную весть — вся группа, без нас, на отремонтированных машинах, вчера, захватив наши вещи, выехала к Дороге жизни в Ваганово на блокадном берегу Ладожского озера. Таким образом, мы на неопределенное время застряли в Ленинграде. К вечеру выяснилось, что еще две отремонтированные полуторки сегодня будут отправлены на Дорогу жизни, правда, они не оборудованы фанерными фургонами для перевозки людей. Посовещались и все же решили ехать. Правда, имелось еще одно тревожное обстоятельство: первая полуторка уже была загружена и должна была на буксире тащить незаправленную, с нами. Дело шло уже к вечеру, наконец, нам показали ту машину, на которой нам суждено было добираться до берега Ладожского озера, до Ваганово. К вечеру еще более похолодало. Отец достал где-то два больших листа фанеры и установил их в кузове за кабиной, чтобы хоть встречный ветер не так бил по нам. Мы уселись прямо на пол кузова, плотно прижавшись друг к другу, и поехали.

Через некоторое время мы оказались уже за городом. Совсем стемнело. Машины катились по заснеженной наезженной узкой дороге, ветер хлестал по лицу. Лист фанеры за кабиной почти не спасал от ледящего ветра. По бокам дороги высились высокие сугробы от постоянной расчистки снегоуборочной машиной, так что на многих участках машины могли двигаться только в одну сторону. Мы очень боялись, как бы не заснуть на морозе, поэтому все время тормозили друг друга

и пытались разговаривать, но вдруг заметили, что наша машина едет все медленнее и наконец остановилась совсем. Я вскочил, перегнулся через лист фанеры и далеко впереди разглядел удаляющийся красный огонек нашего буксировщика. Старый трос оборвался, а шофер первой машины этого даже не заметил. Вскоре красный огонек совсем пропал в ночной мгле. «Что делать? Неужели это конец? Пешком-то километров 15-20 нам не одолеть», — наверное, так думал каждый из нас...

Вдруг в ночной тиши послышался шум мотора. Я снова посмотрел вперед и от радости чуть не закричал — я опять увидел красный огонек: машина возвращалась к нам задним ходом — развернуться на узкой дороге было совершенно невозможно. Если бы шофер не вернулся за нами, его обязательно расстреляли бы без суда и следствия — так суровы были законы военного времени, и шофер, конечно, это понимал.

Была уже глубокая ночь 5 февраля, когда мы прибыли в Ваганово. Здесь стояла воинская часть, повсюду были вырыты землянки. Та, в которой оказались мы, была довольно большой, вдоль стен тянулись двухэтажные нары, на которых, не раздеваясь, спали солдаты. Посреди землянки топилась круглая чугунная печурка, верх ее слабо светился красноватым светом, было душно и жарко. С потолка капало прямо на голову — видно, крыша землянки была совсем не толстая, пропускала тепло и снег снаружи таял. В дальнем углу рядом с пирамидой винтовок

стоял на козлах грубо сколоченный стол, на нем — керосиновый фонарь «летучая мышь» с закопченным стеклом. За столом сидел пожилой красноармеец, на рукаве у него была красная повязка. Я решил, что это, должно быть, дневальный, ему спать не положено. Он что-то писал, возможно, письмо.

Отец взял с собой кастрюлю и пошел поискать что-нибудь поесть. Через полчаса он принес целую кастрюлю холодной гречневой каши, смачно сдобренной свиной тушенкой. Мы не верили своим глазам, что такое возможно. Мать поставила кастрюлю с кашей на печурку, и мы уже предвкушали настоящий пир. Дневальный, увидев, что отец принес из полевой кухни целую кастрюлю каши, отложил свое писание и, обращаясь к нам, строго заметил: «Много каши-то не ешьте, не то хоронить вас придется, желудки-то у вас стали совсем тонкие и слабые, разорвутся — и конец. На прошлой неделе не доглядели, так двух вот таких, как вы, и похоронили. Поняли? Немного поешьте, а остальное оставьте. Тут не пропадет, мы тоже едим не досыта».

Сказано все это было по-простому, но честно и откровенно. Потом мы не раз с благодарностью вспоминали это душевное предупреждение пожилого солдата. Мы немного поели аппетитной каши, наслаждаясь ее восхитительным вкусом, который мы уже почти успели забыть, но, помня строгие слова солдата-дневального, остановились, хотя чувство голода до конца и не утолили.

В одной из землянок нашлись и наши вещи, привезенные пару дней тому назад. Мы не досчитались только одного большого чемодана, о чем больше всего горевала и сокрушалась мать — в этот чемодан были уложены самые лучшие наши вещи. Возможно, от чемодана по дороге оторвалась бирка с нашим адресом, и он был ошибочно захвачен группой сотрудников, которые только вчера уехали на Большую землю. В Ваганово мы задерживаться не стали, потому что движение по льду Ладожского озера всего безопаснее было в ночное время. Днем машины тоже шли по ледовой трассе, но часто прилетали самолеты, бомбили дорогу и расстреливали машины, да и с захваченного немцами берега днем здорово стреляли, поэтому командование старалось машины с ленинградцами на Большую землю отправлять в ночное время. На этот раз нам предоставили грузовик, оборудованный фанерным фургоном с маленькими незастекленными окошечками по бокам и дверцей в задней стенке. Эту машину мы сочли за комфортабельное средство передвижения. Погрузили в нее свои вещи и с помощью солдат влезли в фургон. Перед самым выездом на лед шофер очень серьезно предупредил нас, чтобы мы внимательно прислушивались к работе мотора, особенно когда машина на максимальной скорости пойдет по голому, незаснеженному, черному льду. Если мотор начнет «чихать», глохнуть и машина станет терять скорость, следовало, не задумываясь, не дожидаясь, когда она оста-

новится, на ходу выпрыгивать на лед, потому что остановившаяся машина обязательно его продавит и затонет, и если кто не покинет ее заранее — погибнет.

Итак, мы уже едем по льду, дорога покрыта снегом, укатана, машины идут цепочками друг за другом с включенными фарами. По льду проложено несколько трасс, по ним движется несколько сотен машин одновременно. В одном месте я заметил drobные вспышки желтого пламени; видно, с берега стреляли из скорострельной пушки, но где рвалась снаряды, видно не было. В открытую дверь нашего фургона отчетливо виднелась убегающая назад, накатанная, заснеженная, белая дорога, освещенная фарами идущей за нами машины. Через некоторое время мы заметили, что расстояния между машинами стали увеличиваться, и почувствовали, что наша машина стала резко набирать скорость — мотор запел на непривычно высоких тонах, дорога исчезла — слева, справа, кругом был черный, гладкий, как стекло, лед. Машина с нами неслась над черной глубиной озера, страшновато покачиваясь из стороны в сторону, лед сухо потрескивал, прогибаясь под колесами машины. Полоса голого черного льда была метров триста. К счастью, мы благополучно проскочили этот коварный участок и, проехав еще немного, оказались на берегу. Светало, и мы были уже на Большой земле.

Мы были бесконечно счастливы! Наконец-то мы на свободе, а голод и неизбежная смерть нам уже не угрожают!

То, что мы уже не в блокаде, не умещалось в сознании. Мы решили здесь, в Жихареве, передохнуть денек, а на завтра с утра разузнать, где наш спасительный поезд и куда он нас повезет. По дороге к питательному пункту мы повстречали несколько таких же, как мы, ленинградцев, уже получивших что-то съедобное, они подсказали нам, куда идти.

Вместо хлеба по питательным талонам выдали ароматные, присыпанные солью черные сухари. Такие сухари выдавали и солдатам — носить легче и не заплесневеют (только этого случиться и не могло — питание-то было впроголодь). Отец получил сухари на целую группу — получила почти полная наволочка от подушки. Я хотел попросить хоть один сухарик, но сдержался, решил, что со щами будет вкуснее.

Наконец мы пришли к своему временному пристанищу. Мать и сестра уже выгребли из комнаты снег, насыпавшийся из разбитого окна, и безуспешно пытались растопить печку. Они достали где-то хвороста и соломы, но настывшая печь упорно не желала впускать в свое чрево огонь, к тому же и спички почти кончились. Мы с аппетитом поели щей и каши, еще не успевших окончательно остыть, и стали ломать головы, как переночевать в таком неприветливом холодном доме. Короткий зимний день кончился, смеркалось. Отец пошел искать каких-либо дров, чтобы все же истопить печку. Вскоре совсем стемнело. Мать зажгла прихваченную из Питера блокадную коптилку; и в это время в ком-

нату решительно и шумно прямо-таки ввалился комендант.

— Немедленно на посадку в эшелон, — приказным, не допускающим возражений тоном изрек он и стал вытаскивать наши вещи на улицу.

Мать схватила его за рукав:

— Что вы делаете? Там же мест нет, муж уже был там, смотрел...

— Ничего не знаю. Сегодня вы должны уехать! — и, не обращая внимания на наши протесты, он вытащил все наши узлы и чемоданы прямо на улицу и запер комнату, где мы только что были. Нам казалось, комендант груб и даже жесток, так бесцеремонно обращаясь с нами, но противостоять ему мы не могли.

— Сейчас прибудет новая группа эвакуированных — мне их негде размещать, — оправдывался комендант.

Как назло, отца рядом не было. Комендант сделал свое недоброе дело и был таков, а мы в растерянности сидим на своих узлах и не знаем, что делать. Наконец является отец, волоча какой-то сломанный ящик:

— Что случилось, почему вы на улице?

— Комендант гонит на посадку в эшелон...

— Да он же уже забит до отказа! — восклицает отец.

Но делать нечего, видно, придется все же идти на станцию и нужно найти кого-нибудь, кто отвез бы наши вещи к эшелону. Долго искать не пришлось: сухощавый, высокий, но довольно крепкий старичок с большими санками, видно, нас уже за-

приметил и с готовностью предложил свои услуги за сногшибательную цену — 700 рублей. По тем временам это была астрономическая сумма, даже килограмм хлеба стоил всего рубль десять.

Быстро и ловко уложив наши пожитки на салазки, старичок поднатужился и довольно бодро зашагал, таща санки, на станцию. На путях стоял длинный-предлинный состав из больших коричневых пульмановских товарных вагонов. Уже стемнело, и вдоль состава стояло несколько грузовиков с включенными фарами — они освещали эшелон. В голове состава находилось два полувагона, над их бортами были видны сотни стабилизаторов авиабомб — окруженный город изготавливал бомбы для нашей армии, сражающейся с фашистами. Двери всех вагонов были наглухо закрыты. Мы стучались, пытались отодвинуть двери, но они, видимо, были заперты изнутри, и никто не желал впускать нас в до предела заполненное пространство вагона, изнутри даже не донеслось ни единого голоса на наши жалобные просьбы. Так прошли мы вдоль почти всего состава, пытаясь проникнуть в какой-нибудь вагон, но все безрезультатно. Наконец встретился вагон с незакрытой дверью, она примерзла к полозьям, а полностью обессиленные люди не могли ее задвинуть. Сквозь темный дверной проем в призрачном свете автомобильных фар мы увидели неподвижные фигуры людей, с головой закутанных в одежды. Они сидели на своих пожитках, тесно прижавшись друг к другу, и,

казалось, совсем не реагировали на наше появление.

— Вот тут я вас и посажу, — решительно заявил старик.

Он развязал наши вещи, горкой уложенные на санках, и с удивительной легкостью стал забрасывать их прямо на головы сидящих в вагоне людей. Послышались тихие, жалобные не то крики, не то стоны, но дед уверенно продолжал свое дело. Санки опустели, настала наша очередь. Все произошло стремительно и неотвратимо. Вероятно, дед таким образом посадил в поезд не один десяток людей, так как все у него получалось легко и очень ловко. Не успел я и глазом моргнуть, как почувствовал, что сильные руки деда оторвали меня от земли. После недолгого полета я оказался уже в вагоне где-то между сидящими людьми. Посадка совершилась в течение двух-трех минут, после чего дед достал из-за пояса то ли топорик, то ли молоток, ловко сколол лед с полозьев двери и довольно легко ее задвинул, дабы никого не вытолкнули на улицу.

Дверь закрылась, стало совсем темно. Кто-то стал чиркать спичками. Наконец, удалось зажечь небольшую керосиновую лампу с разбитым стеклом. Осмотрелись — народу в вагоне битком, ни одного свободного уголка, только в торце длинного вагона пустые нары, покрытые толстым слоем белого искрящегося инея, да и все стены и потолок оказались в белом инее. Видимо, люди сидели в вагоне уже не один час, и промерзшие стены за-

индевели от их дыхания. При зыбком свете коптящего огонька мы стали потихонечку располагаться, полагая, что больше никто народонаселения вагона не пополнит. Часть чьих-то вещей расположили на нарах, да и меня подняли на верхнюю полку, дали мне большой кухонный нож, и отец велел сгребать иней до самых досок в угол, чем я и занялся. Наконец после тяжелого, но необходимого занятия я улегся на очищенные доски нар и решил отдохнуть. Вдруг вижу — мать подает мне целую наволочку со ржаными сухарями: «Положи на полку, тут некуда положить, а там сохраннее будет». Хоть голод уже и не мучил меня как прежде, но сухари так аппетитно пахли, что я решил съесть один. До сих пор помнится мне тот аромат армейского, чуть присыпанного крупной солью сухаря!.. Однако, за первым сухарем последовал второй, затем третий... и вдруг я почувствовал резкую тупую боль в животе — перед глазами сразу же встало застывшее синеватое лицо увиденного мной недавно курсанта, погибшего таким же образом. Он лежал на снегу в синей парадной шинели с золотыми пуговицами. Ужас охватил меня! Трясущимися руками я пытался расстегнуть пуговицы и ремень брюк, но пальцы почему-то не слушались, я схватил нож и стал резать все, что стягивало мой живот. Наконец боль стихла. Обессиленный, я лежал и думал, что еще минута — и для меня все было бы кончено...

Время шло, а эшелон все стоял на станции, и никто не знал, когда мы нако-

нец тронемся в путь. Как потом выяснилось, мы ждали, когда к составу прицепят две платформы с зенитными пулеметами и пушкой — на случай отражения налета фашистских стервятников. Оказывается, эшелон, ушедший из Жихарева за несколько дней до нашего, где-то на перегоне, недалеко от станции Буй, разбомбили вдребезги — в нем тоже везли авиабомбы. По счастливой для нас случайности, мы не оказались в том эшелоне, но группа эвакуированных от авторемонтного завода, в которой мы числились, погибла полностью.

Наконец, волнения и протесты по поводу нашего, такого необычного, вселения в вагон улеглись, люди возле горячей буржуйки почти оттаяли, приободрились, а спустя еще часа два, уже ближе к полуночи, все мы почувствовали толчок и услышали перезвон автосцепок вагонов, видно, к составу прицепили паровоз. Через некоторое время мы, наконец, поехали. С каждой минутой мы все дальше удалялись от блокадного Ленинграда. Начался новый этап нашей эвакуации, теперь уже по железной дороге.

Наша железнодорожная эпопея длилась тринадцать долгих дней и ночей. Движение чередовалось с порою долгими стоянками в Волховстрое, Тихвине, Череповце, Вологде, Данилове, Ярославле, особенно долго простояли в Нерехте — пропускали воинские эшелоны. И вот, наконец, ночью 14 февраля поезд встал на станции старинного волжского города Костромы. Долго стояли, никто еще не

знал, что наши дорожные мытарства в товарном вагоне закончились.

Чьи-то сильные руки снаружи резко, с грохотом сдвинули правую и левую двери, в вагон ворвался поток морозного воздуха. На улице стояли люди с горящими фонарями. Двое довольно ловко поднялись в вагон и объявили, что сейчас составят списки тех, кто доехал до Костромы. И мы, наконец, узнали, где закончилось наше долгое «путешествие» по просторам Большой земли — так мы, ленинградцы, называли территорию за пределами блокады.

Вошедшие быстро и четко составили два списка: один — тех, кто находился в левой половине вагона, другой — кто в правой. Раздали всем фанерные бирки с привязанными веревочками, мы написали на бирках свои фамилии и номера по списку. Вещи с привязанными к ним фанерками велели сложить на землю возле вагона и заверили, что ничто не пропадет и все будет доставлено в то общежитие, где нас будут в течение месяца постепенно возвращать к нормальной жизни. Наша семья оказалась записанной в число постояльцев общежития общества «Осоавиахим». В вагоне по спискам оказалось 68 человек, а в том списке, что был составлен еще в Жихарева, числилось 96. За время пути до Костромы не было почти ни одной остановки, где из вагона не выносили бы два-три тела бывших ленинградцев, не доживших до долгожданной свободы. Наконец, взявшись за руки, мы выстроились по списку в длинную

очередь. Встречающий с фонарем в руках еще раз проверил, не потерялся ли кто-нибудь, и повел нас к темневшему недалеке зданию вокзала. Внутри вокзала тускло горел свет, было тепло и очень душно. Зал ожидания был битком набит людьми, вповалку спящими на жестких станционных диванах, своих мешках и узлах. Нашу «живую очередь» медленно провели сквозь спящий зал и вывели на привокзальную площадь. Поначалу мы даже не догадывались, куда и зачем нас так, «гуськом», ведут, но теперь сразу поняли — на площади с включенными фарами стояло несколько новеньких автобусов — в Ленинграде такие появились перед самой войной. Наша «компания» до отказа заполнила автобус, и мы поехали.

С благодарностью вспоминается та забота о нас, которую проявили костромичи. Койки в общежитии были заправлены чистым свежим бельем, было тепло, на каждой кровати лежало теплое шерстяное одеяло. Нас предупредили, что утром, по сигналу «Подъем», нужно быстро собраться, чтобы организованно, всей группой идти на завтрак в столовую.

Первое наше утро в Костроме выдалось ясным, с легким морозцем, под ногами похрустывал выпавший ночью снежок. Мы в приподнятом настроении медленно шли за нашим провожающим в столовую. Каждый надеялся сытно и вкусно позавтракать, а потом до обеда побродить по городу, познакомиться с ним. Идя на завтрак, мы заметили, что встречающиеся по пути местные жители, увидев стайку

изможденных людей, сразу догадывались — это ленинградские блокадники. Они останавливались и с сочувствием и жалостью молча провожали нас взглядами. Как же велико было наше разочарование, когда в столовой на застланных чистыми скатертями столах мы увидели всего лишь чайные блюдечки с жидкой манной кашей, по стакану сладкого чая и большому ломтику серого хлеба с «пятячком» сливочного масла. «Что за издевательство? — думали мы. — Ведь только аппетит разгорится от такого «обильного» завтрака!» Но работник столовой, женщина в белом халате, возможно, доктор, очень серьезно предупредила нас, что ни в коем случае не следует самовольно покупать на базаре что-либо съедобное и есть, организм не сможет справиться с такой нагрузкой и все может закончиться очень печально. Однако, несмотря на столь серьезное предупреждение, большинство из нас прямо из столовой отправились искать местный рынок. Мы тоже не были исключением, но, понимая всю опасность нашей самодеятельности, старались есть купленные творог, костромской домашний сыр и ряженку очень понемногу и не слишком часто.

Зная, где находится наша столовая, мы теперь уже не гурьбой с провожаемым, а самостоятельно старались прийти к назначенному часу на завтрак, обед или ужин. Жизнь в общежитии быстро вошла в привычное русло. Все перезнакомились, но обменяться адресами возможности не было, так как примерно через месяц все

мы должны были покинуть гостеприимную Кострому и разлететься по разным уголкам России — кто на Урал, кто в Поволжье, а кто и в южные республики.

У многих обитателей нашего общежития из-за самовольного нарушения режима питания возникли серьезные сбои процесса пищеварения — началась прогрессивная дистрофическая диарея. Не избежал этого и я. Изнуряющий недуг особенно досаждал в ночное время. По несколько раз за ночь приходилось, не успев порой даже одеться, бежать со второго этажа на первый в холодный загаженный туалет. В результате я сильно простудился, поднялась температура, я вконец обесилел, и 28 февраля меня на санитарной машине отвезли в военный госпиталь.

В приемном отделении медсестра раздела меня и поставила на весы. К ее удивлению, я весил всего 28 килограммов при росте более 160 сантиметров. Этот вес я запомнил, потому что он совпал с годом моего рождения — 1928-м. Потом она взяла меня на руки — идти я уже не мог — и отнесла в ванную. Помню, как она осторожно опустила меня в ванну, наполненную приятной теплой водой. С этого момента я впал в кому, и что было в последующие восемь дней, совершенно не помню. Родители мои были очень встревожены и постоянно дежурили в госпитале в те дни, а позже вспоминали, что военные врачи очень старались сохранить мне жизнь.

Следующий эпизод, который я помню: отец и мама под руки ведут меня из

госпиталя в общежитие. К этому моменту все из нашей группы уже разъехались, месячный срок пребывания закончился, но нашей семье разрешили задержаться еще на несколько дней, чтобы я смог полностью окрепнуть после тяжелой болезни.

Наконец настал день нашего отъезда из Костромы — 13 марта 1942 года. В каком городе Поволжья нам осесть, мы даже не представляли. К тому же наше путешествие в пригородных поездах началось с большими трудностями. В то время шло «великое переселение народов»: все вокзалы и поезда были до предела забиты куда-то стремящимися, как и мы, людьми. Пригородные поезда ходили очень нерегулярно, «зеленая улица» предоставлялась только воинским эшелонам, а для остальных — как получится. Приходилось делать много трудных пересадок с одного поезда на другой. Один раз пришлось часа три ехать на откидном фартуке над сцепкой между вагонами. Пять человек стояли на фартуке над звякающими буферами, крепко вцепившись друг в друга, чтобы не упасть под колеса. Помню, что приходилось по два-три дня пытаться сесть в проходящий поезд. Особо трудными были пересадки в Нерехте, Иванове, Муроме и Арзамасе. А всего нам пришлось сделать семь пересадок.

Наконец, 30 марта мы остановились в Саранске — столице Мордовской республики. Дальше ехать было невозможно — полностью выбились из сил. К тому же какой-то общительный и словоохот-

ливый старичок-попутчик очень расхвалил здешние места, мол, чернозем тут, как на Украине, да и колхозы на селе богатые, народ живет хорошо. Решили дальше не странствовать, а остановиться тут, в Мордовии, где было много больших старинных русских сел. Поначалу отец пытался найти какую-нибудь подходящую работу в самом Саранске, чтобы здесь и осесть на проживание, пока не закончится война. Но поиски подходящей работы в течение недели успехом не увенчались — у отца не было никакой производственной специальности и даже технического образования, он был обычным административным работником среднего уровня, а желаемые административные должности были надежно «забронированы», клерки цепко за них держались, а следовательно, вакантных должностей и быть не могло.

Кто-то посоветовал отцу обратиться в горком или обком партии, ведь он же был членом ВКП(б) с приличным стажем. Так он и поступил. Отцу сразу же предложили занять должность начальника отдела снабжения на местном спиртзаводе, на что мать категорически не согласилась. Тогда ему предложили другой вариант, и уже на следующий день он имел на руках назначение на должность заместителя начальника Райпотребсоюза в районном центре Большие Березники. Наконец-то состояние нашей неопределенности закончилось!

В тот же день мы отправились к месту назначения. До Больших Березников

было 60 километров, но рейсовые автобусы не ходили, пришлось ехать поездом до станции Чамзинка, а дальше, еще километров десять, на обычной телеге с «конной тягой».

Пришла весна, стояли ясные солнечные дни. Воздух был еще прохладен, но солнце уже заметно припекало. В лощинах и кое-где на полях еще лежали остатки набухшего, синеватого снега, а в некоторых местах дорога стала почти непроходимой — мокрый чернозем комьями прилипал к сапогам. Во многих местах дорогу пересекали веселые ручейки от бурно таявшего снега. Лошадь с трудом вытягивала телегу с нашими пожитками. Я, еще не вполне окрепший после болезни, с сестрой и матерью также сидел на телеге и с интересом обозревал постоянно сменяющиеся живописные пейзажи окрестностей, чем-то напоминавших полотна Шишкина и Левитана. Тут природа была совсем не такой, как в нашей Ленинградской области. Вместо привычных заболоченных, хмурых и темных лесов — светлые, прямо как в парке, заросли высоких лип, растущих отдельными густыми куртинами, живописные сосновые боры с золотящимися стволами сосен, с широко раскинутыми ветвями, обрамленными сочной зеленой хвоей. Поля сменялись рощами смешанного леса, тут и там белели стволы стройных берез, еще не одетые молодой листвою клены, тополя, заросли густого кустарника. На деревьях во многих местах сидели уже прилетевшие с далекого юга грачи. На полях, где

местами уже полностью сошел снег, тоже было много птиц, они усердно добывали себе пищу.

Наконец мы приехали. Выгрузили вещи прямо около конторы Райпотребсоюза, где отцу предстояло работать. Село было большим. В центре даже имелось несколько старинных двухэтажных белокаменных зданий, однако гостиницы не было, а поиск жилья оказался сложной задачей. Село было прямо-таки оккупировано беженцами с Украины, в основном, как мы потом узнали, бежавших из городов Сумы и Бердичев незадолго до прихода немцев. Все более или менее приличные дома и пустующие «квартиры» были уже заняты. Наконец отцу все же удалось найти незаселенную половину дома. Это была «пятистенка» — как бы две избы под одной крышей. Одна половина была полностью обжитой, а вторая, смежная, — недостроенной и нежилой, потому что хозяин не успел ее закончить — был призван в армию. Плата оказалась приемлемой, и нам пришлось здесь поселиться.

Сени в этой половине дома были еще не построены, и крылечко сделано временное, на скорую руку, так что вход в «квартиру» был прямо с улицы, а «удобства» — на огороде, за плетнем. Но главное — в нашей половине имелись исправная русская печь и «голландка» — небольшая печь для ежедневного протапливания. Стол, кровать, шкаф и стулья — все это было принадлежностью сдаваемой «квартиры». Переехав в нее,

мы, наконец, вздохнули с облегчением — наши мытарства закончились.

Отец легко освоился с новой работой, наше здоровье быстро пошло на поправку. К тому же для эвакуированных и беженцев от государства поступало определенное количество продовольствия: масло, консервы, сахар... Хлеб продавали по продовольственным карточкам — по 800 граммов на каждого. Хозяйка дома выделила нам кусок земли из ее приусадебного участка, отец вскопал землю и сделал четыре большие грядки, на которых мать посадила разные овощи, в том числе огурцы и тыкву. Здесь, вдали от фронта, война ощущалась только в том, что все мужчины, способные держать в руках оружие, были призваны в армию, остались только старики и дети, да еще тревожные сводки Совинформбюро не приносили радости: наша доблестная Красная Армия в тяжелых, кровопролитных боях, оставляя город за городом, уходила все дальше в глубь России.

16 мая 1942 года отец пошел рядовым на фронт, оставив нас самостоятельно преодолевать трудности военного времени. Три месяца он изучал «премудрости» солдатского дела: как окапываться, как стрелять из допотопной мосинской трехлинейки, как подниматься в атаку с винтовкой наперевес и наносить штыковые удары врагу, — а затем в составе сформированной в Ижевске воинской части уехал на Западный фронт.

Сестра Женя пошла работать в колхоз — зарабатывать трудовни, а я остался

дома помогать матери по хозяйству. Здоровье ее было сильно подорвано за время блокады, поэтому всякие «тяжелые» работы легли на мои плечи, ведь я в семье остался единственным мужчиной — мне тогда шел уже 14-й год.

В ту весну погода стояла теплая. Ночные заморозки прекратились, природа вокруг зазеленела листвой и травой, пробивавшейся тут и там. Протекавшая недалеко от дома небольшая речка буквально вздулась мутным потоком, сильное половодье вытолкнуло ее из привычных бе-

Голос Левитана.

Егор Мальцев, 13 лет, ГБОУСОШ №156

регов, и она стала заливать прибрежные огороды. Несколько кур-пеструшек и их важный петух деловито бродили по дороге недалеко от моста через речку и с удовольствием выклевывали из оттаявшей земли неполностью переваренные конскими желудками овсяные зерна. Одна тетюшка, видимо, хозяйка кур, видя, что вода разлившейся речки вплотную подступила к дороге и вот-вот прорвется бурным потоком поперек нее, поняла, что ее куры и петух окажутся на другом берегу этого потока, поэтому она, крича и размахивая руками, сгоняла кур на свой берег, но вода неглубоким и узким пока еще потоком уже встала на их пути. Куры с отчаянным кудахтаньем, хлопая крыльями, перескочили неширокую водную преграду, а петух, очевидно, не желая уронить свое петушиное достоинство, бегал вокруг кур, как бы воодушевляя их на героический перелет через быстрый поток. Однако, увлекшись, он упустил момент — поток стал шире — и, по-видимому, испугался, что не сможет его перелететь. Не надеясь на силу своих крыльев и оставшись в одиночестве, он все бегал и бегал, не зная, на что решиться. Наконец силь-

но разбежался, отчаянно, лихорадочно замахал крыльями и полетел, но не через довольно неширокий, но бурный поток, а через спокойную гладь воды, затопившую огород возле дороги. Летел он в метре над водой, но, преодолев примерно полпути, выдохся, стал терять высоту и, наконец, сел прямо на воду, но, к нашему удивлению, не утонул, а поплыл, наверное, отчаянно работая под водой ногами, так как шея и голова его часто-часто дергались взад-вперед, как при обычном птичьем беге. Он плыл и довольно проворно!

Вскоре его ноги достигли дна, он стал подниматься из воды, и тут все, кто видел эту трагикомическую картину, чуть не попадали от гомерического хохота. Куры, увидев мокрого петуха, врассыпную бросились от него прочь: они не признали его в этом чучеле. Нарядные прежде разноцветные перья, намокнув, плотно пристали к щуплому петушину тельцу, а ноги оказались такими несуразно длинными, точно из воды вылез маленький потешный страусенок. С тех пор я точно знаю, что в экстремальных условиях даже петухи умеют плавать.

Воспоминания о блокаде

БРЮС Леонид Васильевич

В начале мая 1941 года дом, в котором мы жили, был поставлен на капитальный ремонт. Он был деревянным, двухэтажным, с печным отоплением, туалетом на улице и колонкой во дворе. Намечалось заменить подгнившие венцы, полы, поставить туалеты в квартирах, подвести водопровод и центральное отопление. Эти работы планировалось закончить в сентябре-октябре 1941 года. Всем предоставили временное жилье. Так как все проживающие (семь квартир, в том числе шесть двухкомнатных и наша, шестикомнатная) имели сараи, то с собой взяли самое необходимое, остальное оставив в сараях. Маме и еще двум семьям предоставили жилье на углу улиц Минеральной и Арсенальной — говорили, что это бывшее «ритуальное» помещение. Рядом находилось заброшенное польское Успенское кладбище. Отгородились друг от друга ширмами, готовили на примусах, керосинках. Туалет и вода были во дворе, рядом — территория Финляндской железной дороги.

К лету 1941 года тетя выстроила новое помещение для скота. Согласно постановлению Горисполкома, оно долж-

но было быть удалено от жилого дома на определенное расстояние. В этом сарае она и думала прожить лето, две ее дочери с детьми получили жилье в разных районах города.

В начале июня стояла хорошая погода. Я закончил четвертый класс, сдал экзамены. Школа была новая, построенная в 1939 году на углу улиц Жукова и Александровской. Александровская улица проходила от Полюстровского проспекта до Невы (теперь ее нет). Напротив школы — огромный полуразрушенный собор. Улица Жукова от Александровской до Кондратьевского была вымощена булыжником, а до Вильмаstrandской (Феодосийской) — грунтовая. Сегодня улица Жукова продлена и по ней ходит трамвай, раньше он ходил по набережной Невы.

И вдруг — война!

Решением Ленгорисполкома детей младших классов стали эвакуировать. Наш четвертый класс вывезли на станцию Хвойная. От станции везли лесом на подводах, прибыли в деревню (название не помню), разместили в избах по пять-шесть человек. На следующий день мы стали знакомиться с местностью. Здесь я

впервые увидел поле колосащейся ржи, которое поначалу принял за большое озеро. От ветра рожь колыхалась, и мне казалось, что это волны. В деревне мы выполняли разные работы: вязали веники, работали в поле, ухаживали за скотом. Кругом было тихо и спокойно, и нам казалось, что никакой войны нет.

Но враг приближался к Ленинграду, беря его в кольцо. Мама боялась, что я могу оказаться в плену, и приняла решение приехать за мной. Добиралась она с трудом, а обратный путь был еще более долгим. Мама взяла меня и моего друга (у нее была уверенность, чтобы его отпустили с нами). Ехали в товарняках, попадали под обстрел (тогда поезд останавливался, все выбегали из него и прятались подальше от железной дороги). В конце августа прибыли в Ленинград. За время, что я отсутствовал, город заметно изменился. Было видно, что Ленинград готовится к обороне, к защите.

Памятники укрывались мешками с песком, а поверх мешков — досками. Окна первых этажей многих кирпичных зданий также закладывались мешками с песком. На многих улицах — противотанковые заграждения, ДЗОТы. Вот и на углу Полюстровского и Кондратьевского ДЗОТ. Прошло совсем немного времени с нашего возвращения, как город оказался в кольце. Блокада!..

Ввели карточки на продовольствие. Я пошел учиться в пятый класс. Все время находился у тети, так как школа рядом. В огороде за сараями дядя подготовил

землянку на случай бомбежек. Она довольно просторная, внутри обшита досками. Сверху — слой бревен и земли. Когда объявляли тревогу, мы все прятались в ней. Как-то при очередном обстреле во дворе трехэтажного дома в землянку попал снаряд, и от того, что я увидел после обстрела, мне стало страшно. Даже сейчас, спустя десятилетия, когда я проезжаю мимо этого места, увиденное встает перед глазами. После этого случая моим «убежищем» стали бетонные кольца, привезенные перед началом войны для канализации.

И вот — первый массированный налет вражеской авиации на город!.. Услышав взрывы, я посмотрел на небо и увидел летящую надо мной громаду фашистских самолетов. Как-то тихо они появились, а потом — сплошной шум. Затем над городом выросло громадное облако черного дыма — горели Бадаевские продовольственные склады. К вечеру налет повторился: всюду пожары, большие разрушения, повреждены водопроводная станция и несколько водопроводных линий.

На складе в этот день сгорело много муки, сахара. Позднее голодные ленинградцы выковыривали эту спекшуюся массу и после специальной обработки употребляли в пищу.

После 7 ноября была объявлена очередная тревога. Я в тот день был у тети. Мама с сестрой и соседями находились в бомбоубежище на улице Ватутина (Тимофеевская). В этот день для обстрела фашисты выбрали район Финляндско-

го вокзала. Видимо, знали, что отсюда отправлялись воинские подразделения, ополченцы на фронт. Пострадало и наше временное жилье. После этой бомбежки маме предоставили другое жилье. Когда она увидела, что это такое, — ужаснулась. Ее успокоили и сказали, что это «временно, недельки на две-три». Новое «жилье» было в двухстах метрах от бывшего нашего дома — это прачечная во дворе «Серовых домов» (так называли в округе четыре двухэтажных деревянных дома). В прачечной имелась плита с двумя котлами. Два больших корыта разобрали, чтобы поставить кровать. Для обогрева топчили плиту с водой в котлах, после этого «жилье» наполнялось паром. Такие прачечные были во всех дворах. Воду приходилось добывать из снега, так как колонка часто замерзала. Лишь в декабре маме дали комнату в «Серовых домах».

Я все время допоздна пропадал у тети, иногда у нее же и ночевал, хотя занятия в школе прекратились еще в ноябре. По вечерам из-за отсутствия освещения город погружался во тьму.

Запомнился день 4 ноября. В тот вечер я тоже был у тети. Воздушная тревога. Я забрался в свое убежище, смотрю в небо — оно освещено прожекторами, которые ищут фашистский самолет. Вижу, лучи многих прожекторов остановились на какой-то «точке». Самолет. К нему что-то приближалось, и я подумал, что это снаряд. На следующий день узнали, что это был наш летчик, который осуществил таран. Фашистский самолет упал

в Таврический сад, наш летчик Севастьянов приземлился на территорию завода имени Ленина.

В темное время во время бомбежек для ориентировки немецкие летчики выбрасывали из самолетов на парашютах осветительные ракеты. Еще им помогали шпионы, которые выпускали сигнальные ракеты, находясь около жизненно важных объектов.

Зимние дни были похожими: днем обстрел, вечером бомбежка, пожары, разрушения, смерть, постоянное чувство голода. Помню, мечтал: когда кончится война, буду есть горох, гречу. Казалось, вкуснее этого ничего не было в жизни. А самым приятным звуком в те дни был идущий от весящей на стене «тарелки» «Отбой воздушной тревоги».

В «Серовых домах» мы пережили страшную блокадную зиму 1941-1942 года. Квартиры были двухкомнатными, вход в них шел из общего коридора, тянувшегося во всю длину дома. Отопление было печным. Туалет — общим. Вода — в колонке во дворе. Одна комната в квартире была опечатана — люди эвакуировались. Топка печки находилась в той комнате. Обогреваться приходилось от плиты, которая была на кухне, где мы и находились большую часть времени. Зима была холодной. Чтобы согреться — жгли все: ломали сараи, заборы, мебель, книги. В ход шли и деревянные тротуары, правда, они были сыроваты. Спать ложились в верхней одежде. На головы — шапки. Сестренку укутывали еще и шерстяным

платком. Баня не работала, помыться возможности не было. Сестренку ухитрились мыть в тазу.

Мыла не было, одолевали вши. Приходилось снимать одежду, нижнее белье и трясти над плитой — упавшие на горячую поверхность вши потрескивали.

Напротив «Серовых домов», на углу Полюстровского и Александровской улицы, был двухэтажный деревянный дом. На первом этаже располагался продовольственный магазин. Чтобы получить свои 125 граммов хлеба, многие занимали очередь с вечера. Бывало, что на всех хлеба не хватало. Многие, не дождавшись своих 125 граммов, умирали прямо стоя в очереди. Однажды я видел, как мужчина, стоявший у прилавка, выхватил у женщины хлеб, с жадностью запихнул себе в рот, проглотил его и здесь же, в магазине, умер.

К нашим домам, что на Полюстровском и Тепловодском, примыкали поля совхоза Красный Выборжец. После осенней уборки свеклы и капусты на полях осталось много ботвы, капустных листьев, кочерыжек. Все это укрыл снег. Те, кто мог добраться до этого «богатства», откапывали их и с превеликим удовольствием варили щи. Когда этого не стало, мама варила «студень» из столярного клея, добавляя в него лавровый лист и перец. Клей я нашел в сарае, когда его ломали на дрова...

До ремонта дома мы — все родственники, всего семнадцать человек — зани-

мали квартиру из шести комнат на первом этаже. Перед наступлением нового, 1942 года норма хлеба была увеличена до 200 граммов. Моей младшей сестренке Лиле было тогда три года. Когда мама делила хлеб, то Лиля говорила: «Маме и Ленке по два кусочка, а мне почему один?» Тогда мама разрезала ее кусок пополам, и она была довольна.

Ее отец, мой отчим, был на брони, работал на заводе «Арсенал». Мужья моих двоюродных сестер и их брат были призваны в армию. Все пропали без вести, неизвестно даже, где покоится их прах. Мой родной брат Лев был призван в армию в 1942 году. На фронте был контужен, около года пролежал в госпиталях, вернулся инвалидом 1-й группы. Создать семью не смог по состоянию здоровья. Умер в 1998 году.

В блокаду у тети конфисковали корову. Тетя так и осталась жить в сараях, поставила печку-«буржуйку», дрова рядом, было тепло.

Школу закрыли, организовали госпиталь. Оставшихся в живых перевели в школу на Тепловодском (проспекта этого теперь нет, а здание сохранилось, в нем находилось производство ЛОМО). Вскоре и там занятия прекратились.

В октябрьские и ноябрьские дни город особенно подвергался бомбежкам и обстрелам. Десятки тысяч зажигательных бомб были сброшены на город! Много пожаров. Запомнился большой пожар на территории конфетно-мармеладной фаб-

рики (ныне завод игристых вин на Свердловской набережной), где мама работала до войны. После войны ей через суд пришлось восстанавливать свой стаж, так как в том пожаре сгорел фабричный архив. Нужны были два свидетеля. Она случайно встретила одну женщину, с которой работала, а та еще знала одну работницу, которая осталась в живых.

В один из зимних дней я пошел к тете. День был пасмурным, небо полностью закрыто облаками. Иду и слышу знакомый свист, а затем два, один за другим, взрыва. После взрывов в направлении к тетиному жилью вижу: в воздух летят дрова, земля. Снова последовательно два взрыва. Спешу к тете. Вторая бомба попала в канаву, которая разделяла территорию совхозных парников и тетино «жилище». Бомба ушла глубоко в землю и там разорвалась. Сарай приподняло и поставило на место, немного сместив, но не причинив никакого вреда, только опрокинулась «буржуйка» да упала кастрюля с пищей. В это время в сарае находилась тетя со своим мужем. Чудо, что они не пострадали!

Первая бомба разорвалась на территории кузницы и конюшни совхоза Красный Выборжец всего метрах в 150 от тетиного жилья. К счастью, ни людей, ни лошадей в это время не было. Третья бомба разорвалась на совхозном поле, а вот четвертая угодила прямо в дом, рядом со школой...

Точно не помню, в каком месяце это произошло, но помню — была зима. При очередном налете одна бомба попала в мно-

гоэтажный дом на проспекте Metallistov (Любашинском) недалеко от улицы Замшина (тогда была просто грунтовая дорога, проходящая через совхозные поля). Разрушилась половина дома, как будто его специально разрезали пополам...

В первую зиму стояли суровые морозы. В городе не работал водопровод, центральное отопление, часто прекращалась подача электроэнергии. За водой ходили на Неву, на каналы, использовали снег. Голод. У многих началась цинга. Выпадали зубы. Чтобы как-то остановить этот процесс, пили настой хвои. За ней ходили на Пороховые. Добираться было очень тяжело — трамвайное движение было остановлено.

С наступлением сумерек в небо поднимались аэростаты. Они в какой-то мере предохраняли небо Ленинграда от фашистских самолетов.

Умирали семьями. Часто умерших некому было хоронить. Замерзшие трупы, как дрова, складывали в сараях. Туда же складывали трупы, подобранные на улицах (я говорю про наш район Полюстрово, где при каждом доме было много сараев).

С приближением весны, опасаясь эпидемии, все, кто мог, вышли в марте на очистку города. Люди, ослабевшие, истощенные от голода, взялись за ломы и лопаты. Дворы, улицы были в снежных завалах, в ледяном панцире. Эти кучи снега хранили в себе нечистоты, если их не убрать, то это гибель для всех оставшихся людей. Поэтому на фанерных волоку-

шах все это вывозили и сбрасывали в реки и каналы. Это был настоящий подвиг!

Прошло два или три дня после трудового подвига ленинградцев, рано утром нас разбудили сильнейшие взрывы. Выбежав из дома, я увидел в направлении Ржев-ки сильное зарево пожара — взорвался железнодорожный состав с боеприпасами.

В апреле месяце я тоже пошел работать в совхоз Красный Выборжец. Было мне около 13 лет. Взяли меня с трудом. Зарплата — миска щей из ботвы свекольника. Ботву совхоз заготовил в начале осени для скота. Работа состояла в подготовке грядок для весенней посадки овощей. Эта работа длилась для меня недолго. «Серовы дома» сломали на дрова, и мы получили комнату в большой коммунальной квартире на Очковской улице, 8, в Смольнинском районе. Комната — 24 квадратных метра. Третий этаж. Два окна во двор, высота потолка 3,5 метра. В центре комнаты сложили плитку, трубу вывели в форточку. Кирпич брали из развалин домов. Дрова добывали там же. Жгли книги, таким образом и согревались, и готовили пищу. Квартира, где была наша комната, состояла из пятнадцати комнат, большого коридора, большой кухни. Имелся кран с водой и два туалета, из которых работал только один. Входная дверь не закрывалась. После окончания войны я изготовил крюк и на ночь дверь стали закрывать. Установили звонок. Жили дружно (всего около 50 человек).

Лето 1942 года проходило в добывании еды. Ездили в район Полюстрово, Пороховые, где можно было найти кра-

пиву, лебеду, лопухи. Собирали хвою, потом дома заваривали и пили настой (он хорошо помогал от цинги) или даже просто жевали. Было горько, но все знали, что это необходимо.

Осенью мать решила устроить меня на завод, чтобы получать рабочую карточку. Завод находился недалеко, на Новгородской улице. До войны там был завод «Красный инструментальщик», который эвакуировался в город Киров, а на его место переехала часть завода имени Воскова из Сестрорецка. Было организовано производство стрелкового оружия — автомата ППШ.

Вспоминаю, как мать привела меня в отдел кадров завода и сказала: «Вот, принимайте подмогу!». «Уж больно мал», — сказала Наталья Дмитриевна Ратникова, инженер отдела кадров. «Да ему 13 лет», — ответила мать.

27 октября 1942 года началась моя трудовая жизнь. Вначале я был учеником у Василия Ивановича Шавыкина — слесаря-инструментальщика высшего разряда. В цехе мне показали рабочее место — это верстак, тиски, а чтобы мог до них достать, сделали подставку под ноги. Несколько дней снимал с деталей заусеницы, притуплял острые края. Неделю спустя Василий Иванович подвел меня к сверлильному станку и доверил мне сверлить отверстия в прицельной детали (целик). Детали на сборочный участок поступали после механической обработки, и сборщикам приходилось делать сверление, опиловку, подгонку, зачистку. Эту работу

в основном делали мы — мальчишки. Потом Василий Иванович доверил мне подгонять ложу (приклад). От правильной подгонки зависела точность стрельбы. По мере приобретения опыта мне доверили подгонку защелки (фиксатора) магазина. Подгонка производилась по специальному диску-эталону. Магазины поставляли с другого завода, и любой диск должен был точно фиксироваться в горловине. Изодня в день, осваивая все новые операции, продвигался я к самостоятельной сборке. Работали в тяжелых условиях. Бомбежки, обстрелы, на территорию завода падали бомбы, одна даже угодила в наш цех. Не было отопления, руки грели под лампами у верстаков. Были дни, когда отключали электроэнергию, и мне приходилось вращать шпиндель, а Василий Иванович сверлил. Дорога была каждая минута. Фронт ждал оружие.

Автомат ППШ был очень трудоемким, и в 1943 году завод перешел на производство нового автомата ППС. Для выпуска автомата ППС часто использовали поврежденные карабины с фронта. Из них выбирали хорошие стволы, отрезали нужной длины для автомата и делали дальнейшую доработку. Из первой партии автоматов ППС один был подарен командующему фронтом товарищу Говорову. Автомат собирал В. И. Шавыкин, а я ему помогал: с гордостью зачищал шкуркой детали, чтобы блестели. Мы знали, что это подарок товарищу Говорову. В одном из пустующих цехов было организовано стрельбище-тир. Здесь автоматы

проходили проверку — пристрелку, а после сразу же отправлялись на фронт.

В конце 1944 года, когда победа была близка, завод перешел на выпуск мирной продукции измерительного инструмента.

Наступила зима 1942 года. В цехе работало много моих сверстников, и я подружился с Володей Нечаевым, Женей Кислицыным, Виктором Афонькиным, Сашей Романовым. У Нечаева и Кислицына в цехе работали отцы. Как специалистам им была дана «бронь». Работали в цехе и девочки, которые были на год-два старше нас. Мне очень нравилась Тося Костыгова. Мне казалось, что это любовь, но она ко мне относилась как к младшему брату. В цехе работали в основном женщины, которые к нам, подросткам, относились по-матерински. Бывало, кто-нибудь из них подойдет и даст то кусочек сахара, то хлеба, и прослезится при этом.

У многих близкие были на фронте: отец, муж, брат... Но некоторые уже получили похоронки, поэтому и относились к нам с вниманием и пониманием, когда мы немного шалили. Мы, хотя и были в свои 13-15 лет «взрослые», но все равно оставались детьми.

Директором завода все военные годы был Павел Иванович Тихомиров, очень уважаемый всеми человек. Когда он заходил в цех, то всегда здоровался с нами за руку. Он часто собирал нас, подростков, на занятия по русскому языку и математике, обеспечивал бумагой и карандашами. Все выполненные задания оставлял у себя.

Кто проверял нашу писанину, не знаю, но к следующим занятиям все было проверено. Всегда говорил: «Сейчас вы не ходите в школу, а кончится война — то немного, что получили, пригодится». А еще часто повторял: «Мы обязательно победим!»

За несколько недель перед прорывом блокады Ленинграда кое-кто из рабочих нашего завода и руководство были приглашены к командующему Ленинградским фронтом Л. А. Говорову. На следующий день на заводе было собрание, на котором приняли решение работать, не уходя с завода: все понимали, что фронту необходимо много оружия.

И вот настал день, когда началась канонада. Наш завод был расположен недалеко от Невы, и воздушные волны от стрельбы и разрывов доходили до нас, как по коридору. На крыше одного из корпусов была смотровая площадка. Я ненадолго убежал из цеха, поднимался на нее и, стоя, чувствовал колебание воздуха от стрельбы и разрывов. Было очень интересно!

Работая на заводе, я питался в столовой. Мама мне давала с собой кусок хлеба, я всегда просил горбушку. В столовой на крупяные талоны брал две порции супа. Жидкость выпивал, а оставшуюся массу клал на хлеб: в хлебе я выедал мякоть так, чтобы получалась чашечка, в нее я помещал густую массу от супа. В основном это была пшенная крупа. Самой любимой моей едой были греча и горох. Мне казалось, что вкуснее этого ничего нет, ел как будто пирожные. За хорошую

работу поощряли или шротовым кексом (шрот — жмых соевых бобов) или котлетой из дрожжей. Мечтал с ребятами, что после войны будем есть только гороховую или гречневую кашу.

В феврале 1943 года стали кровоточить десны, начали выпадать зубы, началась цинга. Меня поместили в стационар. Больница находилась на проспекте Газа. Пролежал три недели — подлечили. На справке, которую мне выдали, была печать родильного дома. Увидев эту печать, начальник цеха А. А. Чернышов, улыбаясь, спросил: «Ну, и кто у тебя — мальчик или девочка?». Я ему тоже шуткой отвечал: «Растут!»

Наступило лето 1943 года. Стало немного полегче. Хлебный паек увеличили.

На территории завода имелся сад. Много кустов черной смородины и яблонь. Яблони конечно давно «одичали». Когда появлялись ягоды на кустах, еще не созревшие, мы их поедали. Убегали ненадолго из цеха «поклювать» и обратно на рабочее место. Начальство, конечно, знало про наши набег и не наказывало. Наверно, жалело. А время было суровое. За опоздание или прогул без уважительной причины наказывали.

Каждый день город подвергался артиллерийскому обстрелу. В конце концов все как-то привыкли к этому, стали меньше прятаться, полагаясь на судьбу. В один из июльских дней с утра город обстреливали, а днем затихло. После работы мы решили пойти в кино в кинотеатр «Октябрь». Названия фильма не помню.

Прошло несколько минут... Вдруг объявили тревогу, показ прекратился, и я с друзьями пошел домой. Во время обстрелов городской транспорт не работал.

Я жил у Смольного. Только свернул с Греческого проспекта на 9-ю Советскую улицу, как произошел взрыв, и меня волной прижало к ограждению. Оказалось, снаряд разорвался недалеко от трамвая у кинотеатра «Искра». Пробегая мимо, увидел раненых. Было страшно, но я бежал домой, зная, что дома волнуется мама. Обстрел продолжался. В этот день много снарядов рвалось в Смольнинском районе: в Дегтярном переулке, на

10-й Советской, Полтавской, на улице Некрасова...

С конца лета я стал ходить в лес на Пороховых. Собирал ягоды, грибы. Потом опять наступила зима. Обстрелы и бомбежки все продолжались.

В канун нового, 1944 года мы уже знали, что скоро произойдут большие перемены на фронте. За несколько дней до полного снятия блокады началась канонада: стрельба, разрывы снарядов — все слилось в сплошной грохот. Мы с ребятами поднялись на крышу и чувствовали движение воздуха, он нам казался теплым.

27 января 1944 года на заводе прошло торжественное собрание, нам объявили о полном снятии блокады Ленинграда и вручили медали «За оборону Ленинграда».

Все уже знали, что в городе будет салют. Получив медали и приколов их прямо на ватники, мы поспешили на салют. Описать все, что происходило вокруг, невозможно. Люди плакали и смеялись от радости! Этот день я запомнил на всю жизнь. Он для меня является святым.

Я очень коротко смог написать о днях блокады, которые мне пришлось пережить, потому что описывать те трагичные годы слишком страшно и тяжело...

ВОЕВОДЕНКОВА Елена Александровна

В этих записках нет ничего особенно примечательного. Это всего лишь некоторые эпизоды: то, что запомнилось 5-6-летнему ребенку и сохранилось в памяти на всю жизнь.

В июне 1941 года мы с мамой и сестрой Музей (родилась 10 сентября 1940 года) приехали на лето в село Гостилицы (это примерно в тридцати километрах от Старого Петергофа).

Воскресенье 22 июня 1941 года, начало войны. Очень жаркий день. Пыльная дорога. Много людей. Все спешат на площадку у Гостилицкого дворца. Там на столбе — радио. Слушают молча. Мне еще ничего не понятно, но как-то тревожно.

Весь июль мы оставались в деревне, собирали урожай ягод; хорошо помнится чудесный аромат созревающих яблок.

В августе немцы очень быстро продвигались к Ленинграду. Вечерами по улице стали ходить военные патрули в длинных плащ-палатках. Откуда-то издали уже слышалась стрельба, а на западе, на горизонте, виднелось оранжевое зарево пожаров.

Стало ясно — надо уезжать в город. Говорили, что автобусы до Петергофа скоро перестанут ходить. Хорошо помню этот

голубой автобус из Гостилиц, где он делал кольцо. Много народу, тесно, душно, дети плачут. Переполненный автобус разворачивается. Видно тех, кто не смог втиснуться в автобус и остался на остановке.

Дома было поспокойнее, но только до первой бомбежки, после которой стали спускаться в бомбоубежище, то есть в подвал. До войны у нас в подвалах у каждой

квартиры был свой отсек, где хранили дрова. С началом войны дрова вынесли во двор, а подвалы переоборудовали под убежище. Там было электричество, радио; некрашенные деревянные скамейки стояли рядами; было прохладно и сыровато, пахло известкой.

По радиосигналу «Воздушная тревога! Воздушная тревога!» (плюс вой сирены) все спешили в убежища. Так делали всю осень. У мамы на кровати лежали наготове теплые вещи для сестренки; оставалось только быстро положить ее на спину, засунуть ручки в рукава, застегнуть пуговицы, потом бежать вниз. Но в ноябре все дети в квартире (нас было трое) заболели корью. Бегать в бомбоубежище перестали. Во время налетов детские кроватки вытаскивали в коридор, к капитальной стене.

Считалось, что в случае попадания бомбы в дом часть перекрытий сохраняется именно около капитальных стен.

Особенно большой и длительный налет был 19 сентября 1941 года. Мы с мамой и сестрой гуляли в Смольном саду. Объявили воздушную тревогу. Мы спустились в бомбоубежище. В какой-то момент раздался сильнейший удар. Дом содрогнулся. Все подумали, что бомба попала в наш дом. Однако, оказалось, что бомба, весом в полтонны, попала в здание на Суворовском проспекте. Это дом №50 на углу улицы Красной Конницы. Тогда там был военный госпиталь (филиал госпиталя напротив, Суворовский пр., 63).

Есть версия, будто бы немцы думали, что в этом здании располагается штаб Военно-Морского Флота и метили именно в него. Очевидцы рассказывали о жуткой трагедии. Бомба пробила все этажи и взорвалась внизу. Начался пожар. Раненые выбрасывались из окон.

Хочется помянуть добрым словом Александра Афанасьевича Швеца из Военной академии тыла и транспорта, жившего на Таврической улице, 2. Он много лет добивался установки мемориальной доски на доме №50 по Суворовскому проспекту в память о погибших в этом доме 19 сентября 1941 года. С большим трудом, но ему это удалось.

На входе в это здание с Суворовского проспекта была массивная дверь. Взрывной волной ее перебросило через всю улицу в садик госпиталя. Там она долго валялась, а в ограде был огромный пролом.

После войны это здание длительное время не восстанавливали, так как оно представляло собой страшную коробку, заполненную искореженной железной арматурой и кусками бетона. Разобрать все это, видимо, было сложно. При восстановлении длину здания вдоль Суворовского проспекта увеличили примерно в два раза. Стык со старой частью практически незаметен. Сейчас это дом №50-52, который занимают ГУВД и Арбитражный суд.

Полагаю, в начале сентября 1941 года на нашем доме установили зенитки. На всех четырех углах. При первых залпах батарей у нас вылетели стекла из верхних частей окон — такая была вибрация от стрельбы. Зенитные пушки простояли до 1945 года. Как их устанавливали, я не видела, а вот когда все эти сооружения стали разбирать, мы с удивлением узнали, что на чердаке были сделаны «накаты» из бревен толщиной 30-40 сантиметров. В крыше, естественно, были сделаны проемы для стрельбы. Дождь и снег попадали на чердаки. Пострадали потолки не только пятых этажей, но и четвертых. Наша квартира как раз на четвертом. Многие годы после войны мы не могли вывести желтые пятна на потолке от этих протечек. Зато наш дом остался цел! Зенитчики охраняли от бомб Смольный (Штаб Ленинградского фронта) и Охтинский мост вместе с нашим домом.

Отец с первых дней войны был призван в армию, в войска ПВО (противовоздушной обороны города). Сначала их зенитная батарея стояла на террито-

Красноармейскую книжку иметь
всегда при себе. Не имеющим
книжек — задерживать

I. Общие сведения

1. Номер военно-учетной специальности
13

2. Грамотность и общее образование (если
окончил техникум, рабфак или ВУЗ, то
указать его название)
9-летку

3. Национальность русский

4. Год рождения 1905

5. Год призыва (указать также — нормаль-
ный или досрочный призыв) 1941
по мобилизации

6. Каким военкоматом призван Светлов-
инский Р.В.К. Ленинград

7. Специальность до-призыва Маш-
инск работник

1. Фамилия Светловский

2. Имя и отчество Александр Иванович

3. Звание и должность Сержант
Командир старшины разведки

4. Наименование части (учреждения)
3-й дивизион 1504 О.З.А.П. М.З.А. Д.А.П.А.

5. Наименование подразделения (батальон,
рота) 3-й дивизион 1504

6. № личного знака

Личная подпись владельца книжки
Василий Светловский

Командир роты Светловский

1 января 1941 г.
(Место печати части) М.З.А.П.

рии ГОМЗа (Государственный оптико-механический завод — теперь это ЛОМО) на Чугунной улице, точнее, на крыше поликлиники ГОМЗа. Затем их перевели на крышу «Большого дома» (Литейный проспект, 4 — теперь там ФСБ).

Интересно, что в 1943 году, когда мы были уже в эвакуации, отца перевели служить на наш дом, и он получил возможность заходить домой. Вот такой счастливый случай.

Зимой 1941-1942 года, страшно морозной и снежной, когда отец служил на Чугунной улице, мама ходила к нему пешком через Неву по льду, от Смольного к Свердловской набережной. Папа оставлял частицы своей еды, складывал их в солдатский котелок и отдавал маме.

Помню эпизод в конце марта 1942 года. Кажется, это было накануне весеннего равноденствия, то есть 22 марта. Мама пришла от папы, принесла в котелке гречневую кашу с мясной тушенкой. Мы с сестрой сидим за столом рядом с кроватью тети Оли (маминой сестры). Она уже давно не вставала, а тут вдруг приподнялась и посмотрела на стол через прутья спинки кровати. Мама, увидев это, сказала: «Ольга, это детям!» — и не дала ей этой каши.

На следующее утро тетя Оля умерла. Я хорошо помню это утро. Когда обнаружилось, что тетя Оля мертва, дядя Миша, ее муж, подал маме чашку с водой. Мама отбросила его руку, чашка упала и разбилась.

Позже мама говорила: «Может быть, Ольга не погибла бы, если б я ей дала немножко этой каши...» Мама всю жизнь считала себя виноватой перед ней.

Тетю Олю хоронили на Охтинском кладбище. Даже в настоящем гробу, который помогли сделать на Смольной пристани, где она работала кассиром до войны. Гроб стоял в другой, холодной, комнате. В изголовье мама положила несколько сухих цветков бессмертника из вазы на «горке».

Дело в том, что поздней осенью 1941 года, когда стало совсем холодно, мы все переселились в одну, самую теплую комнату: мама, я, сестренка, тетя Оля и дядя Миша. Поставили «буржуйку» и сделали ставни на окнах. Современному человеку непонятно, какие могут быть ставни на четвертом этаже городского дома. Тогда ставни — это деревянные щиты, закрывавшие окна снаружи. Как они крепились к рамам, я не знаю. Но помню, что утром их открывали, а на ночь закрывали, потянув за веревку через форточку. Медленно, со скрипом, ставни закрывались. Наступала абсолютная темнота. Ставни служили, во-первых, для светомаскировки; во-вторых, для сохранения тепла и стекловозможного попадания осколков при обстрелах и бомбежках.

После того, как исчезло электричество (приблизительно в декабре 1941 года) комната освещалась «коптилкой». У нас это была маленькая баночка с керосином и фитильком, который надо было все время подрезать.

Полагаю, к ноябрю 1941 года было уже крайне плохо с продуктами. Постоянно хотелось есть. За хлебом ходили в булочную напротив нашего дома (в дом №11 по Смольному проспекту). Булочная располагалась на первом этаже, и из наших окон была видна очередь за хлебом.

У нас было три карточки: две детских и мамина иждивенческая (мама тогда не работала). Небольшой кусок хлеба, что приносили из булочной, сразу делили на девять частей (на троих на три раза). Хранился хлеб в железной коробке из-под чая. Кроме мамы, никто не должен был к ней прикасаться. Но однажды я нарушила этот запрет: съела кусочек хлеба без спроса. Мама меня не ругала, но объяснила, что к чему. После этого я вообще ни разу ничего ни у кого без спроса не взяла за всю свою жизнь.

Кстати, осенью, видимо, еще в начале сентября 1941 года наш дом посетила мошенница (мы это потом поняли). Она пообещала принести какие-то продукты. Помню, говорила о крупе и мясе кроликов, называя их почему-то «трусами». Обещала что-то еще, для чего просила бидончик. Взяла какие-то деньги. Конечно, взамен мы не дождались ничего. Это был обман, с которым семья столкнулась впервые.

Продуктовый магазин был в нашем доме всегда и в блокаду тоже. Исчез он только в 1990-е годы. С этим магазином связан один печальный случай. Через какое-то время после похорон тети Оли мама с дядей Мишей пошли пешком на Охтинское кладбище. Наверное, было

не очень холодно, поэтому и меня взяли, ведь за всю зиму я ни разу не была на улице. С собой у нас были мои саночки. На них меня везли обратно. Отлично помню этот хороший, слегка морозный, день. Я на саночках. Слева — зимнее солнце в розовой дымке на бледно-голубом небе, а впереди — мама и дядя Миша. Доехали до дома. Зашли в магазин. Меня и санки поставили у окна. И вот тут случилась беда: санки украли! Как? Не знаю. А санки в то время были большой ценностью. На них возили воду с Невы, отвозили на кладбище умерших. Вот так грустно закончилась моя первая прогулка в 1942 году.

Надо сказать, что в блокаду самые обыкновенные домашние вещи приобретали особую ценность. Например, у нас на «буржуйке» воду грели в высоком кофейнике, который занимал мало места и быстро закипал. Однажды его поставили случайно слишком близко к раскаленной трубе. Тонкая стенка кофейника расплавилась. Безднадежно испорченную вещь буквально оплакивала вся семья, потому что замены ей в тот момент не было.

Когда весной 1942 года стало теплее, мы вернулись из комнаты тети Оли в свою. Мама поступила на работу на фабрику, где-то в районе Театральной площади, где шили вещи для фронта. Сестру определили в ясли, а меня — в детский сад. Однако, почти сразу мы заболели ветрянкой. Пришлось сидеть дома одним. Хорошо помню: мы сидим на диване и слушаем, как немцы обстреливают город. Сначала где-то далеко на юге раздается выстрел, потом

с воем над нашим домом (так, по крайней мере, мне казалось) летит снаряд на север, потом где-то далеко слышен грохот разрыва. Видимо, обстреливали заводскую Выборгскую сторону. Страшно не было — привыкли уже, хотя понятно было, что снаряд может и не перелететь через наш дом, а упасть где-то рядом.

Когда поправились, мама стала по утрам нас разводить: меня — в детский сад на Тверскую улицу, 20; сестру — в ясли на Таврической улице, 2. Окна моей средней группы выходили на угол дома, где сейчас аптека, а вход в детский сад был со двора. Теперь это общий двор с домом №18, а тогда на месте этого дома был сквер с большими тополями по периметру. Летом 1942 года посередине сквера сделали огород, где выращивали овощи для детского сада. Помню грядки с салатом. Тогда не было такого махрового салата, как сейчас. Просто были круглые листики, они казались очень вкусными.

Мусины ясли на Таврической улице, 2 находились среди огромного, заросшего лебедой и белым клевером («кашкой») двора. То и другое мы собирали и варили. Удивительно, но ясли-сад в этом дворе существует до сих пор.

Возможно, в начале июня 1942 года в какой-то выходной день мы с мамой поехали на трамвае сажать капусту. Помню, что за трамвайным кольцом на Поклонной горе было большое поле; на краю стояли ящики с рассадой. Сестренку посадили на пустой ящик, а мы с мамой занялись делом. Было очень жарко, мы силь-

но устали. Обрато опять ехали на трамвае через весь город.

Лето 1942 года, по-моему, было теплым, дождей мало. Помнится один такой хороший летний вечер. Солнечно, тихо. Мы, забрав сестру из яслей, выходим на Таврическую улицу, и тут начинается сильный артобстрел. Долго пришлось стоять в парадной углового дома №11. Этот перекресток Кировной и Таврической улиц памятен мне еще тем, что в самом углу Таврического сада долго валялись части немецкого бомбардировщика, сбитого танком нашим летчиком Алексеем Севастьяновым в ноябре 1941 года. Отлично помню исковерканные куски блестяще-

го алюминия с остатками темно-зеленой краски на газоне у самой ограды.

Никогда не забуду другой летний вечер. Однажды мама не пришла за мной в детский сад. Всех детей давно разобрали, и воспитательница разрешила мне идти домой одной. Шла я по Тверской улице к Смольному и думала, что мама, может быть, уже никогда не придет. Наверное, она погибла. Но мама встретила меня в конце Тверской улицы. Она бежала мне навстречу. Это была такая радость! Такое счастье! Оказывается, из-за обстрела не ходили трамваи, и мама шла пешком. Сначала она забрала из яслей сестру, отвела ее домой, а уж потом побежала за мной.

Еще одно короткое воспоминание. Это было в одну из первых ночных бомбежек города. Когда мы спустились по совершенно темной лестнице во двор, я взглянула вверх. Наш двор — колодец. Кругом тьма, но квадрат неба над двором освещен желто-белыми лучами прожекторов, которые, казалось, беспорядочно перемещаются: скрещиваются, расходятся в разные стороны. Зрелище было удивительное, но длилось оно для нас только тот момент, за который нужно было добежать до входа в бомбоубежище. После отбоя воздушной тревоги мы снова пересекаем двор. Красочная картинка на небе исчезла, остались только звезды. Тогда я еще не знала, что это зенитчики искали в небе свою цель.

Конечно, воздушные тревоги были очень часты. Потом к ним прибавились артобстрелы. Но, несмотря ни на что, в спокойные промежутки времени у меня

*Елена Воеводенкова с сестрой Мусей.
Весна 1941 года*

была нормальная (если не считать голод и холод зимой) детская жизнь. Я всегда чем-то занималась: рисовала, читала свой букварь. Была у меня тогда купленная еще до войны игра «Маленькая прачка». Кукольное белье нужно было вырезать из листов, раскрасить красками; потом развешивать его на специальных бельевых веревочках между столбиками, вставленными в коробку. Это полезное кропотливое дело меня долго занимало, отвлекало от мыслей о еде.

Новый, 1942 год встречали при «коптилке». На столе стояла «елка» — комнатная туя в небольшом горшке, чудом сохранившаяся в холодной комнате. Видно, ее изредка поливали. Рядом с ней на керосинке жарили картофельные очистки на олифе. Эти очистки мама принесла с Васильевского острова, где жили папины сестры и их мать, моя бабушка. Тайком от дочерей бабушка передала маме очистки и немного муки, из которой мы испекли блин на такой же олифе. Получился настоящий праздничный ужин!

В первых числах сентября 1942 года мы уехали из блокадного Ленинграда. Помню, говорили, что немцы готовят штурм города, поэтому эвакуируют стариков и матерей с детьми. Отправляли нас с Финляндского вокзала. После поезда была машина до Ладожского озера, пристань у Осиновецкого маяка. На небольшом буксире переправились через Ладожское озеро. Нам очень повезло в дороге, даже на самом опасном участке Ладоги. В тот день погода стояла прекрасная: чистое голубое

небо, спокойная вода. Мы сидели поверх вещей, загруженных в открытый трюм буксира. Вдруг над нами появился самолет. Он делал круги на большой высоте. Сказали, что это немецкий разведчик, и что за ним прилетит бомбардировщик. Но этого не случилось. Мы благополучно доплыли до Кобоны. Видимо, наше маленькое судно показалось немцам ничтожной целью, на которую не стоит тратить бомбы. Из Кобоны на машине ехали в Жихарево. С погашенными фарами, в полной темноте, медленно и почти бесшумно передвигались по песчаной дороге. Немцы были совсем близко, поэтому даже разговаривать не разрешалось.

Погрузились в эшелон из товарных вагонов и доехали до Новосибирска. Дальше был пароход до Камня-на-Оби и телега до села Долчанка. Ехали долго — 42 дня (шесть недель).

В Ленинград мы вернулись 10 сентября 1944 года. Обрато ехали всего две недели!

После войны жили небогато, но мы точно знали, что будет лучше с каждым годом. Восстанавливали разрушенное, строили новые кварталы, становилось больше зелени: на месте разобранных деревянных домов делали скверы. Только маленький пример по нашему дому: уже в 1950 году провели газ, в 1954-м — центральное отопление, в 1956-м — горячую воду.

Я благодарна судьбе за то, что родилась в Ленинграде, что моя жизнь пришла все-таки на лучшее время существования нашего города.

Великое имя — Ленинград

ГАЛАКТИОНОВА Вера Ивановна

Какое Великое имя — Ленинград!

Великое для меня: я — ленинградка.

Великое — для всей страны, понимающей (и тогда, и спустя 70 лет) бесценность подвига народа, вставшего на защиту своей Родины.

Отдать врагу своих детей, матерей, престарелых родителей — непоправимая беда, и народ встал на защиту.

Сейчас мне 78 лет. Родилась я 13 мая 1936 года. Когда началась война, мне было пять лет.

Все о детстве, если можно так назвать, глазами ребенка, ниже... А сейчас хочется рассказать, как мы пережили эту беду, как нас, детей, спасли родные.

Уже нет моей мамы — Огурцовой Евдокии Михайловны, 1912 года рождения. Самого дорогого человека, которая сумела сохранить жизнь двум маленьким девочкам — мне и племяннице (8 лет), дочери родной сестры. Вот мы с ней на фотографии, подстрижены наголо, но это уже когда можно было сфотографироваться.

Говорю о своей маме сейчас (оценив ее жизнь) уже не только как о самом родном человеке, а как о человеке с очень добрым сердцем, большой интуицией, умением беречь и ценить жизнь. Всем было с ней

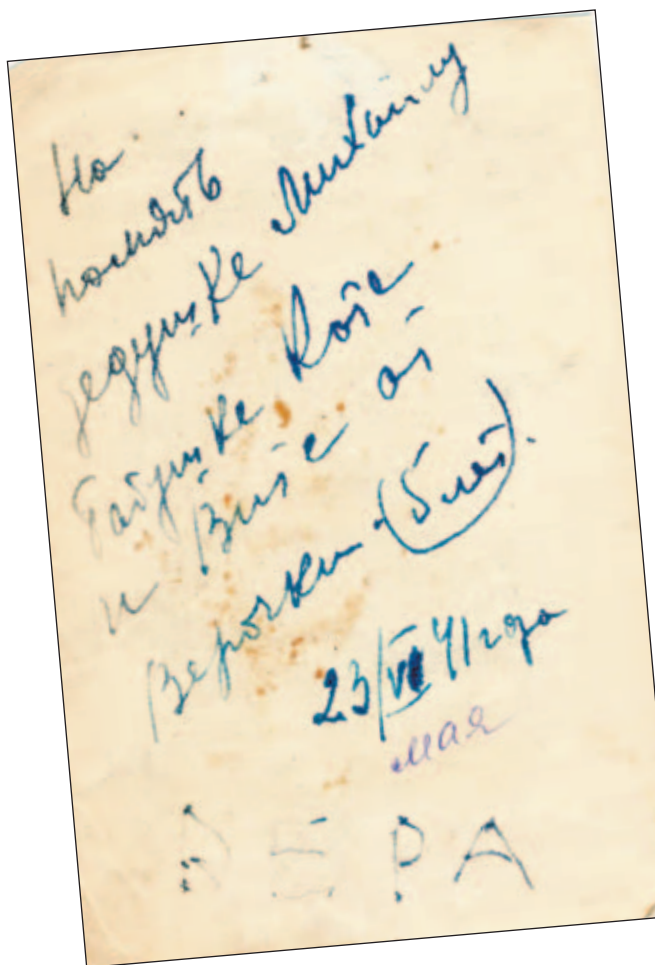

хорошо. Родные, приезжающие к нам, рады быть у нашей Дусеньки. Схожу на кладбище к маме, согрею ее фотографию своей ладонью и благодарю за жизнь. Мама не могла поверить, что враг может уничтожить Ленинград. Оставив меня с родственниками (моим крестным), бросилась спасать — вывозить из Новгорода своих родителей (де-

душке было 56, бабушке — 53 года), когда фашисты бомбили город.

Из воспоминаний моей сестры Люси, с которой мы всю войну провели в Ленинграде:

«Родители были родом из Калининской области, город Калязин. В 1938 году переехали в Новгород, где жили наши дедушка и бабушка. Купили двухэтажный дом пополам с братом папы. Место было очень хорошее. Помню, убежишь из калитки, перебежишь через дорогу — и сразу же спуск к реке Волхов. Там мы летом плескались в воде, играли с ребятами на травке. Это было самое счастливое детство! Меня очень любил отец — Перов Иван Иванович, 1909 года рождения. Я всегда пряталась за его широкую спину: мама у нас была очень строгая, но папа никому не давал меня обижать.

Потом наступила эта проклятая война, которая нас разлучила: все ушли на фронт. Папу призвали сразу же, в июне 1941 года. Я очень хорошо помню эти проводы. Мама держала трехмесячного Борю на руках, рядом стоял одиннадцатилетний Павлик. Провожающих своих мужей и отцов было очень много. Все плакали. И когда отряд военных зашагал по команде, я бросилась бежать со слезами за отцом, крича: «Папочка, не уходи, я с тобой!» Павлик догнал меня и вернул к маме, которая могла только плакать.

Перед уходом папа выкопал в огороде землянку, где мы прятались при об-

стрелах. Родной брат отца заранее по железной дороге эвакуировал свою семью в Ярославскую область, на станцию Волга, где жила их родная сестра тетя Настя. Но наш папа не смог уговорить маму уехать с ними. Она не хотела оставлять своих родителей, которые тоже жили в Новгороде, в Никольской Слободе, на Московском проспекте, 22. Дом покидать было жалко. Все надеялись, что война будет недолгой и врага до Новгорода не пустят.

Все радости оборвались в один миг, когда немец стал обстреливать наш красивый Великий Новгород. Сводки по радио доносили, что враг продвигается быстро, а

когда стал бомбить, все ринулись бежать, спасаться. Так и мы побежали к пристани, взяв с собой необходимое. Мама несла Борю и чемодан, Павлик — сумку, а я тащила узелок, видимо, с пеленками. Мама все время на меня кричала, чтобы я от них не отставала. Людей было много, кто-то двигался на телегах, машины старались обогнать лошадей.

Мы не успели еще дойти до пристани, как появились самолеты... Потом меня либо кто-то оттолкнул, либо отбросило взрывной волной — не помню. В ушах стоял шум, потом меня куда-то тащили. Вокруг стоял страшный хаос. Санитарные машины подбирали раненых. Горели дома, стоял какой-то чад. Мне было плохо, я плакала, кричала, звала маму, помню, что на мне уже не было панамки и узелок пропал. Чужая женщина тащила меня за собой, успокаивала, говорила, что найдем маму.

Самолеты улетели, сбросив свой смертельный груз на город. Когда все немного успокоилось и начало темнеть, подошел пароход. Все стали грузиться на борт, а мамы нигде не было. Когда пароход отошел от пристани, уже совсем стемнело, но зажигать спички и курить не разрешали. По цепи стали передавать, что потерялась девочка, ищет маму. Стали подходить женщины, качали головами и отходили. Вдруг подошла молодая, красивая женщина и, обняв меня, воскликнула: «Люсенька! А где же мама Клавочка?» Это была моя крестная, родная сестра моей мамы. Она приезжала за дедушкой и бабушкой

и меня, видимо, хотела забрать, но родители ехать отказались, а про маму сказали, что Клавочка у них давно не была.

Крестной надо было срочно возвращаться в Ленинград, так как она оставила свою маленькую дочь на родных. Так я попала в Ленинград, где и провела всю войну.

Пока мы плыли на пароходе, все молились, чтобы немец нас не потопил. На станции Санково мы пересели на поезд и доехали до Ленинграда.

Город встретил нас теплом и солнцем, играла музыка, народу было много, все магазины торговали и не было никакой войны. Для меня это было сказкой! Особенно, когда мы с крестной зашли в магазин «Расконтд», который находился в нашем доме на Загородном проспекте, 12. Я, раскрыв рот, смотрела на эту роскошь: везде были зеркала, на улице — голубые стеклянные проемы с серебряными буквами. А еще очень вкусно пахло, продавались торты, пирожные, конфеты... Крестная купила сладостей, и мы поднялись домой на пятый этаж.

Теперь я не могу понять, почему ленинградцы (и мы в том числе) не делали запасов (крупы, консервов, сухарей). Наверное, надеялись, что немцев не пустят до Ленинграда? Но не прошло и трех недель, как фашисты взорвали все продуктовые склады, город остался без продовольствия и власти ввели карточную систему на продукты...»

Быстро начался голод. Люди усиленно эвакуировались. Мою маму вызывали

в милицию, требовали: «Уезжайте!» Отец работал на заводе «Большевик», поэтому сразу его в армию не взяли. От голода у него была страшная дистрофия.

Помню, оборудование с завода эвакуировали на Урал, и отца несколько дней не было дома. Накануне он велел нам собрать самое необходимое. Помню, как собирали вещи в мешок. Отец, прибежав, запыхавшись, стал нас торопить одеваться — улетал их последний самолет. Но мама, поджав по себя ноги (как помнит Люся), с одной стороны прижала к себе меня, с другой — Люсю и сказала: «Лёнюшка, я никуда не полечу, не поеду. Тебе надо — лети. Если суждено — будем живы, если нет — умрем все вместе в своем родном городе». Пока спорили, самолет улетел. Как сообщили на заводе, его сбили и все погибли. В армию отца забрали позже, на Ленинградский фронт, на Пулковские высоты.

Начались усиленные обстрелы Ленинграда. Мама обучалась противовоздушной обороне. Как вспоминает сестра, мы поднимались на чердак по нашей лестнице, вылезали на крышу, прятались за трубой и смотрели, как наши прожектора ловили немецкие самолеты, а зенитки сбивали их. Но когда летели бомбы, было страшно. Дежурные на крышах гасили зажигательные бомбы.

Наступила зима, очень холодная. Отец поставил «буржуйку». В те времена были подвалы, где хранили дрова, в домах имелись круглые печи. Это в какой-то степени позволяло согреть еду,

а после мы ложились прямо в одежде, в валенках под одеяло на диван и не двигались.

На Кузнечном рынке меняла мама последнее на малую еду. Так, помню дуранду и тонкие прозрачные прямоугольные пластины столярного клея. Хлеб по карточке сосали по маленькому кусочку, собирали мокрыми мальчиками крошки со стола.

Мама была очень сильной духом женщиной. Ходила за водой на Пушкинскую улицу. Приносила пятилитровый бидончик. Поднималась на пятый этаж. Кипятила водичку, бросала туда горсточку крупки или ложечку яичного порошка и поила нас помаленьку. Заботилась, охраняла, целовала наши глазки, которые смотрели на нее молча. У нас шатались зубки, кровили, была цинга. На маму было страшно смотреть: скелет, обтянутый кожей. Все мы были живы только надеждой. Наверняка, мама страдала от голода больше нас, но нередко отдавала нам свое. По ночам она часто не могла спать, вязала под лампаду что-то из белых ниток.

При бомбежках в квартире на пятом этаже было очень страшно, и мы периодически жили у родных на Дмитровском переулке, недалеко от Владимирской. Опишу два эпизода, связанные с этим адресом и навсегда врезавшиеся в память.

В Дмитровском переулке, видимо, находился какой-то военный объект. Объявили тревогу. Мы вышли в коридор, который считался наименее опасным местом в доме. Вдруг все здание содрогнулось!..

Из стен вырвало отдушины с сажей от печек, и вся сажа посыпалась на нас с Люсей. Дверь выдавило, и на лбу у дедушки Миши вскочила большая шишка. Мы с сестрой были все черные, но живые. На улице же образовалась большая воронка от бомбы.

Второй случай — особенно страшный.

Объявили тревогу. Мы были на Дмитровском. Спустились в бомбоубежище. Какое-то время было тихо, и взрослые решили подняться домой. Вдруг — свист бомбы и взрыв! Оторвало угол дома. Засыпало людей, стоящих у входа в бомбоубежище и сам выход. У нас стекла из окна и зеркального трюмо шкафа засыпали

тетю Паню. Скорая подбирала раненых, и ее забрали. Потом дедушка Миша нашел ее в морге живой. Открыли проем с улицы, нас: меня, Люсю, маму и всех с бомбоубежища — вывели из-под обломков. Я хорошо помню стену с оторванными комнатами, мусор на кровати и ножку от моей гуттаперчевой куклы — я ее долго хранила.

Как-то ходили в магазин. Опять зарево огня видели за Владимирской церковью, там же у Дмитровского переулка. Трупы лежали в церкви и около нее штабелями...

После таких бомбежек мы вернулись на свой пятый этаж.

Наступил страшный момент безысходности. Родные всеми силами помогали нам выжить, весной собирали лебеду, крапиву, одуванчик, где-то находили гнилую картошку.

Мы уже не ходили, лежали на диване в шубках, шапках и валенках. Менять на рынке было больше нечего. Силы мамы были наисходе. На улицах съели все живое, воровали детей (об этом я напишу попозже).

Мы были живы, но почти умирали. Наша мама пошла искать троюродного брата, который заведовал всеми столовыми, где кормили военных. Нашла она его на Витебском вокзале. Дядя Ваня Шахов устроил маму в столовую руководящим поваром (до войны она получила эту профессию). С тех пор мы питались по талонам. На обеденную карточку мама наливала свою порцию супа нам, а сама пока пробовала — «наелась». Много есть тоже было нельзя, от этого умирали. Так что супом мама кормила нас по ложечке, делила все пополам, и мы постепенно начали оживать.

Еще хочу отметить интуицию мамы. Жить на пятом этаже было и страшно, и трудно. Мама в домоуправлении попросила, чтобы нам дали комнату пониже, ведь было много пустующего жилья. И нам дали квартиру №27 в другом подъезде вместе с соседкой. Двухкомнатная квартира: наша комната — метров 20, а в маленькой жила дворник тетя Нюша. Она за нами приглядывала, помогала маме, когда мы ходили в сад, а потом

в школу. Когда переехали, дней через пять в нашу прежнюю квартиру на пятом этаже попал снаряд, насквозь прошел через нашу комнату. Хорошо, что соседей не было дома. Помню, как задрожали окна на втором этаже, и я бросилась к двери.

Мама всегда берегла нас и думала наперед. Отправила нас в детский сад на Фонтанке. Пошел сильный дождь. Схватила зонт — и за нами, так как очень боялась, чтобы мы не зашли в подъезд переждать дождь. Детей тогда нередко воровали. Увидела издали, что мы уже близко у детсада и успокоилась...

Еще была женщина — активистка из нашего подъезда. Люся и дети ходили с ней в госпиталь: пели, сестра танцевала «Яблочко». Я тоже хорошо пела. Раньше в кинотеатрах перед кино были концерты. Я солисткой пела «Вижу чудное раздолье, вижу реки и поля — это русское раздолье, это Родина моя». Потом бежала на балкон, смотрела кино, а перед следующим сеансом — снова концерт. Это было в кинотеатре «Октябрь» на углу Невского и Литейного, где теперь «Паризиана».

Еще очень хорошо помню салют в честь полного прорыва блокады. Стояли на Владимирской площади. Подошел милиционер, сказал: «Здесь лучше видно!» — и подвинул нас ближе к Загородному. Салют был виден даже от нас. А какой сейчас был красивый салют в честь 70-й годовщины полного прорыва блокады. Мы с проспекта Мечникова любовались этим чудом. И нам, ленинградцам, это особенно дорого!

Еще хочу вспомнить, что после войны на Владимирской площади лицом к Невскому поставили громадный, высотой до пятого этажа портрет генералиссимуса И. В. Сталина. Город стал оживать. Наводили порядок, расчищали заторы. Люди начали возвращаться из эвакуации.

Помню, как по нашему Загородному проспекту вели пленных фашистов. Они шли кто в чем, опустив головы, а некоторые смотрели на нас, удивляясь, что никто в них не бросает камней. Зрелище было ужасное, но в душе каждый думал: «Так вам и надо! Это за наших погибших». Еще у Московского вокзала вешали фашистских генералов. Их подвозили на грузовиках, читали приговор каждому и накидывали петлю. Страшное, незабываемое время! Пожалуй, не время, а целая большая жизнь, прожитая ребенком, женщиной, мужчиной. У каждого своя судьба. А у многих она оборвалась. Да не у многих, а у миллионов людей!

Сколько сынов Отчизны русской,
Что столько стран под пулями прошли!
Они теперь лежат в полоске узкой
У смерти отвоеванной земли.

Великая Отечественная война — это история, и о ней надо знать всё и всем.»

Здесь я хочу обратиться к молодежи.
Читайте наши воспоминания!

Цените людей, которые своей силой
воли, любовью, своей жизнью не дали
сломать нашу Родину.

Когда я вижу, как старшее поколение, да и я сама, ходят с трудом, переваливаясь с боку на бок; но готовы подробно объяснить обратившемуся, как дойти или проехать по городу, я знаю, это — ленинградцы. Их уже так мало осталось, счастливых, с улыбкой на лице, когда рядом молодежь, помогающая подняться в транспорт, поздравляющая с праздником.

Мой внук Максим Фокин — участник школьного ученического совета (10-й класс) и его сестра Юля (2-й класс) — дети моего брата, учатся в школе №191 муниципального округа Пороховые. Руководство школы и ее директор Светлана Андреевна Бабак несут школьникам эти знания, ведется патриотическая работа и дети (ученики) хорошо чувствуют, что значит для них память, история страны.

К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне в школе был выпущен сборник лучших сочинений учеников, посвященных этому событию. В их семьях и в нашей говорят о войне, есть вырезки из газет, сохранившиеся письма; родные, пережившие войну. Максим, тогда еще ученик шестого класса, также рассказал о своих родных, участвовавших в боевых операциях.

Школьный ученический совет проводит различные патриотические акции:

- возложение венков к памятникам «Цветок жизни», «Детям блокады», на Дороге жизни;
- «Свеча памяти», когда в шесть часов вечера 27 января зажигаются свечи

в окнах домов, школьники ставят свечи к памятнику «Цветок жизни», зажигают свечи на ступеньках школы;

- уход за братскими захоронениями на станции Пятый километр: уборка, покраска памятников, возложение цветов (школьники 5-11 классов);

- вечера памяти, уроки мужества. При школе создан музей, в котором есть раздел «Великая Отечественная война».

Когда второклассница Юлия Фокина обратилась к маме с вопросом, кто из семьи был на войне, мама в стихах рассказала дочке о дедушках, прабабушках и прадедушках.

Я горжусь своими внуками!

Немного информации обо мне.

В 1944 году я начала учиться в первом классе. В 1959-м окончила инженерно-экономический факультет Политехнического института.

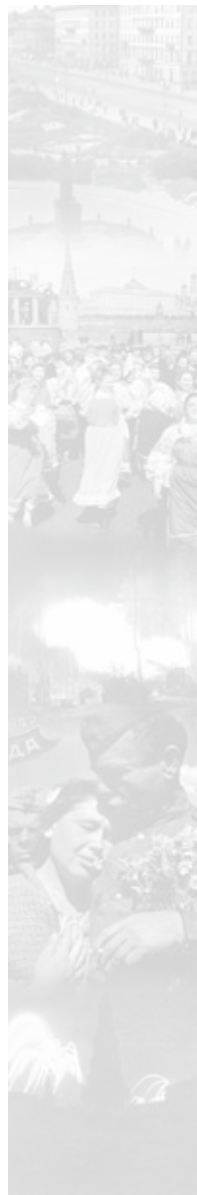
Мой муж, Галактионов Леонид Григорьевич, пережил весь ужас войны подростком в деревне в Ленинградской области. Немцы, продвигаясь в глубь страны, на своем пути жгли дома, забирали урожай, уничтожали или угоняли в плен все живое. Люди убегали в леса, жили в шалашах, землянках. Потом пришел голод, и еще тиф. Мальчишки сжигали мосты, чтобы танки не могли пройти. Почти не осталось мужиков, одни женщины и дети.

После войны Леонид окончил школу. Поступил в Военно-морскую медицинскую академию. Служил в Полярном, во Владивостоке в 1966-1988 годах.

Мы с ним вырастили двух отличных сыновей.

22 года моей трудовой деятельности были настоящей жизненной победой молодого специалиста. Горжусь этим! В дирекцию строящегося предприятия я пришла девятой, когда имелся только деревянный дом — управление и рядом — сваи будущего завода. Построили завод судостроительной промышленности «Дальприбор» и экономическую службу. В отделе работало двадцать человек. Я росла по карьерной лестнице, последние двенадцать лет работала заместителем главного экономиста — начальника планового отдела.

Много замечательного можно рассказать о себе, о людях нашего завода, о природе Дальневосточного края, о первом директоре Владимире Никитиче Бабкине (род. 1917). Он прошел всю войну, награжден двумя орденами Боевого Красного Знамени, орденом Александра Невского, орденом Богдана Хмельницкого, Отечественной войны II степени, медалями «За взятие Кенигсберга», «За Победу над Германией». Помню, как я пришла к нему молодым специалистом, он вспоминал войну, я блокаду, а потом он сказал: «Приходите, Вера Ивановна, завтра на работу». Проработал первый директор до пенсии — одиннадцать лет. И построил завод.

Моя блокадная юность

ГОЛИКОВА Валентина Васильевна

Валентина Васильевна Голикова в последние годы жизни записала свои воспоминания о блокаде и передала их в Музей обороны и блокады Ленинграда. Эти материалы были переданы редакции книги «Память сердца» ее сыном Юрием Павловичем Голиковым и легли в основу данного очерка.

тележку, и два человека везли ее через Лиговку, затем по улице Марата на Звенигородскую, на плац, где до войны были бега лошадей, а в блокаду — сжигали трупы усопших ленинградцев.

В 1942 году В. В. Голикова поступила на фабрику подбивочных материалов, где выполнялись заказы для нужд армии и Управления железных дорог. Все сотрудники на-

ходились на казарменном положении и жили непосредственно на предприятии.

В 1941 году к началу Великой Отечественной войны Валентине Васильевне исполнилось 15 лет. Она окончила 7-й класс и перешла в 8-й. 1 сентября она пошла в свою школу №316, но проработала недолго. 8 сентября 1941 года началась блокада Ленинграда, а вместе с ней — голод, отключение тепла и электричества, остановка транспорта и бесконечные бомбардировки и артобстрелы. Ученики больше времени проводили в школьном бомбоубежище, чем за партами. Из школы пришлось уйти.

Вместо учебы она много помогала при ЖАКТе по месту жительства: тушила зажигательные бомбы на крышах домов, дежурила с соседями на чердаках по ночам. И еще, самое трагичное: в свои 15 лет она помогала убирать трупы ленинградцев, умерших от голода или убитых осколками бомб и снарядов. Их складывали на

Ее мама, Евгения Петровна Погодина, работала на той же фабрике. Она занимала высокие должности, но никаких поблажек для своей дочери не допускала. Все работали по законам военного времени. Шестнадцатилетняя Валентина вместе со всеми участвовала в весенней очистке города от последствий блокадной зимы, вместе со всеми ее посылали на оборонные работы.

В трудные дни блокады случались и радостные события. К ним относится, хоть и редкое, посещение Театра музыкальной комедии. В городе он был, практически, единственным, остальные были эвакуированы еще летом 1941 года. Он располагался в помещении Театра им. А. С. Пушкина и мужественно

В трудные дни блокады случались и радостные события. К ним относится, хоть и редкое, посещение Театра музыкальной комедии. В городе он был, практически, единственным, остальные были эвакуированы еще летом 1941 года. Он располагался в помещении Театра им. А. С. Пушкина и мужественно

не прекращал свою деятельность, сумев сохранить не только довоенный репертуар, но и пополнить его новыми постановками.

Валентина Васильевна вспоминала, что иногда во время спектакля раздавался сигнал воздушной тревоги и публике предлагали пройти в бомбоубежище, но зрители часто оставались на местах, и действие продолжалось.

Особенно восторженно Валентина Васильевна вспоминала спектакль «Раскинулось море широко», премьера которого состоялась 7 ноября 1942 года. Текст написали В. Вишневский, А. Крон и В. Азаров, а музыку — Н. Минх, Л. Круц и В. Витлин. Поставил спектакль Н. Я. Янет, а играли ведущие артисты театра: Колесникова, Болдырева, Кедров, Свицерский и др.

Эти посещения позволяли людям хоть ненадолго ослабить душевное напряжение и облегчить те тяжелые переживания, которые выпали на их долю, а переживаний этих было немало.

Тяжелые утраты и переживания не обошли и семью В. В. Голиковой. Ее мама Евгения Петровна в один из блокадных дней спешила в Московский район на важное совещание. Начался артобстрел, и осколками снаряда она была ранена в голову и ногу. Евгения Петровна выжила, но последствия ранения давали о себе знать долгие годы.

Родной брат Евгении Петровны Иван и муж ее сестры Павел были на фронте, а несовершеннолетний племянник Виктор находился в блокадном кольце, и все

близкие испытывали глубокое чувство тревоги за их судьбу.

Погиб на фронте Михаил Егорович Пронкин, муж Евгении Петровны, заменивший ее осиротевшей в 1933 году дочери отца. В семье сохранилось семь писем, посланных им с передовой.

Они очень краткие, всего несколько строк написаны карандашом. Текст выцвел и местами его трудно прочесть, но, знакомясь с содержанием писем, понимаешь, что их писал простой, искренний, любящий свою семью человек.

На конверте, в котором в МО Пискаревка были переданы письма, В. В. Голикова написала: «Письма военных лет с 1942 по 1944 год. Мой папочка Пронкин Михаил Егорович». На письме от 10 февраля 1944 года ею же сделана пометка «Последнее». Вот его содержание:

«1944 год. 10 февраля.

Добрый день, здравствуйте, мои дорогие, родные Женя, Валя, Павел и Иван, Шура, Маня! Кланяюсь Вам и желаю всего хорошего. Я жив и здоров, того и Вам желаю. Сообщаю о смерти Ефимова Василия Ефимовича, который до войны жил в Чубаровом переулке, д. 2, кв. 76. Он умер от ран. До свидания. Иду с бойцами. Собираемся в баню. Целую, целую Вас всех крепко. Миша Пронкин».

Больше писем не было. Была похоронка. Попытки Евгении Петровны узнать что-либо о гибели мужа успехом не увенчались.

После окончания Великой Отечественной войны В. В. Голикова продол-

жала работать на фабрике подбивочных материалов, а затем на фабрике «Большевичка» и в торговой фирме «Пассаж». Десять лет была донором. С 1973 по 1975 год избиралась народным заседателем во Фрунзенском районном народном суде.

За свой труд в годы войны и мирное время она получила много наград, в том числе медали «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Ее муж Павел Иванович был участником Великой Отечественной войны. Он служил в Военно-Морском Флоте и сражался в районе Кенингсберга.

Их сын Юрий Павлович вырос достойным уважения человеком. Он гордится своими родными, которые вместе со всем советским народом сражались и победили в самой кровопролитной и жестокой войне XX века.

А. А. Самохвалова

Карина Магомеджаева, 10 лет, ГБОУСОШ №71

Мы в ответе за память

ДЗЫНДРА Иосиф Максимович и Мария Егоровна

Мои родители — Дзындра Иосиф Максимович (1916-1999) и Дзындра Мария Егоровна (1918-1984) — были в числе защитников нашего города от врагов в годы Великой Отечественной войны. Они приехали в Ленинград еще до войны, в 17-летнем возрасте, отец — с Украины, мать — из Тверской области. Отец поступил в военное училище, мать — в железнодорожное.

В годы войны моя мама работала дежурной по станции Кирпичный завод, отец был командиром зенитной батареи, которая охраняла эту станцию от вражеских бомбежек.

Станция Кирпичный завод имела военное значение для блокадного Ленин-

града. Здесь были расположены тупики для бронепоездов, для грузовых поездов с боеприпасами и топливом. Недалеко от станции были торфоразработки и дровяной склад, откуда в Ленинград отправлялись грузовые поезда с топливом. На станции нужна была четкая, слаженная работа, которую и выполняла моя мама со своими сослуживцами-железнодорожниками.

Фашисты неоднократно пытались уничтожить станцию Кирпичный завод. Однако зенитчики четко отражали нападения врагов, лишь один раз фашистам все-таки удалось сбросить бомбу прямо на платформу станции. После прорыва блокады через станцию в Ленинград

стали проходить эшелоны с продовольствием.

Первый эшелон с хлебом встречала моя мама: она вручала жезл машинисту, давая эшелону «зеленую улицу», и плакала: «Наконец-то, люди дождались хлеба!» — ведь хлеб в то время был жизнью для всех, кто находился в блокадном городе.

На станции Кирпичный завод мои родители познакомились и подружились на всю жизнь, здесь они вместе защищали наш город, здесь же в июле 1943 года получили медали «За оборону Ленинграда».

В январе 1943 года мой отец принимал участие в боевых действиях по прорыву блокады Ленинграда в составе 461-го стрелкового полка 142-й Краснознаменной стрелковой дивизии. 4 февраля 1943 года он был ранен, стал инвалидом войны. За боевые заслуги в 1943 году был награжден орденом Красной Звезды. После войны в 1945 году был награжден еще и орденом Отечественной войны I степени. Всего у отца два ордена и одиннадцать медалей, у мамы — шесть медалей.

Моя мама с сентября 1945 года до ухода на пенсию в 1974 году работала дежурной по станции Пискаревка. Она всю свою трудовую жизнь была железнодорожницей. За добросовестную работу ее неоднократно награждали почетными грамотами и медалями, она была Почетным железнодорожником и Ветераном труда. Всего мама проработала на Октябрьской железной дороге с 1938 по 1974 год.

Идут годы. Время многое уносит из памяти людей. Моих родителей уже нет в живых, нет в живых уже многих, кто выстоял в страшной войне, но память о них должна остаться в сердцах детей, внуков, правнуков и следующих поколений.

Немеркнущий огонь памяти — в наших руках, и мы в ответе за эту память!

Краскана Людмила Иосифовна

Мы жили на улице Рубинштейна

ЕВСТИФЕЕВ Валентин Анатольевич

Я родился в Ленинграде 15 февраля 1932 года. В 1941-м, когда началась Великая Отечественная война, мне было девять лет, я окончил второй класс.

Жили мы в Дмитровском переулке в центре города. Мой папа ушел на фронт бить немцев, а мы — я и маленький братишка Сергей, которому было полтора годика, — остались с мамой.

В сентябре 1941 года я пошел учиться в третий класс. Занимались мы в бомбоубежище на улице Рубинштейна. Но вскоре занятия прервались, так как немцы стали бомбить город, были взорваны Бадаевские продуктовые склады. Я ходил один на эти склады и выкапывал из земли сахар. В сентябре 1941 года бомбили нашу улицу — Дмитровский переулок. Одна из первых бомб попала в бомбоубежище, где в это время были люди, все они погибли. Другая бомба попала в наш дом, мы с братиком успели сбежать до второго этажа, и нас накрыло взрывом. Мамы с нами не было. Нас с братиком откопали, брату повезло — я накрыл его своим телом, и он не пострадал. Мне же досталось — я был ранен, получил осколочное ранение правой ноги, лица, головы и контузию. Меня отправили в госпиталь, который находился у Аничкова моста.

Военная часть отца находилась в Кобоне на другом берегу Невы, но он смог приехать в госпиталь и забрать меня. Наш дом был разбит, и он перевез нас к родственникам на улицу Рубинштейна в дом

на углу с Графским переулком. Там на пятом этаже жили дедушка и бабушка, мы всю войну прожили у них.

Третья бомба попала в дом, который выходил в садик на нашей улице. Картина была ужасная: стены у дома не было, и все квартиры были наружу. Погибло очень много людей.

В 1941 году зима была очень холодной, температура доходила до -41°C . На Невском проспекте я видел замерзших людей.

Немцы бомбили Аничков мост, но попадали в Фонтанку, от взрывов были большие дыры во льду, и я, как и другие, брал из Фонтанки воду и носил домой.

В доме на улице Рубинштейна я помогал на чердаке тушить зажигательные бомбы, а их сбрасывали часто, так как пытались разбомбить Аничков мост. Самолет, который бомбил наш переулок, был сбит и упал в Таврическом саду. Со слов моего отца, летчиком была женщина.

Потом с нами произошел ужасный случай — у мамы украли карточки на получение продуктов. Мы стали голодать. Целую неделю мама нас спасала как могла, но нам повезло: через неделю найденные карточки были опущены кем-то в наш почтовый ящик! Продукты по ним были выкуплены всего на два дня, так что мы были спасены!

Люди голодали, было очень страшно ходить одному за пайкой хлеба, но надо было помогать маме, так как братик был

маленький. Когда я ходил за хлебом, на улице Рубинштейна напротив Толстовского дома №17, где отоваривали карточки, возле булочной стояла девочка, вся избитая, и просила, чтобы кто-нибудь ей подал. Били ее дома за то, что она ничего не приносит, и я давал ей крошки от полученных 125 граммов хлеба.

На первом этаже нашего дома жила семья дворника. Дворник убил бегавшую во дворе собаку, и они ее съели. Вскоре он умер, а его жена убила свою дочь, мясо посолила и съела. Вскоре и она умерла. Было страшно, но голод брал свое. У нас были родственники, которые жили в доме на углу Загородного и Московского проспектов (сейчас там метро). Однажды в 1942 году мы пришли к ним в гости, они угостили нас супом, было очень вкусно и сытно. А после нам сказали, что от голода нас спас их любимый кот Васька.

Блокаду мы пережили. Те, кто мог ходить, и те, кто возвращался из эвакуации после снятия блокады, стали восстанавливать наш город, очищать от трупов людей, которые были сложены штабелями во дворах и подвалах. Мертвецов отвозили на Московский проспект в парк, и я своего дедушку тоже отвез на саночках. Мы остались вчетвером: бабушка, мама, братик и я. Папа был на фронте.

Когда война закончилась, мне было 13 лет. Мама прибавила мне один год в метрике, и меня приняли в ремесленное училище СУ №28.

Я проучился два года, и училище закрыли. Я поступил в другое ремеслен-

ное училище, которое окончил и получил специальность токаря. Работал на заводе. В 1951 году меня призвали в армию. Служил я три года в Прибалтике. После службы вернулся на свой завод, затем перевелся в институт «Морфизприбор», где работал токарем и учился в школе рабочей молодежи. Так я смог получить среднее образование.

В институте я отработал 50 лет. Был членом профкома. Награжден медалью «За заслуги в народном хозяйстве СССР ВДНХ», орденом «Знак Почета», медалью «Ветеран труда», имею знак «Житель блокадного Ленинграда» (приравнивается к ветерану Великой Отечественной войны).

Когда я вспоминаю блокаду...

ИВАНОВА Валентина Петровна

Когда я вспоминаю блокаду, мне становится очень холодно и голодно.

Родилась я 15 сентября 1938 года в институте имени Мечникова (тогда 2-й Медицинский институт). Семья наша проживала по адресу: Ключевая улица, 18, квартира №21. Это был дом, в котором жили работники Машиностроительного завода №7 (сейчас завод «Арсенал»).

На заводе трудились мои родители. Папа, Иванов Петр Михайлович, 1907 года рождения, работал формовщиком в цехе №14 с 24 июня 1936 года до самой смерти. Он умер 10 января 1942 года

и похоронен на Богословском кладбище в братской могиле.

Лето 1941 года мы с мамой проводили в Тверской области у ее родителей. 20 августа 1941 года папа прислал телеграмму: «Срочно приезжайте. Завод эвакуируют в Красноярск». Начались сборы со слезами бабушек-дедушек, так как мама была беременна, на восьмом месяце.

Когда наш поезд подъезжал к Малой Вишере, начался обстрел. Раздается команда: всем срочно в укрытие. А кругом открытая местность, поля морковные... Все бегут. Бежим и мы. Мама прячет

меня в междурядья и прикрывает сверху собой. Фашистские самолеты постреляли и улетели, видимо, их настигали наши самолеты.

Приехали в город. Папа встретил нас на вокзале и сказал, что завод эвакуируют, а литейный цех №14, цех непрерывной работы, остается в Ленинграде. Так мы оказались в блокаде.

Поскольку папа жил без нас, его перевели на казарменное положение, он работал и жил на заводе, там же, в столовой, питался.

Дома никаких запасов продуктов не было. Сентябрь 1941 года. Помню, я гуляла возле дома. У парадной стояла ванна, наполненная водой. Я играла там с пластмассовой лодочкой. Помню, как хотелось кушать. Мама варила манную кашу. Я облизывала тарелку со всех сторон и каждый свой пальчик.

Дальше... Дальше провал в памяти.

Папе трудно было ходить на завод: голод, опухшие ноги. Его бригадир Александр Поляков предложил нашей семье перебраться поближе к заводу и жить с его семьей на Кондратьевском проспекте, 48, в квартире №2 на втором этаже. В этой квартире умер мой папа 10 января 1942 года.

Был очень морозный январь. Папа уже не мог двигаться. Лежали в кровати втроем: папа, я и маленькая сестричка Тамара, — укрывшись двумя ватными одеялами. Мамы дома не было. Она уходила на работу на Минеральную улицу в один из отделов завода «Арсенал». Папа ска-

зал: «Доченька, обними меня и поцелуй, я умираю». Так не стало папы.

Мама вместе со своей сестрой помыли, одели папу и на санках отвезли на Богословское кладбище. Могильщики говорят маме: «Дай буханку хлеба — похороним в могиле». На что мама ответила: «У меня нет столько хлеба, у меня две малолетние девочки дома голодные».

После смерти папы мамин крестный забрал нас к себе на Бармалееву улицу и поселил в кочегарке. Там было тепло и была вода.

Когда мама уходила отоваривать карточки, она затепливала лампаду и оставляла кусочек хозяйственного мыла (приманку от крыс). Приходилось накрываться одеялом с головой, потому что крысы бегали по нам как лошади.

В начале февраля от голода умер мамин брат, Шульчин Александр Иванович, мой крестный. Он все время просил маму

поймать хотя бы воробушка. Но никаких птиц не было. В феврале умерла моя маленькая сестричка Тamarочка. Оба они, мой крестный и сестричка, похоронены на Серафимовском кладбище.

Папин брат Иванов Михаил Михайлович всю войну служил в Кронштадте моряком. Он остался жив.

Мамин крестный стал уговаривать маму эвакуироваться. Уговаривал долго, ведь прибавили хлебную пайку, и мама колебалась, надеясь на дальнейшее улучшение. Наконец, она решилась, и 28 марта 1942 года мы эвакуировались по Дороге жизни к дедушке и бабушке в тверскую деревеньку.

Наступила самая счастливая пора моего детства. Мы прожили там до августа 1945 года.

По возвращении в Ленинград в 1945 году пришла пора идти в школу. Мама вышла замуж. Мы жили на Пушкинской улице. Я училась в школе №212 на Лиговском проспекте. После школы училась в техникуме, работала и окончила институт.

Моя взрослая жизнь прошла в центре города, а в 1965 году я снова вернулась в свой Калининский район, где живу до сих пор.

Я хорошо помню, что было с нами

ИВАНОВА (Николаева) Нина Ивановна

Я, Нина Ивановна Иванова, в девичестве Николаева, родилась в городе Калинин (Тверь) 15 марта 1936 года.

Нас в семье было пятеро детей и все девочки. Папа очень хотел сына, но рождались только дочери.

В Ленинград мы переехали в 1940 году. Долгое время жили в Парголово. Наша мама рано овдовела, и вся тяжесть по содержанию семьи, воспитанию детей и ведению домашнего хозяйства легли на ее плечи. Старшие девочки, как могли, помогали ей, но все равно маме было очень тяжело.

Когда началась война, мне было пять лет. Но я хорошо помню, что было с нами. Помню, как нас бомбили и обстреливали. Бомбоубежища надежного в нашем доме не было. Просто были вырыты щели в земле. Первое время мы там укрывались, а потом перестали. Во время тревоги оставались дома. Соседи тоже.

В нашем доме было печное отопление, но к началу блокады запастись дровами мы не успели, поэтому собирали на улице ветки, щепочки, обломки разрушенных деревянных домов и все, что можно было положить в печку и хоть немножко согреться.

Трудно было и соблюдать чистоту. В водопроводе воды не было, добывали ее в колодцах. Мыла тоже не было. Я заболела чесоткой и на меня напали вши.

Но страшнее всего был голод! Все время хотелось есть. От голода у меня опух-

ли руки и ноги. Особенно трудно было в декабре, когда нам стали давать по 125 граммов хлебушка, а маме на ее рабочую карточку — 250. Мама своим пайком делилась с нами. Старшая сестра Валентина очень беспокоилась за маму и просила ее поберечь себя, но мама говорила: «Они ведь маленькие». Так что нам четвертым доставалось побольше хлеба.

Потом с конца декабря норму хлеба и других продуктов стали понемногу увеличивать, но все равно было очень трудно, и мама стала искать дополнительный приработок. Рядом с нами была расположена воинская часть, и мама стала обслуживать военных: то кому-то постирает, то что-нибудь сошьет или починит, поможет пол, а ей за это в кастрюльку нальют супчику или положат кашки. Все это она несла домой, и мы все вместе это съедали. Мама брала себе меньше, стараясь, чтобы нам, детям, досталось побольше.

Вы не удивляйтесь, что я еду называю ласково: «супчик», «кашка». В то время пищей очень дорожили и берегли каждую крошку. Особенно хлеб. Его называли «хлебушек», «хлебец», «хлебчик». В те годы купить хлеб за деньги было невозможно, можно было только выменять, но ценных вещей у нас не было. Поэтому мы имели только то, что нам давали по карточкам, и то, что было заработано непосильным трудом нашей измученной голодом и лишениями мамы. Она спасла нас всех.

Всю блокаду я прожила в Ленинграде. Во время блокады пошла в школу, в первый класс. В мирное время после школы я поступила на завод «Светлана», где и проработала сорок лет. Очень хотелось учиться дальше, но не получилось из-за болезни. На заводе я активно выполняла общественные обязанности. Состояла двенадцать лет в комсомоле, была профгруппоргом, стражделегатом... У меня много грамот. Я ветеран труда, имею звание «Почетный светлановец».

В 1964 году я вышла замуж, а в 1965-м у меня родился сын Володя.

Мама уже давно нет. Из пятерых сестер я осталась одна.

Я хочу немного рассказать о старшей сестре Валентине. Она родилась в 1923 году и всю войну прослужила в действующей армии: была писарем, прачкой, поваром, рыла окопы. С фронта она писала нам письма и открытки. У нее много наград как военного, так и мирного времени.

Несмотря ни на что, жизнь продолжается. Здоровье плохое, но я стараюсь поддерживать себя: занимаюсь гимнастикой, соблюдаю диету.

Муж тоже тяжело пережил военное время. Мы оба инвалиды второй группы. К сожалению, все пережитое нами сказало и на здоровье нашего сына. Он тоже инвалид второй группы.

В 1989 году я получила звание «Житель блокадного Ленинграда». Также я являюсь членом Общества жителей блокадного Ленинграда. Я с уважением от-

ношусь к той работе, которую они выполняют. Иногда и мне дают разовые поручения, которые я стараюсь быстро и аккуратно исполнить.

Хочу выразить особую благодарность активу нашего общества (ЖЭУ 22/1, МО Пискаревка): Богдановой Валентине Петровне, Барсуковой Людмиле Александровне, Бобровой Софье Евгеньевне — за то, что не забывают нас, блокадников, поздравляют с праздниками и днями рождения, приглашают на концерты, праздничные чаепития, гуляния в наших скверах... Огромное за это спасибо!

Дай Бог всем нам, пережившим войну, здоровья и многих лет!

*Война закончилась давно,
Мелькают годы, как в кино,
Но в памяти останутся навеки
Отцы... солдаты... даже дети...
Кто на земле, кто в небе, кто на море
Свою Отчизну рьяно защищал.
Шли в бой они без страха и без боли.
Мы помним всех, кто землю отстаивал!
Шли в бой они, чтоб мирным стало время,
Чтоб чистый воздух был над головой
И чтоб огонь не польхал когда-то,
Шли русские солдаты смело в бой.
Героям нашим — только слава!
Ваш подвиг не забудем никогда!
Ведь вы — наш мир, вы — наша радость.
В историю войдут все ваши имена!*

Горбунова Ольга,
школа №156

Судьба хранила нашу семью

КНЯЗЕВА (Калинина) Лениана Алексеевна

Когда началась война, наша семья состояла из четырех человек: папа, Калинин Алексей Лукьянович; мама, Мария Михайловна; старшая сестра Майя четырнадцати и я — пяти с половиной лет.

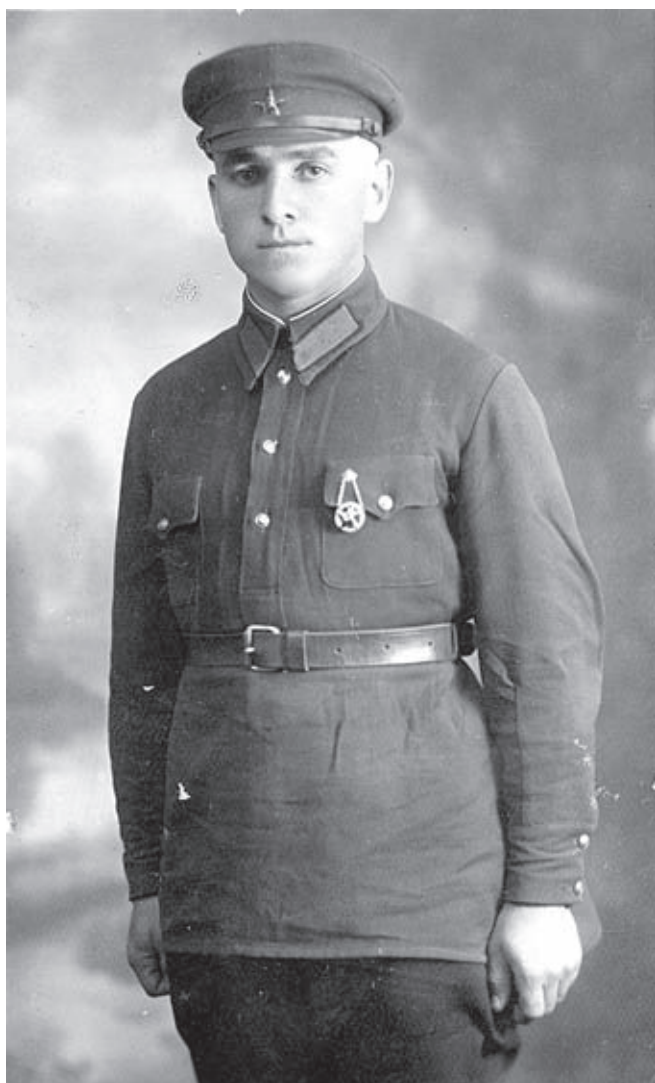
Наши родители поженились в 1926 году, когда отец еще был студентом Лесотехнической академии. В следующем году появилась на свет моя старшая сестра, инвалид детства (у нее были больные ноги). Первое время они жили в семейном общежитии при ЛТА, а затем получили комнату на углу Сердобольской улицы и проспекта Карла Маркса (Б. Сампсониевский пр.) в доме №1/92 (сейчас Сердобольская ул., 1). Этот дом называли «Ленинским», так как здесь располагался музей-квартира В. И. Ленина — в его последней конспиративной квартире, откуда Ленин в октябре 1917 года ушел пешком в Смольный, чтобы возглавить вооруженное восстание (кинофильм «Ленин в Октябре»). Эта квартира №20 находилась на четвертом этаже, а мы жили в коммунальной квартире №21 в полуподвале и входили с соседней парадной.

В июне 1941 года сестру взяли в Институт им. Турнера на очередную операцию, но из-за начала войны операцию отложили, и она вернулась домой, а детей, находящихся на лечении после операций, отправили долечиваться в Крым, в санаторий г. Саки. Позже стало известно, что, когда Крым оккупировали нем-

цы, в этом санатории они устроили госпиталь, а детей-инвалидов расстреляли.

Меня с детским садом отправили на дачу в Боровичи, но были мы там недолго: стали приезжать родители и увозить своих детей. В результате нас осталось всего несколько человек. Наконец и за мной смог приехать папа, но добираться до Ленинграда нам пришлось очень долго, так как поезда уже не ходили. Мы шли пешком проселочными дорогами, останавливались в каких-то деревнях. Однажды ночевали в доме лесника, где меня угостили очень вкусной, ароматной лесной земляникой с молоком. Для меня это осталось самым ярким воспоминанием за всю дорогу. Потом, помню, какое-то время ехала на телеге почтальона, а папа шел рядом.

С одной стороны нашего дома проходит железная дорога, за ней находится здание станции Ланская и трамвайный парк им. Калинина. С другой стороны, если перейти через проспект Карла Маркса, начинается парк Лесотехнической академии, где во время войны находился запасной командный пункт и стояла зенитная батарея. Поэтому обстреливали и бомбили нас часто, но, как ни странно, в дом ни разу не попали (падали только зажигалки, но на чердаке всегда были дежурные). А однажды прямо перед Ленинской парадной упала большая бомба, но почему-то не взорвалась. Воронка же была громадная и прямо у той стены дома, за которой находилось бомбоубежище.

Однажды мы, дети, играли во дворе у железнодорожной насыпи и вдруг увидели немецкий самолет. Он летел очень низко. Летчик в шлеме и больших очках высунулся из кабины и был хорошо виден. Мы смотрели на него, а он разглядывал нас.

Перед самой войной отец получил назначение на работу в Вильнюс в Наркомат лесного хозяйства и 20 июня 1941 года, согласно предписанию, выехал к новому месту службы. Доехать успел только до

Полоцка: в Литве уже были немцы. Вернувшись в Ленинград, пока была действительно бронь, он работал на строительстве оборонительных укреплений; участвовал в оборудовании бойниц в окнах домов: город готовился к возможным уличным боям. Иногда его отпускали домой, и он сделал ставни на наше окно: два ряда досок, а между ними — толстый слой песка. Во время воздушных тревог и обстрелов мы с сестрой в бомбоубежище никогда не ходили, а мама в это время должна была находиться на зенитной батарее в парке ЛТА: перевязывать раненых, подносить снаряды.

В сентябре 1941 года папа пошел добровольцем на фронт. Был зачислен политбойцом и рядовым разведчиком в отдельный разведбатальон и уже через девять дней участвовал в разведке боем, из которой вернулось только семь человек. Во время другой разведывательной операции на обратном пути группа заблудилась. Стали совещаться. Папа, будучи лесником, хорошо ориентировался и указывал одно направление, а другой «знарок» стал спорить. В итоге мнения разделились, и часть бойцов пошла с отцом, а часть — в другую сторону. Папа вывел свою группу к нашим, а остальные напоролась на немцев, зашли в болото и все там полегли.

Старшая сестра отца, Феодора Лукьяновна Афанасьева, жила напротив Александро-Невской лавры. Сейчас на месте этих домов находится метро и гостиница «Москва». Однажды папа зашел ее на

вестить, а она лежала мертвая и, видимо, уже давно. Когда отец ее переключивал, то слегка поранил руку и в ранку попал трупный яд. В результате он с заражением крови оказался в госпитале.

После выздоровления папа служил в артиллерийской части, был наводчиком 76-миллиметрового орудия. Затем снова госпиталь — теперь уже с дистрофией. Во время лечения иногда выдавали небольшую порцию кагора для восстановления сил. Наш папа всегда был непьющий и некурящий и отказывался от вина в пользу врачей. Те были ему очень благодарны, так как сами едва держались на ногах. Еду больные тоже должны были обязательно съедать сами, но папе все же иногда удавалось припрятать часть своей порции, чтобы отдать маме, когда она приходила его навестить.

Затем он служил в качестве начальника хозяйственной части инженерно-саперного батальона и внештатного работника политотдела. После прорыва блокады Ленинграда участвовал в освобождении городов: Псков, Остров, Тарту, Валга, Рига.

Затем их часть была направлена в Маньчжурию, так что с войны он вернулся только в октябре 1945 года в звании старшего сержанта. Награжден орденом Красной Звезды и медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», «За победу над Японией».

Оба сына тети Феодоры погибли на Ленинградском фронте.

Старший сын, Афанасьев Валентин Павлович, был кадровым военным. Служил в Москве в Кремлевских частях, затем участвовал в финской войне, где получил серьезное ранение в плечо, и после выздоровления был комиссован. Затем работал на табачной фабрике им. Урицкого, ремонтировал оборудование. Когда началась Великая Отечественная война, записался в народное ополчение от этой фабрики. Воевал вместе со своими сослуживцами и в сентябре 1941 года был тяжело ранен в живот в бою под Гатчиной. Был похоронен там же в братской могиле. В начале 1980-х годов вместе с другими воинами, погибшими в тех местах, был перезахоронен в общую братскую могилу в поселке Тайцы.

Его жена Валентина, москвичка, пережила с ленинградцами всю блокаду, а после войны уехала обратно в Москву к родным. Память о муже сохранила на всю жизнь и почти каждый год, пока позволяло здоровье, приезжала в День Победы поклониться его праху.

О судьбе младшего сына тети Феодоры, Николая, только что окончившего школу и сразу же ушедшего на фронт, долго ничего не было известно. Только после войны мы узнали, что при отступлении наших его, тяжело раненого в ноги, подобрала местная жительница, оставила у себя, стала выхаживать, очевидно, выдавая за родственника. Но у Николая началась гангрена. Глядя на его мучения, женщина не выдержала и рискнула обратиться к немецкому врачу за помо-

щью. Тот пришел, осмотрел Николая, но лечить отказался, сославшись на отсутствие медикаментов. Женщина похоронила Николая и при первой возможности написала письмо родным. После войны к ней приезжала одна из наших старших двоюродных сестер, узнала, где его могила, но смогла ли показать это место еще кому-нибудь из родственников, я не знаю, так как вскоре эта сестра уехала с мужем в другой город, и мы редко общались.

Кроме нас в квартире жила еще одна семья, и одна маленькая комната пустовала. Туда перед войной поселили молодую женщину-беженку. Она была угрюмая и неразговорчивая, никто не знал, откуда она и даже как ее зовут. Знали только, что работает якобы на заводе «Светлана». Она никогда не готовила еду и вообще появлялась редко, сразу уходила в комнату, даже ночевала не всегда. Вскоре она родила девочку и повела себя еще более странно: часто уходила и запирала ребенка в комнате. Было слышно, что девочка плачет, но сделать мы ничего не могли. И мама, и соседка предлагали ей помощь, но она в ответ молча уходила в комнату. В результате девочка умерла, а крысы объели ей лицо, а, может, сначала крысы... Перед войной они стали появляться в квартире, но с ними боролись: заделывали лазейки, ставили капканы, а вот у беженки в комнате, видимо, ничего не предпринималось. Потом она исчезла так же неожиданно, как и появилась.

За домом, на так называемом заднем дворе, был ряд дровяных сараев, а за

ними — территория садоводства, где до войны выращивали цветы. Осенью 1941 года цветов уже не было, но ребята обнаружили участок, где росла капуста: из земли торчали кочерыжки. Очень быстро мы с ними расправились, а в квартирах нашего дома, где были дети, запахло капустой.

В доме было печное отопление, но в блокаду печку мы не топили. Папа поставил посреди комнаты «буржуйку». Дрова довольно быстро кончились, но рядом находилось несколько уже нежилых деревянных домов, которые быстро были разобраны по досочкам.

Вообще от зимы 1941-1942 года остались в памяти холод, темнота, постоянное чувство голода и редкие радостные моменты: приход отца с «подарками».

Перед войной папа работал директором Сиверского леспромхоза. Летом мы всей семьей жили с ним на Сиверской. Дом стоял на горе, а рядом находился колодец глубиной 15 метров. Несмотря на глубину, воды там было по колено. Как-то раз мама доставала воду, о чем-то задумалась или отвлеклась и, как говорится, «не справилась с управлением» — упала в колодец. В результате у нее в пяти местах был сломан позвоночник. Ее отвезли в больницу, а нам на летнее время маму заменила двоюродная сестра Тамара, уже достаточно взрослая, чтобы готовить еду и присматривать за нами.

В конце лета мы с Майей вернулись в город. Там вести хозяйство нам помогали по очереди старшие папины сестры.

Они заметили, что у нас нет никаких запасов продуктов и кое-что подкупили. В дальнейшем, в блокаду, остатки этих запасов на какое-то время нас выручили. А еще как-то мама обнаружила в дальнем углу кухонного стола несколько пачек уже прогорклого толочка и мешочек с ячневой крупой, которая была куплена давным-давно, но каша из нее нам тогда не понравилась и про эту крупу забыли.

А сколько радости было, когда на шкафу обнаружили несколько плиток столлярного клея! В 1937 году отец некоторое время не работал. За этот период он сделал книжный шкаф с выдвигаемыми стеклянными дверцами, как в кабинете Сталина (видел в кино). Шкаф был рассчитан на полное собрание сочинений Ленина, Сталина и 64 тома Большой Советской энциклопедии. Вот клей и остался. Этот шкаф стоит до сих пор, несмотря на то, что весной наш полуподвал затопило, и нас переселили этажом выше в комнату, где взрослые умерли, а двух маленьких девочек отправили в детский дом. Очень кстати нас навестил папин друг из Лесотехнической академии и помог перетащить вещи и этот шкаф со всеми книгами. Еще он принес хвойный экстракт, который разработали в лаборатории Академии. Он спас нас от цинги.

Ближе к зиме маму направили работать в детский приемник-распределитель, куда доставляли детей, оставшихся без родителей. Там их отмывали, подкармливали и отправляли в эвакуацию. Так как маме приходилось мыть посуду,

чистить кастрюли и котлы, в которых варились пища для детей, ей иногда удавалось наскрести остатки пригоревшей каши со дна котлов. Боясь, что ее за это накажут, она эти остатки заворачивала в бумажку и куда-нибудь прятала, а затем тайком выносила — для нас. Однажды она не нашла припрятанный пакетик. То ли забыла, куда положила, то ли его нашел кто-то другой. В то голодное время это было для нее настоящим горем! В последние годы жизни — а прожила она почти до 90 лет — бывало, вспоминала этот случай, заново переживая пропажу.

Как-то на работе мама обварила себе ногу кипятком. Несмотря на предпринятое лечение, ожог не заживал: организм был сильно ослаблен, не хватало витаминов. Врач посоветовал ей смазывать ногу рыбьим жиром. Но где же было взять его в то время? Однажды мама шла по улице с палочкой, сильно хромя. Какая-то женщина остановила ее и спросила, что случилось. Выслушав мамин рассказ, женщина вспомнила, что до войны ее муж смазывал сапоги рыбьим жиром. Пузырек с жиром у нее сохранился, но там была грязь от сапог. К счастью, она осела на дно, а сверху был относительно чистый слой жира. Этот пузырек женщина отдала маме, и нога действительно быстро зажила.

Когда пришла весна, зазеленела трава: одуванчики, подорожник, лебеда, крапива. Мама пекла из травы лепешки, кажется, было даже вкусно.

Уезжать в эвакуацию мама не хотела, долго сопротивлялась, но папа ее угово-

рил, и в конце августа 1942 года она, наконец, решилась. Папу отпустили с фронта, чтобы помочь нам собраться.

На Ладоге мы чуть не погибли: сначала мы не успели погрузиться на катер, мама расстроилась, пришлось ждать следующего. Затем у того катера, на который нас посадили, посреди озера заглох мотор. Пока матросы занимались починкой, мне было очень приятно качаться на волнах, греясь на солнышке. Но взрослые очень волновались, так как течением нас стало относить в сторону берега, занятого немцами. К счастью, мотор починили, и мы вышли на прежний курс, а предыдущий катер, как оказалось, разбомбили немецкие самолеты, и нас уже сопровождали наши истребители.

Когда добрались до берега, пришлось долго ждать машину для продолжения пути. Мы с сестрой сидели на вещах, а мама куда-то отлучилась. Мимо проходили двое военных, остановились около нас. Мы, наверное, выглядели очень измученными и несчастными. Один спросил, нет ли у нас какой-нибудь кастрюльки. Майя порылась в вещах, нашла небольшую посудинку и отдала военным. Те ушли, а через некоторое время вернули ее нам с моей любимой гречневой кашей, да еще и с маслом. Вскоре вернулась мама, но много есть нам не разрешила: она уже знала, что случается с изголодавшимися людьми от обильной пищи.

Потом мы очень долго ехали в теплушках, но на станции Лиски наш эшелон разбомбили. Нам же опять повезло —

мы остались живы, но на этой станции задержались надолго. Сидели мы на чемоданах прямо на улице, хорошо, что была теплая погода.

Почти после двух месяцев пути нас привезли в Казахстан на станцию Чу, где-то под Джамбулом. Потом на арбах, запряженных волами, верблюдами и даже коровами, эвакуированных стали развозить по колхозам. Мы попали в аул недалеко от границы с Киргизией.

Советская власть там была чисто формальной: председатель колхоза — бывший батрак, но настоящим хозяином был по-прежнему бывший бай, который числился кладовщиком. Его боялись не только эвакуированные. Мы прозвали его Крокодил: низкорослый, кривоногий, злобный, с торчащими зубами. Когда мы уезжали, папа заставил маму взять с собой несколько его новых вещей для продажи. Так вот, папино зимнее пальто с каракулевым воротником приобрел именно Крокодил (дал нам за него немного зерна) и разъезжал в нем на лошади и зимой, и летом, носил его вместо национального стеганого халата.

Жили в мазанках: постройках из камыша, обмазанного смесью песка и навоза, с земляным полом. В одной половине жили хозяева, во другой — мы. У хозяев стены и пол — в шерстяных самодельных коврах, одеялах и подушках; у нас стены и пол — голые, из мебели — топчан с матрасом, набитым травой, и «буржуйка». Январь в тот год выдался на редкость холодным: температура до-

ходила до -40°C . Казахи говорили, что это ленинградцы привезли такой мороз. Мама даже обморозила руки, когда ходила в степь за камышом и кизяком — эта было единственное топливо. Стены промерзли насквозь, даже одеяло одной стороной примерзло к стене. Пока продолжались морозы, мы с сестрой, одетые во все теплое, не вылезали из-под одеяла. Хорошо, что зима там короткая.

Летом эвакуированные работали на бахче и на хлопковых полях с 6 часов до 11 утра, потом перерыв до 3 часов дня и снова на работу. Утром Крокодил лично объезжал дома, где жили эвакуированные, и торопил отправляться на работу даже больных, подгоняя их плеткой.

Папины вещи мама обменивала на зерно. Мы его мололи вручную на каменных жерновах и пекли лепешки, а мама, приходя с полей, приносила арбуз или дыню. Этим мы, в основном, и питались. Правда, иногда хозяева угощали нас бешбармаком: что-то вроде супа, только мясо, бульон и полоски теста едятся по отдельности.

Как-то раз мама решила заготовить дыни впрок. Нарезала их на ломтики и уложила сушиться на крышу мазанки. Почуввав привлекательный аромат, туда залезла собака и все слопала.

Еще мы ходили в степь за черепахами, но что с ними делать — не знали. Кажется, казахи считали черепах кем-то вроде священных животных...

Тут же, в ауле, с 1939 года жила семья польских евреев, высланная из Западной

Украины. Вернее, от семьи осталась одна девушка, ее звали Юта. Родители умерли, а брата отправили на трудовую повинность. Вестей от него никаких не было, скорее всего, он там тоже умер, так как у него было слабое здоровье. Юта очень бедствовала. Раньше их семья была богатой. Когда их вывозили в Казахстан, они не верили, что это надолго, и совершенно не представляли, что их ожидает. Поэтому среди вещей, которые они второпях захватили, был чемодан с вечерними туалетами (чтобы было в чем «выйти в свет», когда вернутся) и альбом с фотографиями. Раньше они путешествовали по всему миру, имели свою яхту. Юта рассказывала, что в Париже они ели черепаховый суп. Поэтому, когда еще были живы родители, она научилась разделявать черепах. Так вот, мы отдавали ей наловленных черепах, а она угощала нас черепаховым супом. Но особенно мне нравились зародыши яиц: очень нежные желтки разных размеров. До войны я не любила яйца, особенно желтки, а после черепаховых пообещала маме, что буду есть яйца, и свое слово сдержала.

Майя без ортопедической обуви передвигаться самостоятельно не могла, поэтому все время сидела дома. Зато она научилась прясть и вязать. Самодельное веретено и панцирь черепахи мы взяли с собой на память, они хранятся в семье до сих пор.

Когда нечего стало менять на зерно, мама решила бежать из аула тайком, так как легально уезжать не разрешали. Несколько семей пытались уехать, повезло

не всем. Нам это удалось, но страху на-терпелись!..

На станции Чу мама устроилась ра-ботать помощником машиниста на ма-невровом паровозе. Вместо угля там ис-пользовали саксаул, который надо было разбивать на мелкие куски о борт тенде-ра. Это была очень тяжелая работа, а для мамы и вовсе непосильная, учитывая ее травмированный позвоночник. Поэтому ее вскоре перевели на более легкую ра-боту: вызывальщицей поездных бригад. В поселке Кускудук, где мы жили, дома располагались хаотично, не было ни улиц, ни номеров домов. Мама не знала казах-ского языка, казахи плохо или совсем не понимали по-русски. В такой ситуации найти нужных людей было очень трудно, особенно ночью, в кромешной тьме, толь-ко с фонарем в руке. А в каждом дворе были злые собаки...

Там, в посёлке Кускудук, я пошла в школу, окончила первый класс с по-хвальной грамотой.

Летом 1944 года начали приезжать вербовщики, приглашать на работу в Рос-сию, и у нас появилась возможность пе-ребраться поближе к Ленинграду. По вер-бовке мы приехали в Ростов Ярославской области. Мама стала работать в желез-нодорожном ресторане сначала офици-анткой, затем ухаживала за поросятами в подсобном хозяйстве ресторана. Еще она записалась в артель по вязанию шер-стяных платков, притом что рукодельни-цей никогда не была. Вязать, естественно, стала Майя. Она первая из всех артель-

щиц догадалась, как надо вывязывать углы платков, и к ней стали приходить женщины для обучения.

Поселили нас в деревянном доме ста-ринной постройки, где на втором этаже, перед лестницей, была довольно большая площадка. Вот там, за занавеской, мы про-жили последний год эвакуации и встре-тили День Победы.

Узнали об этом где-то в четыре часа ночи. Видимо, новость передавалась от дома к дому (радио в Ростове было в то время редкостью). Народ выходил на улицу, все обнимались, целовались, пла-кали и смеялись. Днем ликование в горо-де продолжалось. Я помню, мы с сестрой ели бесплатно мороженое, а потом также бесплатно в кинотеатре смотрели фильм «Серенада Солнечной долины».

В Ленинград нам удалось вернуться в августе 1945 года, так что в третий класс я пошла уже в родном городе. Сестре на ортопедической фабрике сделали новую обувь, и она пошла доучиваться в вечер-нюю школу, а потом с отличием окончила Военно-механический техникум и работа-ла в НИИ телевидения. Была направлена учиться на дневное (ускоренное) отделе-ние Электротехнического института им. Ульянова (Ленина) и получила специаль-ность радиоинженера. До выхода на пен-сию работала в НПО «Вектор».

После демобилизации в октябре 1945 года папа был направлен в Лисино-Корпус Тосненского района директором разрушенного немцами Лесного техни-кума — старейшего учебного заведения

России (с 1834 года). Стали возвращаться студенты, не успевшие окончить обучение до войны, и приняли активное участие в восстановлении исторического учебного корпуса, созданного в 1855 году архитектором Н. Л. Бенуа, и общежития. Уже 1 сентября 1946 года в техникуме начались занятия. К 1948 году с большим трудом были восстановлены основные учебные и жилые здания первой очереди, созданы условия для нормального учебного процесса и открыты курсы по повышению квалификации лесничих.

До 1958 года папа продолжал работать в системе лесного хозяйства, часто ездил в экспедиции. Затем трудился на заводе им. К. Маркса.

Я окончила Военно-механический техникум (впоследствии Физико-механический), затем училась на вечернем факультете Военно-механического института (теперь Балтийский государственный технический университет им. Д. Ф. Устинова), но не окончила, так как родился сын. Вместе с мужем 36 лет проработала в конструкторском бюро. Там же теперь работает наш сын и уже проходит преддипломную практику внук.

После войны в нашей семье появились еще две девочки. Одна из них, 1946 года рождения, умерла в трехмесячном возрасте. Самая младшая сестра, Зоя, 1949 года рождения, с 5-го по 8-й класс училась в школе №104 Выборгского района в Антоновском переулке.

В 1963 году в связи с подготовкой к празднованию 20-летия снятия блока-

ды Ленинграда члены исторического кружка школы, в котором занималась Зоя, получили задание от Дворца пионеров пройти по партизанским тропам Псковской и Новгородской областей. В тех местах довольно большая территория, окруженная болотами, осталась не занятой немцами, и там всю войну сохранялась советская власть. Жители деревень принимали активное участие в партизанском движении, а узнав о блокаде Ленинграда, решили собрать продовольствие для осажденного города. Руководил сбором продовольствия и переправкой обоза через линию фронта Михаил Харченко.

Вот в этот «партизанский край» и была направлена во время летних каникул группа четырнадцатилетних школьников, чтобы встретиться с бывшими партизанами и родителями Михаила Харченко, погибшего в 1943 году. После этого похода пионерской дружине школы №104 присвоили имя Героя Советского Союза М. Харченко, а вскоре и Антоновский переулок был переименован в улицу Харченко.

Позже Зоя тоже окончила Физико-механический техникум и последние сорок лет работает в ОАО «Компрессор» на Б. Сампсониевском проспекте.

До войны у нас в доме было много детей и подростков. Двор был большим, вдоль ограды росли кусты акации, имелась детская площадка с песочницей для малышей, стояли скамейки. По вечерами здесь собиралось много народу, мужчи-

ны играли в домино. Была даже настоящая волейбольная площадка, где ребята постарше играли в волейбол, а дети помладше — в лапту, прятки, «классики» и другие забытые теперь детские игры. Все жители нашего большого дома хорошо знали друг друга. После войны многих не досчитались.

В 1958 году дом поставили на капитальный ремонт с полной перепланировкой, а жителей расселили по другим домам Выборгского района. Но в год празднования 50-летия полного осво-

бождения Ленинграда от блокады старшая сестра моей детсадовской и школьной подруги Ирмы Витолиной, Майя, умудрилась разыскать и собрать вместе за праздничным столом человек пятнадцать «ребят с нашего двора».

Как было здорово через столько лет встретиться вновь! Это был день воспоминаний о войне, блокаде. Потом каждый рассказывал о себе, своих близких; вспоминали тех, кого не удалось разыскать, и тех, кого уже никогда не будет с нами. Это была радостная встреча «со слезами на глазах».

КОКОРЕВА Елена Петровна

Я родилась в 1922 году в Калининской (Тверской) области, в деревне, недалеко от города Осташков и озера Селигер. У меня были брат и сестра. Мама умерла еще до войны. Мы остались с отцом.

Мы подрастали, надо было работать, как-то устраиваться, и я в 16 лет уехала в Ленинград. Бралась за любую работу, имела хоть и скромный, но свой заработок. Последним местом, где я трудилась, была детская молочная кухня. Когда началась война, то зимой 1941 года случился сильный голод, работы стало очень мало, деткам все чаще стали давать соевые, а не натуральные молочные продукты.

В 1942 году в МПВО (Местная противовоздушная оборона) стали призывать женщин. Я тоже получила повестку из военкомата. Меня послали на учебу. Учили, как спасать людей из разрушенных домов, оказывать им первую помощь и еще многому, что приходилось делать в военное время. После учебы меня послали дежурить на чердаках домов и тушить «зажигалки».

Вместе с другими девушками я охраняла участок Барочной улицы на Петроградской стороне. Там был хлебозавод. Тогда он считался важным военным объектом. Мы дежурили на его крыше, а ночью делали уличные обходы, ведь рядом были трамвайные пути и кольцо нескольких маршрутов, а через Малую Невку от Барочной до проспекта Динамо на Крестовском острове — мост, тогда деревян-

ный. Поэтому немцы нас часто бомбили и обстреливали. Нам надо было быть очень внимательными и осторожными.

Потом нас стали распределять по заводам, и я попала на завод им. К. Маркса. Сначала в первый механический цех, а потом в пятый. Зачищала снаряды для «Катюш». Снаряды были небольшие, размером с молочную бутылку. Нашими мастерами и наставниками были Перцовский и Гуревич.

Летом меня послали на работу в подсобное хозяйство нашего завода. Оно было недалеко от Ленинграда в поселке Лупполово, а после уборочной направили в столовую 21-го ремесленного училища при заводе им. К. Маркса.

В 1944 году я была направлена на лесозаготовки в Ефимовский леспромхоз, где мы, девчата, заготавливали дрова для города.

В 1943 году я получила медаль «За оборону Ленинграда». Есть у меня грамоты и благодарности, есть и юбилейные медали мирного времени, но больше всего я горжусь нашей блокадной медалью.

На заводе им. К. Маркса я отработала несколько лет, в самое трудное время — войну и послевоенные годы. Но было и счастье: здесь же, на заводе, я встретила своего будущего мужа Сергея Петровича Кокорева. Он прошел всю войну, имел военные награды. А главное — вернулся живым. А вот мой отец был призван на фронт и погиб в первые же дни войны.

Наша семья в блокаде

ЛЕВИНА Зоя Константиновна

Левины Ирина Ивановна и Константин Иосифович

Когда началась война, наша семья жила в Ленинграде в доме №2/23 на углу Греческого проспекта и 7-й Советской улицы. Это были мои родители Левины Ирина Ивановна и Константин Иосифович, я и двое моих братьев — Анатолий, шести лет, и Валентин, которому исполнилось два месяца. Папу сразу же призывали в армию, и он ушел воевать с моего благословения: «Иди, папка, на войну! Конники (почему-то?) тебя не убьют». Воевал он на Прибалтийском и Белорусском фронтах в качестве артиллериста — наводчика гаубичной артиллерии.

Он ушел на фронт, и мама осталась одна с тремя детьми на руках и без всякой помощи. За няньку у нас был старший брат — этим он помогал маме. Положение в городе все осложнялось, и мама,

пытаясь спасти семью, решила выехать за город на станцию Пелла, где перед самой войной родители построили новый деревянный дом и мечтали, что все мы там благополучно проживем. Мы испытывали материальные и физические трудности, папа повредил спину и вынужден был лечиться в институте им. Бехтерева, где его поставили на ноги. Но когда мы приехали на вокзал, нам объявили, что немцы высадили десант на этой станции, и нас не пустили. Так что мы с мамой вынуждены были вернуться в городской дом, где жили в подвальном помещении в коммунальной квартире из шести или семи комнат. Соседи были хорошие, помогали друг другу, чем могли. Например, женщины собирали детишек и занимались с ними, чтобы им не было страшно, когда бомби-

ли, а родители уходили по делам. Зато нам повезло в том отношении, что никто не уходил в бомбоубежище, потому что и так жили в подвале.

Мама, когда была свободна (она работала на Дезстанции), старалась раздобыть для нас что-нибудь съестное. Она рассказывала, как под обстрелами вместе с другими женщинами пробирались на Пискаревку, где добывали из-под земли черный творог, давно списанный и утилизированный за непригодностью к употреблению.

За водой мама ходила на Неву. А я сидела у печки и отковыривала извесь, ела ее. Младший брат все время плакал от голода. Он первым и умер. Мама завернула его в одеяло и простыню и отвезла на санках на Пискаревское кладбище.

Одно время руководством города была проведена акция, когда из Сибири завезли какое-то количество кошек для борьбы с грызунами, и они исправно справлялись со своими обязанностями. Но люди не только оценили их труд, но и принялись их есть. Мама спросила старшего сына, будет ли он есть кошку, если она ее поймает. На что он ответил, что лучше умрет, но кошку есть не будет.

Мама уже не работала, сил не было. Изредка нас заходил навестить мамин двоюродный брат дядя Сеня, который служил на Ленинградском фронте, и делился своим скромным солдатским пайком. Он дожил до Победы, как и мой отец.

Обстановка в городе становилась критической: люди умирали от голода, появились случаи каннибализма. Мама рас-

сказывала, что видела, как женщину с верхнего этажа тащили за ноги по лестнице, и больше эту женщину никто не видел. Зимой 1942 года умер и мой старший брат, его тоже отвезли кладбище.

Не знаю, где черпала силы и мужество моя мама в это страшное время, но мы с ней выжили и были эвакуированы весной 1942 года через Ладогу. Когда нас привезли на пристань, нам дали булку с маслом и кофе, вкуснее которых я никогда ничего не ела.

Есть еще одно обстоятельство, о котором я не могу умолчать, хотя после войны прошло уже много лет. Здесь, в Ленинграде, недалеко от нас жил родной папин брат Александр Иосифович Левин. За все время он ни разу к нам не зашел, чтобы хотя бы узнать, жива ли семья его брата. Знаю, что работал он в какой-то организации по снабжению города продуктами. И вот после войны мы встретились с братом отца, когда были приглашены на свадьбу его дочери. И тут выяснилось, что он, его семья и знакомые, будучи в блокаду в городе, вовсе не бедствовали. Все его окружение поднимало бокалы за здоровье их «спасителя» (так они его называли).

Я видела, как тяжело было моему отцу, ведь он так любил своих погибших мальчиков, особенно старшего, на которого возлагал большие надежды. А простой солдат Семен Морозов делился последним, что имел!

Зенкина Лилия Николаевна

Лица блокады

МАРТТИЛА Елена Оскаровна

Елена Оскаровна Марттила родилась в Петрограде в 1923 году. Перед самым началом Великой Отечественной войны окончила среднюю школу. Во время блокады работала медицинской сестрой в детской больнице имени Н. К. Крупской, разбирала развалины разрушенных домов, спасая людей. После войны окончила Художественное училище имени

В. В. Серова. Преподавала графику в том же училище, вела художественные студии в Ленинградском педагогическом институте имени А. И. Герцена и Политехническом институте. Член Союза художников России.

Ниже мы приводим главу из книги С. В. Магаевой «На краю жизни», посвященную этой замечательной художнице.

21 июня 1941 года у Леночки был выпускной бал по случаю окончания школы. Торжественные речи, напутствия учителей, дружеские шаржи Елены на педагогов, шампанское в первый раз... После бала стайки шумных и веселых девушек и юношей выпорхнули из школ в безоблачную белую ночь — последнюю мирную ночь. По набережным Невы гуляли счастливые выпускники, еще не обреме-

ненные взрослыми заботами. Впереди — вступительные экзамены в институты и восхитительная студенческая жизнь. Елена была среди них. Первое полувзрослое платье с рюшечками, но все-таки углубленным вырезом на груди и первые взрослые туфли на высоком каблуке запомнились как последняя улыбка мирной жизни...

В мечтах виделась Академия художеств. Девочка ощущала в себе дар художника, но все-таки сомневалась в успехе, а между тем успехи уже были. В одиннадцать лет Елена победила на Первом всероссийском конкурсе детских рисунков и была принята в школу юных дарований при Академии художеств.

Война нарушила лучезарные мечты и надежды бывших школьников. Взрослая Елена Оскаровна вспоминает, что с началом войны она внезапно почувствовала, что ее собственного «я» больше нет, есть только «мы», и мы непременно победим. Военная опасность пробудила в ней острое чувство гражданской ответственности за Ленинград и ленинградцев.

В первый же день войны выпускники ленинградских школ пришли в райком комсомола в надежде попасть на фронт.

Мальчиков направили в военкомат, девочек — на курсы Красного Креста. Мальчики сражались на передовой, девочки обороняли город, рыли траншеи и строили блиндажи, работали в госпиталях, в сорокаградусные морозы разбирали развалины домов, то и дело падая в голодные обмороки. Слабые руки, огрубевшие от промозглого холода, кирки и лопаты спасали ленинградцев, погребенных под каменными обломками зданий, разрушенных бомбами и снарядами.

Это был трудовой фронт, и Елена работала на этом фронте наравне со взрослыми ленинградцами. А ведь совсем недавно девочку лелеяли родители, любили одноклассники, ласково называли Леночкой, Лялей.

«Однажды я поняла, что до утра не дотяну и, если лягу, встать уже не смогу (до того у меня уже были обмороки с потерей сознания по несколько раз в сутки). Я просто не смела лечь — это был бы конец... И так стало обидно: я молодая, а меня заставляют умирать, как будто жизнь моя ничего не стоит... Я не хотела умереть в постели, как затравленное Гитлером, согнутое, сломленное существо. Я чувствовала, что умираю, но сдаваться не хотела. Я взяла лист бумаги, кисть и, увидев себя в маленьком зеркальце, решила рисовать то, что вижу, лишь бы рисовать. Коптилка слабо мерцала, а я уже увлеклась и не хотела думать о смерти. Пока я водила кистью, прошла ночь. Взглянув на окна, я увидела сквозь щели

Елена Марттила. Автопортрет перед смертью. Февраль 1942 г. Акварель

светомаскировочной шторы слабый свет. Настало утро, которое я не чаяла увидеть! Я преодолела смерть. Я не подчинилась приказу Гитлера — умерить всех ленинградцев. Я победила!

Мне было 18 лет».

«У меня был друг Михаил Лапшин, одноклассник. В марте 1942 года мы повстречались, но разговора не получилось. Мы были крайне истощены. Он только сказал, что бывает в своей квартире и что «часы-то тикают» (цеплялся за живое...). Погиб в 1944 году под Ленинградом».

*Елена Марттила. Встреча.
Март 1942 г. Гравюра на картоне*

«На Балтийском заводе погиб человек, не дойдя до цеха десять шагов... Отчим и тетя работали на Балтийском заводе. В 1941 году, когда моя тетя уже не могла ходить, рабочие завода каждый месяц приносили ее хлебную карточку! Сами голодные, с опухшими ногами, они плелись

*Елена Марттила. Дружинница.
1942 г. Набросок*

«Посвящается сандружинницам Гале Словиковской, Лиде Подрябинкиной, Гале Яхонтовой, Саре Межековской, вчерашним школьницам. В августе-сентябре 1941 года мы вместе учились на курсах Красного Креста. Учились носить раненых на носилках, обрабатывать раны, на-

*Елена Марттила. Через Неву на работу.
Рисунок. Бумага, соус*

кладывать жгуты и шины, обращаться с гранатой и противоголоном».

«Портрет Зайнаб Ахметовны Яфаровой, которая с двумя детьми жила с нами в коммунальной квартире на Васильевском острове (18-я линия, д. 21, кв. 73) до войны, и уже в войну жили мы все вместе в кухне, затем в нескольких местах (после бомбежек и обстрелов наших очередных пристанищ), а потом — у моего отчима на работе. Так ходила Зайнаб Ахметовна через бесконечно большую белую пустыню, по льду — через мост было слишком далеко, да и опасно (мост обстреливался)».

«Съезжаем на лед — а это сплошная вода-река, и машина по борту уходит в нее. Водитель большой, надежный, су-

ровый. Обе дверцы кабины настежь. Грузовик «плышет», как катер, вода у бортов гребнем идет. В воде же стоят регулировщики... По дороге много машин ползатонувших или заглохших, люди, которых они везли, бредут в воде чуть ли не по грудь. Тут же обстрел. И снег валит сырой, густой и крупный. Ни зги ни впереди, ни вокруг. Фары зажгли. Сигнальные огни. Но заблудиться и так невозможно — река ведет. Все молчат, дети тоже. Ревут моторы, бушует вода. Коегде взрывы. Ну, летчикам-то ни зги не видно, промахнутся. Никогда: ни до, ни после — не переживала я такого страха. Мне кажется, я не дышала всю дорогу и впервые в жизни молилась Богу».

Вечерами, после напряженной работы, приходилось заниматься на курсах медсестер. Через два месяца Елена получила диплом медицинской сестры запаса. Она работала в госпитале, в детской

*Елена Марттила. Через Ладогу.
Апрель 1942 г. Автолитография*

Елена Марттила. Дети перед эвакуацией. Зима 1942 г. Рисунок. Бумага, уголь

больнице, помогала учителям своей школы эвакуировать детей.

Из трагического поколения выпускников ленинградских школ живыми остались единицы — всего четыре процента. На фронте погибли все мальчики из Елениного класса, кроме одного. Многих одноклассниц убили лютой голод и промозглый холод застывших улиц и промерзших квартир. Им было все лишь по семнадцать-восемнадцать лет, но они сознательно шли навстречу своей гибели, защищая умирающий город.

Низко склоняю голову перед Еленой Оскаровной и перед ее убитыми и живыми одноклассниками, в 1941 году

окончившими ту же школу №12 на 13-й линии Васильевского острова, которую окончила и я девять лет спустя. Младшие блокадники обязаны им жизнью. Между тем мы — одно поколение. Сверстники Елены Оскаровны ненамного старше нас, но эта «малость» превратилась в трагедию.

В своих записках Елена Оскаровна, вспоминает, что в феврале 1942 года, придя домой поздним вечером, она почувствовала, как исчезают последние силы, и осознала, что если она уступит предсмертному бессилию и ляжет в постель, ей не дожить до утра: мертвый сон одолеет ее и она не сможет проснуться. Стало

обидно, что приходится умирать не в бою, приближая Победу.

С содроганием читаешь эти скорбные строки. Но произошло то, что можно назвать чудом: Елена так разгневалась на фашистов, что решила противостоять смерти до последней капельки жизни.

Святое чувство гнева! Девочка подумала, что если придется погибнуть, то лучше умереть как художник, за работой. Она успокоилась, взяла лист бумаги, приблизила зеркало и... стала писать автопортрет (иной природы не было).

Тускло мерцала коптилка. Вначале Елена с трудом водила кистью, но потом увлеклась работой, забыла свои тревоги и не заметила, как прошла роковая ночь. Слабый свет пробивался в щель маскировочной шторы. Ночь нехотя уступала утру, и Елена вдруг осознала, что победила в жестоком поединке со смертью. Победила свою смерть!

На портрете — серое, пергаментное лицо умирающей не то девочки, не то старушки. Призрачные тени покрывают лицо. Полуопущенные веки, скорбные складки у носа и губ. Девочка-тень,

девочка-призрак... Елена Оскаровна, как вы смогли пережить свою смерть? Подвиг Жизни на самом ее краю доступен немногим. Елена смогла его совершить, гигантским волевым усилием подчинив умирающее тело неукротимому желанию жить...

Возвращаясь домой после изнурительной работы, Елена по свежей памяти писала лица блокадников, встреченных на пустынных улицах, у развалин, в госпитале, в бомбоубежище. Можно подумать, что она хотела оставить лица блокадников в людской памяти как обви-

Елена Марттила. Ленинградская мадонна. Январь 1942 г. Гравюра на картоне

нение фашизму. Женщины, подростки, солдаты. Изнуренные голодом лица с нечеткими, расплывшимися чертами.

Однажды Елене пришлось испытать тяжелое потрясение. В комнату, где жила ее семья, попал артиллерийский снаряд. В квартире оставалась мама. Возвращаясь домой, Елена увидела пробоину в стене. У нее подкосились ноги, сознание помутилось. Соседка помогла ей прийти в себя, сообщила, что мама чудом осталась жива...

Стекла выбиты, столешница разбита в щепу. Мама лежала на полу без сознания. Тогда никто не знал, что последствия контузии останутся с Диной Васильевной навсегда и омрачает ее жизнь и будущее ее дочери.

После разрушения квартиры семья Марттила переселилась в десятиметровую каморку, в которой оказалось девять человек. Но и в таких условиях блокадники поддерживали друг друга, помогая выжить. Это было нормой блокадной жизни.

Зимой 1942 года Елена узнала, что такое лютая боль. Взрывная волна отбросила девочку на груды кирпичей. Удар огромной силы пришелся по позвоночнику. От боли она потеряла сознание. Этот блокадный след навсегда остался с нею и часто проявляется нестерпимой болью, не давая усталой памяти отдохнуть от блокады.

С. В. Магаева

Моя юность и блокада

ПИСАРЕВ Станислав Иванович

70 лет прошло после Победного майского салюта — целая деятельная человеческая жизнь. Для Истории же это ОДИН ШАГ, История бесстрашна, она, фиксируя события, учит человечество, так ничему и не научив. Хищники бродят по планете, им нужна кровь!..

В 1939-1940 годах Европа пылала в огне. Ленинград еще жил обычной трудовой жизнью, но в ней уже витало беспокойство. Последнее мирное лето. (Финскую компанию Ленинград не ощутил.) Из репродукторов неслись лозунги: «Свободу Тельману, дорогу Тельману!» Гремел оркестр великолепного, талантливого певца и дирижера, немецкого антифашиста Эрнста Буша, насколько я помню. Я заслушивался этой маршевой музыкой и песней Эрнста. Она воодушевляла... Бравурный марш и сильный красивый немецкий голос: «...Болотные солдаты идут, подняв лопаты...» и т.д.

Мне шел четырнадцатый год, я многое замечал, но мало что понимал. Взрослые мужчины толпились у газетного стенда, рассуждая о Лиге Наций, о возможной войне и прочем, а газетные полосы помимо этого вещали о награждении артистов, в том числе и Сталинскими премиями. Не знаю почему, но эта информация запомнилась без осмысления.

В конце 1940 года я поступил в ремесленное училище учиться на токаря-универсала. Это было престижно, я гордился будущей профессией и в этом

качестве встретил 1941 год. Наверное, на третий день объявления войны немцы продемонстрировали свою мощь и уверенность в людоедских замыслах: над Ленинградом с запада на восток шли шеренгами сотни самолетов на недосягаемой для зениток высоте, сбрасывая листовки. Что было в листовках, прочесть не удалось — ни одна не приземлилась поблизости от меня, но, рассказывали, вроде «Здавайтесь!».

Фронт приближался быстро, если не ошибаюсь, в августе слышны были орудийные залпы. Ремесленное училище №4 (на проспекте Максима Горького) уже успело подготовить рабочие кадры, станки крутились, молотки стучали, отвечая плакатным лозунгам: «Все для фронта, все для Победы!» Новоиспеченные кадры рабочихгодились: группу токарей направили на завод «Электроприбор». Вклад в защиту Родины измерялся сделанными деталями. Нас обеспечивали питанием. Трудности мы начали ощущать с ноября 1941 года.

Прифронтовой Ленинград отличался от мирного тишиной, щелчками метронома из уличных репродукторов, объявлениями воздушной тревоги.

Относительно интенсивные налеты вражеской авиации относились к трем первым месяцам войны. Сыпались зажигательные бомбы, которые могли стать причиной пожаров. Поэтому на чердаках домов были установлены бочки с водой и ящики с песком, рядом лежали длин-

ные кузнечные клещи и лопаты. Ленинград был готов к таким «подаркам» уже в первые дни войны. Но от фугасных бомб спасение было только в бомбоубежищах, в которые, правда, мало кто прятался. Я в нем был всего один раз, после того, как в один из налетов авиации был разрушен соседний дом. Вместо стекол пришлось использовать фанеру, не без помощи жилконтор и райкомов оказывалась помощь пострадавшим. Как и в мирное время все организации: больницы, школы, учебные заведения, хозяйственные службы — работали безотказно и слаженно даже тогда, когда кольцо блокады сомкнулось и город к зиме, в довершение основных трудностей, остался без электричества.

Мы, ремесленники, вновь оказались в училище, занимаясь, чем придется, в том числе и разборкой завалов от разрушений домов. На Петроградской стороне их было относительно немного для такого города как Ленинград. И наконец, наступило самое страшное: замерзли канализация, водопровод и... пришел голод. Это было в декабре. Первыми умирали от голода мужчины. Мой отец, Иван Иванович Писарев, работал на заводе «Пирометр» и умер 18 декабря 1941 года. Сколотив из разобранного забора гроб, мы с сестрой (старше меня на два года) на санках отвезли отца «в последний путь» на Серафимовское кладбище, где его и захоронили в братской могиле. Очередь потихоньку подкрадывалась и ко мне.

Подростки шли «вторым эшелонем» за мужчинами. В феврале 1942-го голод-

ный понос уложил меня в постель, и за ежедневными «пайками» для меня ходили старшая сестра и мама. На их долю выпало и хождение за водой к Петропавловской крепости, они привозили воду домой в ведре на санках. Санитарно-хозяйственные мероприятия по дому всецело были в их руках.

Я «догорал» как свеча. В это время нас из деревянных домов переселяли в каменные, в квартиры, освобожденные от эвакуированных. Эвакуация населения действовала по Дороге жизни постоянно.

Как ни странно, но переселение в другой дом оказалось для меня спасением. Однажды, это было уже в марте, я лежал в постели, укрывшись с головой... спал или лежал долго без движения, мечтая о еде, но желание что-нибудь съесть было уже притуплено. Я слышал, как пришли мама с сестрой (старшей, у меня их две), как они горевали мизерности принесенной мне «пайки», думали, что как-то нужно переправить меня на новую квартиру... и вдруг заметили, что я долгое время не подаю признаков жизни. А мне действительно не хотелось ни шевелиться, ни отвечать... было какое-то состояние безразличия. И тут я слышу их слезы по моей душе, они сочли меня умершим. Прежде чем дать о себе знать, я, как бы очнувшись, подумал: «Не может быть, чтобы я умер... Не может быть!..» — и пошевелился. Все встало на свои места.

Они ушли на квартиру старшей сестры (там было теплее), а я, одержимый единственной мыслью: «Мне завтра нуж-

но быть в ремесленном училище!» — встал с постели, в которую ложился не раздеваясь. Было еще светло, начало марта, 1942 год. Я вооружился палкой, взял санки, привязал к ним ножовку и тронулся в путь на новую квартиру. Квартира оказалась полуподвальным помещением из двух комнат, по всем признакам в ней жил сапожник. В шкафу лежало множество старой обуви, которой я воспользовался для отопления. Уже вечерело, в комнате стало очень тепло, и меня склонило ко сну.

Это был какой-то новый сон. Мне снилась майская демонстрация, пока меня не разбудили родные, вернувшись наутро. И вновь, во второй раз, они посчитали меня умершим. Но я жил и даже чувствовал прилив сил! От площади Льва Толстого до Пушкинской улицы, 58, то есть до ремесленного училища №4, было около двух остановок. Это расстояние я преодолел, не потеряв сознания. Один раз в училище закружилась голова, и я начал оседать на лестнице. Это длилось несколько секунд, затем я очутился в амбулатории.

Я очень часто вспоминаю врача — женщину 40 лет — ангела во плоти, вдохнувшую в мою душу жизнь. Сама тронутая голодом, осунувшаяся лицом, с большими черными глазами, твердым взглядом и материнской лаской. Такого лица я не встречал более на протяжении всей оставшейся жизни. Она была еврейкой. Температуру моего тела термометр показал не более 34,5 градуса. Пролежав в амбулатории какое-то время, я вышел из

ремесленного училища и вернулся домой с трехдневным рационом питания.

Была весна 1942 года, война в самом ожесточенном разгаре: враг был оттеснен от Москвы, приближалась битва под Сталинградом! А нас, ремесленников первого созыва из разных училищ (дистрофиков), направили в стационар на усиленное питание — в школу на Большом проспекте Петроградской стороны, переоборудованную под госпиталь. Сейчас даже трудно представить: Ленинград в кольце блокады, действует только одна Дорога жизни — через Ладогу, а руководство города, кроме военных забот, думает, как сохранить неприступность города от врага да еще заботится о рабочих кадрах. Уже было электричество, уже способные держать лопаты расчищали улицы и трамвайные пути, и первый трамвай проехал по Ленинграду предвестником будущей победы, в которой не сомневались даже дистрофики третьей степени. Наверное, не я один ожил, не мне одному вдохнула жизнь такая богоподобная женщина — врач, перед образом которой я преклоняюсь до сих пор! Она жива — пока жив я!

А в то время, когда вспыхнули лампочки на производствах и в домах, вновь завертелись станки, застучали молотки, давая помощь фронту, стали умирать женщины... Мама теряла силы. На меня обрушилась цинга, не такая коварная, как голод, но непредсказуемая. В результате было принято решение покинуть Ленинград всей семьей. Осень мы встретили далеко в Сибири.

Накануне 17-летия я был призван в армию, во флот, но до фронта добраться не удалось. Госпиталь №5 в Новосибирс-

ке отсрочил мое пребывание под Ленинградом до апреля 1944 года. К тому времени блокада была уже снята!

*Мне не приходят письма две недели.
Грань смерти с жизнью вижу очень тонкой.
Вчера бомбили, чуть ли не сгорели.
Соседке тут прислали похоронку...*

*Мы очень мерзнем, шубы не снимаем
И одеялами завесили окошки.
Дождемся встречи ли с тобой – не знаем.
Вчера делили на троих картошку.*

*А мамины котлеты, — помнишь, может, —
Бросали их за печку, не любили.*

*Три дня как съели их, я ела тоже.
Мы не смогли очистить их от пыли.*

*Мама болеет, очень ждет хоть строчку..
Моя подруга Маша умерла.
Бабушка взяла к себе ее сыночка,
И вместе с ним ее на саночках везла.*

*Мне страшно, Вань! Вокруг все умирают.
Прошу тебя, держись изо всех сил!
Никто не говорит, но каждый знает,
Как я хочу, чтоб ты, родной мой, жил!*

Тосич Евгения

Блокада в памяти сестер

ТЕВЕЛЕНОК Маргарита Павловна

У Маргариты и двух ее сестер, родившихся в Павловске, детство в этом чудесном зеленом музейном городе должно было быть обязательно счастливым. Сестры были старше ее: Людмила на полтора года, Антонина на восемь лет. Папа их, Павел Васильевич Румянцев, работал на железной дороге. Он погиб в начале Великой Отечественной войны под Ленинградом. Мама посвятила себя семье.

Когда началась война, Маргарите не было и двух лет. Все события своего раннего детства она может себе только представить из рассказов сестер.

Прежде всего, это бегство от стремительно наступающей армии фашистов. На руках у мамы, Ольги Федоровны, еще не научившаяся ходить Маргарита, а за плечами — котомка с документами и кое-какими вещичками. Антонина одной рукой тащит Людмилу, а другой — сумку с мизерным запасом продуктов. Им удалось сесть в один из последних поездов до Ленинграда. От Витебского вокзала они на трамвае добрались до Кировского (Каменноостровского) проспекта к своей родственнице. Тетя Нюра с двумя маленькими сыновьями жила в комнате в

большой коммунальной квартиры. Все расположились в этой комнате как могли.

Надо было срочно приспособливаться к новым условиям жизни. Ольга Федоровна устроилась на какую-то не требующую квалификации работу в Институт экспериментальной медицины, где работала тетя Нюра. Это позволило получить продовольственные карточки

на себя и дочерей. Людмилу и Маргариту удалось пристроить в ясли. На Антонине, десятилетней девочке, лежал теперь весь груз хозяйственных забот, потому что взрослые работали и почти не бывали дома. К счастью, магазин, в котором они получали продукты по карточкам, был расположен в том же доме, где они жили. Ведь во время блокады не потерять карточки, получить продукты и донести их до дома в целости тоже было проблемой. Повезло им еще и в том, что совсем рядом, в Институте экспериментальной медицины, оборудовали бомбоубежище.

Ни чувство голода, ни холод, ни страх при бомбежках и обстрелах Маргарита не запомнила. Смерть одного из сыновей тети Нюры в ее памяти запечатлелась просто как его исчезновение.

Тому, как семья пережила страшную первую блокадную зиму, можно только удивиться — как чуду. Конечно, большим благом было то, что две младшие девочки ходили в ясли, а значит, хоть как-то, но были накормлены.

Весна. Взрослые чистят улицы и дворы. По Кировскому проспекту к Серафимовскому кладбищу проезжают грузовые машины с трупами.

Очень хочется уехать. В исполкоме на улице Скороходова работает эвакуопункт. Антонина, которая не по годам повзрослела, оформляет там документы на эвакуацию. Собрав посылную поклажу, Ольга Федоровна с дочерьми добирается до Финляндского вокзала. Маргарита уже большая — три года, идет сама.

Дорога жизни, катер, Кобона, состав из «телячьих» вагонов. А вот где семья оказывается в конце пути, Маргарита уже помнит. Это Башкирия. Их поселили в крестьянскую семью. Основной нитью памяти девочки стало то, что было сытно. Правда, привыкнуть к необычному для русских укладу жизни было трудно. Кушать садились на пол, на ковер, вокруг большого таза, из которого еду брали руками. Наверное, эта общая сытная трапеза и стала для Маргариты ее первым ярким воспоминанием.

Дети в этом чуждом образе жизни адаптировались быстро, а вот Ольга Фе-

доровна не смогла. Через год она с детьми уехала в Калининскую область, в деревню, к своей свекрови. О жизни там у Маргариты тоже остались яркие воспоминания, но противоположные — было очень-очень голодно.

Сразу по окончании войны Ольга Федоровна вернулась в Ленинград одна, а девочек от бабушки забрала чуть позже, уже обустроившись.

У вдовы погибшего солдата теперь была только одна цель: дать возможность дочерям войти во взрослую жизнь образованными и порядочными людьми.

Маргарита стала врачом-стоматологом. С 1991 года она работает в стоматологической поликлинике №30 Калининского района, что на проспекте Науки. Маргариту Павловну знают многие жители Пискаревки. Очутившись в ее зубоврачебном кресле и ощутив ее умелые теплые руки, ее профессионализм, они зачастую становятся ее постоянными пациентами.

На восьмом десятке своих лет Маргарита Павловна ощутила, что пора больше внимания уделять своему здоровью, и в 2011 году закончила свою лекарскую деятельность.

Шелухина Наталия Виссарионовна

Воспоминания о войне

ФОЛОМОВА Галина Викентьевна

Я родилась в Гатчине 15 ноября 1934 года. Мой отец, Викентий Григорьевич Борейко, был военным летчиком, а мама, Анастасия Николаевна, домохозяйкой. В 1938 году родился мой младший братик Борис. В предвоенные годы мы жили в Ленинграде.

Известие о начале Великой Отечественной войны застало нас в зоо-саде. Мама и я с братиком беззаботно гуляли, с любопытством рассматривали животных, некоторых угощали. Особенно нам понравилась слониха Бетти. Она была любимицей всех ленинградцев, особенно детей. Она ласково и благодарно принимала от посетителей угощение, а если ей давали монетку, то она передавала ее служителю, а он за это давал ей морковку. Кто мог тогда подумать, что через два с небольшим месяца она будет убита во время одной из бомбардировок Ленинграда в самом начале блокады?!

Постепенно мы стали замечать, что радостный настрой посетителей спадает, и люди с тревогой устремляются к репродукторам. Мы тоже подошли и услышали, что началась война.

Папы тогда с нами не было. Он был командирован на Дальний Восток, а потом

получил отпуск и поехал отдохнуть. Но отдых был прерван: служебной телеграммой он был отозван в свою воинскую часть и отправлен на фронт.

В городе началась эвакуация. Женщинам, имеющим маленьких детей, настоятельно предлагалось выехать из города и указывалось, когда и куда им надлежит явиться для отъезда в тыл страны.

Мама долго тянула. Как-то не верилось, что Ленинграду действительно грозит смертельная опасность и что вражеские войска смогут так близко подойти к городу.

Но события становились все более и более грозными, и мама решилась. Нас всех разместили в товарных вагонах, и состав тронулся. Эшелон сопровождали два истребителя. Помню, что в дороге нас бомбили, поезд останавливался, и мы все прятались под вагонами. Было очень страшно, и братик почти все время плакал. Я также помню, как в небе завязался воздушный бой. Один наш самолет был сбит. О судьбе летчика я ничего не знаю: машина упала где-то далеко, и мы видели только черный хвост дыма.

Поезд двигался медленно. Он все время пропускал воинские эшелоны, которые везли на фронт бойцов и боевые орудия.

Наконец, нас довезли до города Котельничий Кировской области. Здесь мы и остались.

Местные власти помогли нам устроиться с жильем, а маме — с работой. Она стала портнихой-надомницей и шила обмундирование для военных. Мы с братиком помогали ей. Она давала нам выворачивать на правую сторону хлястики для шинелей.

В эвакуации я пошла в первый класс. Нас, школьников, тоже привлекали к труду. Мы работали на полях, собирали колоски. Руки у нас у всех были ободраны, но зато нам давали талоны на обед. Я до сих пор помню, что на первое был суп из чечевицы, на второе — картофельное пюре и два кусочка хлеба, а на третье — суфле.

С папой мы переписывались и получали от него денежный аттестат. Но потом переписка прекратилась, и мы долгое время не имели от него никаких вестей. Наконец, через военкомат мама узнала, что он был ранен и попал в окружение. Но все обошлось благополучно, нам дали его адрес, и связь с отцом возобновилась.

В Ленинграде остались мамини родители и ее сестра, которая работала в госпитале. Дедушка и бабушка умерли от голода, а тетя разыскала нас и в январе 1944 года, когда блокада была снята, прислала нам вызов.

Мы вернулись из Кировской области к себе домой. Но дома не было — его разбомбили. Долгое время жили у тети на Пушкинской улице, 11. Город был сильно разрушен, и все жители, стар и мал, принимали участие в его восстановлении, в том числе

и наша семья: мама, тетя и мы, дети, — делали, что могли.

А папа наш воевал. В составе 6-го гвардейского истребительного полка он прошел Смоленск, Сталинград, Курскую дугу и закончил свой ратный путь в Берлине. Его боевыми товарищами были трижды Герои Советского Союза Иван Кожедуб и Александр Покрышкин, а так же знаменитые асы братья Глинки.

После Победы папа получил назначение в Австрию, город Эберсдорф под Веной, и забрал нас к себе. Там я окончила четвертый и пятый классы. Потом нас вернули в СССР, где папа служил в белорусском городе Барановичи, а потом был переведен в Кенингсберг (Калининград). Здесь я училась с шестого по девятый класс, после чего мы вернулись в Ленинград.

Жизнь нашего поколения в мирное время сложилась благополучно, но какую цену это было оплачено!

Только в нашей семье от голода в блокаду умерли мои дедушка и бабушка, в 1943 году умер и дедушка моего мужа, он похоронен на Пискаревском кладбище.

У моего папы было два брата. Один, Андрей Григорьевич, под Кенингсбергом сгорел в танке. Второй, Василий Григорьевич, был в партизанском отряде и погиб в брянских лесах. Оба они были очень молоды и еще не успели создать семьи. После них не осталось ни вдов, ни детей, которые могли бы оплакать их гибель и сохранить память о них. Это должны сделать мы, живущие, хоть и в трудное, но в мирное время.

Моя семья в блокаде

Рассказы о прошлом не всегда трогают юную душу. Вот если это — история твоей семьи да еще блокадного периода... Эти страшные рассказы были собраны юными исследователями, живущими рядом с нами. Мальчиками и девочками, что учатся в ближайших школах.

Школа №159

Блокада. 900 страшных дней. Моя прабабушка Гусева Анна Петровна работала врачом в больнице им. Мечникова, лечила раненых. Она рассказывала, как люди умирали от голода, но продолжали трудиться. Умирали тысячами, и чтобы их захоронить, умерших свозили на Пискаревское кладбище. Для захоронения землю взрывали, так как она была замерзшей, и в эти котлованы складывали мертвецов. За период блокады на Пискаревском кладбище было захоронено несколько сотен тысяч детей, стариков и женщин!

Каждый год 9 Мая мы ходим на Пискаревское и несем цветы к братским могилам, чтобы почтить память этих людей.

Гусев Егор

История нашей семьи тесно переплелась с историей страны в период страшной угрозы. Мой прадед, Тимофеев Прокофий Никифорович, 1914 года рождения, уроженец деревни Ильятино Тверской губернии, воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Начав свой боевой путь

в инженерно-саперном батальоне в июле 1941 года, в ходе боевых действий был направлен в Ленинград. Трудно ему было в блокадном Ленинграде, особенно тяжело, когда получил осколочное ранение в голову. Изможденного, полуживого морозной зимней ночью его вывезли по Дороге жизни в тыл. По той самой дороге, где он воевал и был ранен. Долго прадед приходил в себя после полученной раны. Врачи говорили: не жилец. Но он справился, просто не мог не справиться — ведь в тылу его ждали жена и дети. Он был обязан поправиться, встать на ноги и идти в бой. И прадед выжил. После ранения его перевели шофером сначала в танковый, а в ноябре 1945 года — в самоходный артиллерийский полк.

В старом деревенском домике, построенном руками прадеда, стоит в одной из комнат комод, в котором лежит шкатулка с медалями и орденами. Это — награды за боевые заслуги, за то, что позволил появиться на свет моей бабушке, маме, мне. Каждый год летом я достаю эту шкатулку, вглядываюсь в надписи на медалях и орденах. Чем дольше смотрю — тем больше чувство гордости и восхищения моим прадедом! Помню, когда мне было шесть лет, я тайком от своих родителей прикреплял боевые награды прадеда на свою футболку и разглядывал себя в зер-

кале. Повзрослев, я понял, что не имею права этого делать, так как не мне были вручены эти награды.

После войны мой прадед трудился в деревне, работал водителем полуторки в колхозе. Его не стало в 1979 году. Причиной смерти был осколок в голове, который на протяжении всей жизни напоминал о себе тяжелыми головными болями и бессонницей по ночам.

О войне, невзгодах прадед говорить не любил. Лишь самый близкий ему человек, моя прабабушка, знала, какой ценой досталась вторая жизнь, которую пришлось после войны начинать с нуля.

Зиновьев Александр

Нет в России такой семьи, которую война обошла бы стороной. И в моей есть те, кто был участником Великой Отечественной войны или жил в блокадном Ленинграде.

Моя бабушка рассказывала, что ее отец работал на оборонном заводе и в армию его не взяли, поскольку он был ценным специалистом, поэтому вся ее семья оказалась в блокаде.

В домах не было ни воды, ни электричества, квартиры отапливали «буржуйками», в которых жгли все, что могло гореть. Однажды на площадь упал снаряд и образовалась воронка. Она наполнилась водой от снега, и люди приходили брать

воду из этой воронки. Летом 1942 года завод, на котором работал прадедушка, эвакуировали в Сибирь. Вместе с ним уехала и семья. Через Ладожское озеро по Дороге жизни их перевозили на корабле. Когда начинался обстрел, люди прятались в трюмах. Рядом с кораблем взорвалась бомба, и они чуть не погибли. До Сибири семья добралась, но там мой прадедушка вскоре умер от болезней и истощения.

Моя другая бабушка тоже оказалась с семьей в блокадном Ленинграде. Ее папа был военным, служил в Правобережном военном округе.

Бабушка была тогда маленькой девочкой. От недостатка еды она не могла ходить и говорила: «Мои ножки не ходят, потому что хлебушка хотят».

Прадед погиб при обстреле зимой 1942 года. Его похоронили на Волковском кладбище. Когда его хоронили, был такой сильный обстрел, что когда прабабушка после войны попала на кладбище, она не могла найти могилу мужа.

Вскоре после гибели прадедушки его семью эвакуировали в тыл. Вывозили на машинах по льду Ладожского озера. Во время стоянки поезда прабабушка пошла за водой. Ее долго не было, и все уже думали, что она погибла, однако остались ждать ее на станции, а поезд ушел. Но прабабушка вернулась, и они уехали на следующем поезде. А вскоре выяснилось, что в поезд, на котором они ехали сначала, попала фашистская бомба, и он сгорел. Мои родственники чудом спаслись!

В жизни моих бабушек есть два самых главных праздника: 27 января и 9 Мая. Мы всегда их поздравляем.

Зубко Арина

Мой прадедушка Сергей воевал в пехоте и погиб в первые месяцы войны под Новгородом.

Его жена Аля, моя прабабушка, жила в блокадном Ленинграде. У нее были маленькие дети: трехмесячный Володя и трехлетняя Ира, поэтому она не работала.

Во время эвакуации по льду Ладожского озера на Урал в апреле 1942 года Володя заболел воспалением легких и вскоре умер. Похоронив его, Аля попала в больницу, где ей самой с трудом удалось избежать смерти. Мама с дочкой вернулись в Ленинград в 1944 году, но Иру из-за истощения не взяли в школу.

Дедушке Аркадию в начале войны был 31 год. Он не воевал, но внес вклад в победу, работая на Металлическом заводе. В военную пору ЛМЗ поставлял на фронт танки. И дедушка был награжден значком «Почетный танкист» и медалью «За оборону Ленинграда».

Королева Галина

Школа №653

У нас есть семейная реликвия — письмо моего прадедушки с фронта. Это — единственная память о нем.

Письмо сложено треугольником, так как в войну конвертов не было. Оно очень старое и рваное, но вот уже более 60 лет мы его бережно храним. Иногда я представляю, как прадедушка пишет и перечитывает это письмо в редкие перерывы между боями. Ведь он держал его в своих руках, а теперь это письмо держу я! К сожалению, текст местами почти стерся, ведь прошло так много лет...

Мой прадедушка героически сражался на Ленинградском фронте, защищал наш город от врага. Когда прадедушка приходил навестить свою семью, он отдавал продукты из своего скудного солдатского пайка, чем помог выжить своим родным. Но город был в блокаде, и не все смогли дожить до Победы — четверо умерли от голода.

Последнее письмо от прадеда было получено в октябре 1943 года, а в ноябре в семью пришло горе — принесли извещение о смерти прадедушки.

Извещение №381

Ваш муж, сержант Поляков Николай Степанович, уроженец Саратовской области Аткарского района, с. Н. Осиповка, 1912 года рождения, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, умер от ран 8 ноября 1943 года.

*Похоронен на станции Шлиссельбург
Морозовский Ленинградской области.*

*6/2 45 г. Районный военный комиссар
полковник...*

Я горжусь своим прадедушкой, но я бы хотел, чтобы он был с нами рядом.

Фадеев Руслан, 5-б класс

Моя прабабушка, Панина Антонина Петровна, родилась в Старопаново в 1932 году. Когда началась Великая Отечественная война, ей было всего девять лет, а ее сестре Гале — три года. Когда немцы стали наступать, они с моей прапрабабушкой Катей уехали из Старопаново в Ленинград буквально на последнем трамвае, не успев взять ничего кроме документов.

В Ленинграде они поселились у тети, недалеко от Финляндского вокзала. Ба-

*Я залпы пушек вижу вдалеке,
Но смог и пыль опять мешают взору.
А я хочу увидеть небо на заре
И зелень на ветвях, что ярче изумрудов.
Но вместо этого — в руках холодный нож,
И я иду вперед сквозь полчища врагов.
Я верю, что победа близко!
Горит земля, и небо низко,
Замолкли пушки. Тишина...
А может быть, закончилась война?*

*Воронцова Татьяна,
школа №156*

бушка Катя работала на складах, которые находились в районе Автово. На работу ходила пешком, поэтому дома появлялась раз в два или три дня, чтобы узнать, живы ли ее девочки.

На руках у Тоси была маленькая сестренка Галя. Во время бомбежек Тося брала маленький чемоданчик, Галю — за руку и бежала в бомбоубежище.

За водой она ходила на Неву. Однажды она донесла воду до самого дома, но случайно споткнулась и пролила, пришлось идти заново.

Время было голодное, хлеба выдавали по карточкам мало. Один раз она уже почти донесла хлеб до дома, как вдруг какой-то парень бросился к ней и вцепился в хлеб. Тося держала как могла, но ему все-таки удалось оторвать часть мякиша. Когда она принесла хлеб домой, тетя ей не поверила. Она считала, что Тося съела этот кусок. Прабабушка Тося до сих пор не может вспоминать этот момент без слез.

Клочковская Юлия

Я жила в оккупации

НИКУЛЕНКО (Яблонская) Галина Михайловна

Я родилась в Белоруссии, в деревне Жолново Полоцкого района Витебской области. Отец и мать были колхозниками. Нас, детей, было трое. Брат 1930 года рождения, я — 1932-го и маленький братик. Он умер в девять месяцев.

Немцы продвигались очень быстро, и мы уже первого июля 1941 года оказались в оккупации. Мне было девять лет, и мне было очень страшно. Нас обстреливали и бомбили. Гибло очень много народу, в том числе родственников и знакомых. наших мужчин не успели призвать в армию, и они все ушли в лес, воевали в партизанских отрядах, а после освобождения они все (и наш папа тоже) были мобилизованы в Советскую Армию и сражались на фронте. Отец воевал всего несколько месяцев. Уже осенью 1944 года мы получили извещение, что 11 августа 1944 года Яблонский Михаил Васильевич погиб в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество.

Страшного было много. Днем хозяйничали немцы — приходили карательные отряды. Ночью приходили партизаны. Они выполняли разные задания, и многие жители деревни им помогали. Белорусские партизаны воевали отважно. Оккупанты их боялись: немцам даже не разрешали ночью появляться на улицах и ходить поодиночке днем в лес.

Мы с братом ходили к партизанам, носили им передачи от взрослых. Мы вели

себя очень осторожно. Фашисты очень жестоко карали за связь с партизанами. Они расстреляли бы не только нас, если бы поймали, но и всех родственников и соседей. Слава Богу, этого не случилось!

Я помню один бой немцев с партизанами у нас в деревне. Тогда погибли не только люди, но и много лошадей: загорелась конюшня, двери были заперты, а открыть их было некому...

Перед отступлением немцы все грабили. Нагло требовали: «Матка, яйца, сало...» Через несколько дней наши солдаты гнали пленных немцев через всю деревню. Оккупация закончилась, но многих близких не стало: погиб папа, в 1943 году убили дедушку и бабушку, дядя Сережа пропал без вести, у мамы стало сильно болеть сердце и в 1950 году она тоже умерла.

После освобождения работали в колхозе, брата взяли в армию и отправили в Ле-

нинград, там он прослужил четыре года, а после демобилизации уехал на целину.

Я осталась в деревне совсем одна. Жить было очень трудно, и я поехала в Ленинград к родственникам — тетушке Зинаиде и ее маме. Главой семьи был муж Зинаиды Николай Павлович Симоняк. Он был крупным военачальником, генерал-майором, его знали и уважали в городе. Он многое сделал для освобождения Ленинграда от блокады.

Николай Павлович и вся его семья очень тепло отнеслись ко мне. Помогли

с пропиской, устроили в ФЗУ. Я получила специальность ровничницы и много лет проработала на прядильно-ниточном комбинате им. С. М. Кирова. Вышла замуж. У меня две дочери, внуки и правнучка. Ей два годика.

Здоровье у меня слабое, все-таки пережитое сказывается, но я хочу жить долго за всех своих родных и близких, погибших в Великую Отечественную войну. Вечная им память им вечный покой! А молодым хочу пожелать, чтобы они никогда не пережили того, что выпало на нашу долю.

*Опять наш взвод попал в засаду,
Зенитки били на убой.
Я знал, уверен был: погибнем все,
Но приняли мы бой.
Железный зверь, мой верный друг,
Взял на себя он мой испуг:
Рванул всю землю под собой,
Раздался по округе вой.
Влетели рысью в стан врага,
Горели танки до утра.*

*И вдруг — настала тишина:
И ни своих, и ни чужих.
Вокруг — останки молодых.
А ворон на ветвях молчит,
И мой железный зверь дрожит.
И всюду — вспаханные рвы.
Остался я... Друзья — мертвы.*

*Бабинцев Максим,
школа №156*

Войну мы пережили в Керчи

АНДРЭ Луиза Эриховна

До войны мы жили в Ленинграде на улице Блохина. Отца звали Эрих Генрихович, мать — Кира Яковлевна.

Папа происходил из семьи обрусевших немцев. По специальности он был врачом высокой квалификации. В 1930-х годах на его судьбу выпали тяжелые испытания, в результате которых он оказался в Архангельской области, где практикующим врачом и прожил до конца своих дней. Он умер в 1977 году. Наша семья так и не воссоединилась.

В 1934 году, когда я должна была появиться на свет, моя мама поехала в Керчь, где жили ее мать и сестра. Там я и родилась. Когда мы обе окрепли, то вернулись в Ленинград.

Летом 1941 года мама решила отвезти меня на лето к бабушке в Крым. Мы приехали в надежде хорошо отдохнуть у моря среди близких нам людей. Но все рухнуло — 22 июня началась Великая Отечественная война. Вернуться домой в Ленинград нам не разрешили, и мы остались в Керчи у бабушки. Так как мы ехали просто на отдых, то остались без вещей и практически без средств к существованию.

Керчь немцы брали дважды и очень сильно бомбили. К концу войны от города остались одни руины. Во время бомбежки я от страха пряталась под кровать и брала с собой игрушки. Хорошо помню, как наши прожектора ловили немецкие самолеты. Прожекторов было много. Освещались ярко не только вражеские самолеты, но и бабушкин дом и двор.

Самым страшным было уничтожение еврейских семей. Сколько их полегло!.. Я подслушала разговор старших — людей закапывали живыми. Рядом с нами жила еврейская семья, и я дружила с их дочерью, а потом узнала, что с ними поступили так же, и девочка, моя подружка, погибла. Я тогда сильно плакала и по сей день с болью в сердце вспоминаю и ужасаюсь ее страшной судьбе. В ряде случаев эти семьи выдавали предатели, которые сотрудничали с немцами.

Наши новые немецкие власти эвакуировали всех жителей Керчи за сорок километров от города. Нас это тоже коснулось. Мы оказались в деревне Ново-Алексеевка (сейчас ее не существует).

Все необходимое дедушка вез на тачке, а мы шли за ним пешком сорок ки-

лометров, да еще немцы, сопровождавшие жителей города, подгоняли нас плетками.

У бабушки в деревне, куда нас пригнали, была знакомая, которая нас приютила. Но сначала мы десять дней жили в хлеву вместе с коровой и только потом перешли в дом.

Молодой человек, племянник нашей хозяйки, организовал партизанский отряд, который храбро сражался с оккупантами. Он до сих пор жив, ему 85 лет — это Костовский Василий Александрович, почетный гражданин города Керчь.

Мою тетю хотели отправить в Германию, но мама уложила сестру в постель, положила градусник. Мама владела пятью языками и в совершенстве знала немецкий, и когда немцы пришли забирать ее сестру, она им на их чистейшем родном языке объяснила, что эта женщина страдает инфекционным заболеванием, и они быстро ушли. Так мама спасла свою сестру.

В Керчь мы вернулись через год. Практически весь город был разрушен, но наш дом не пострадал — в нем жил генерал, и поэтому в доме ничего не тронули.

Вместе со всеми советскими людьми керчане поклялись выстоять в этой войне и не склонили головы перед захватчиками. В историю Великой Отечественной войны вошла героическая оборона в каменоломнях близ поселка Аджимушкай, которая длилась 170 дней — со вто-

рой половины мая до конца октября 1942 года. В каменоломнях укрывалось более десяти тысяч человек военных и мирного населения. Командовал обороной полковник П. М. Ягунов. Несмотря на все усилия гитлеровцев и даже предпринятую ими газовую атаку, аджимушкайцы выдержали все и победили.

В ноябре 1943 года район Аджимушкай был освобожден частями Красной Армии. Среди бойцов, освобождавших Керчь, был правнук Александра Сергеевича Пушкина Григорий Григорьевич Пушкин.

В Ленинград мы с мамой вернулись в 1948 году. Квартира наша была занята, и долгое время нам пришлось скитаться. Наконец, мама устроилась на работу в техническую библиотеку завода «Электрик», который предоставил нам место в общежитии.

Я окончила школу, затем радиотехнический факультет Северо-Западного политехнического института. 31 год преподавала в профессионально-техническом училище.

Вышла замуж, но семейная жизнь была недолгой. Муж умер через двенадцать лет. Мамы не стало в 1995 году.

Прошло много лет, но пережитое не забывается. Неизбывное горе принесла война людям. Никогда до конца не зарубцуются нанесенные ею раны.

И вечно гореть огню, призывающему: «Помните, люди!»

Содержание

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

НАРЫШКИН Сергей Евгеньевич, председатель Государственной Думы, председатель Российского исторического общества	4
НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич, председатель Комитета Государственной Думы по образованию, председатель правления фонда «Русский мир»	5
Депутаты муниципального образования Пискаревка:	
Алла Александровна САМОХВАЛОВА	6
Вера Владимировна СЕРГЕЕВА	6
Владимир Борисович АБРАМОВ.	6
Маргарита Олеговна ОРЛИНСКАЯ	6
Виктория Николаевна ЕВДОКИМОВА	6
Елена Самвеловна НИКОЛАЕВА	7
Виктория Евгеньевна АНДРОСОВА	7
Константин Юрьевич ПОПОВ	7
Алексей Викторович КОВАЛЕВ	7
Алексей Викторович КУРЛОВ	7
Великая Отечественная война (1941-1945): что это было? <i>В. А. Томсинов</i>	8
Великая Победа и современные интересы международной безопасности. <i>М. А. Гареев</i>	24
Санкт-Петербургское открытое акционерное общество «Красный Октябрь».	
Вклад коллектива предприятия в Великую Победу	35

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

ВЕЛИКАНОВ Модест Константинович	51
ГАЗОВ Владимир Тимофеевич	51
БАРМЫШЕВ Сергей Федорович	52
БЛОТНЕР Федор Александрович	53
ГАДАЛОВ Михаил Николаевич	54
ДРЕМАЙЛОВ Петр Терентьевич	55
ГРАЩЕНКОВ Борис Петрович.	55
ИВАНОВ Яков Степанович	55
ДАНИЛЕНКО Александр Никитович	56
ДОЛГОВ Михаил Александрович	57
КРОПОТОВА Нина Алексеевна	57
ЗОЛОТОВ Сергей Васильевич	58
ЛАЗУТКИН Михаил Григорьевич	59
КИРИЛЛОВ Павел Владимирович	59
МАКСИМОВ Тимофей Семенович	59
ЛАНСКИХ Николай Ефанович.	60
ЛУКЪЯНЕНКО Константин Иванович	61
ЛЮТИКОВ Георгий Григорьевич	61
МАМАЙ Николай Алексеевич	62
РЫЖОВ Павел Павлович	62
ПАВЛИХИН Алексей Дмитриевич	63
МОРОЗОВ Федор Александрович.	63
ПОПОВ Анатолий Александрович.	63
РОСЛЯКОВ Николай Николаевич	64

САМОХВАЛОВА Анастасия Семеновна	65
СИРОТКИН Юрий Вячеславович	65
СОКОЛОВ Иосиф Сергеевич	65
САВИН Федор Иванович	66
СЕРГЕЕВ Николай Андреевич	67
СОКОЛОВ Петр Иванович	68
СОШЕНКО Василий Иванович	68
СПИГИН Федор Иванович	69
ЩЁЛОКОВ Анатолий Васильевич	69
ФЕТИСОВ Василий Петрович	70
ТОМИЛОВ Всеволод Иванович	70
ФИЛИППОВ Алексей Петрович	70

ПОЛЕВАЯ ПОЧТА	71
-------------------------	----

ВОЙНА

ЕРМАКОВ Павел Николаевич. Военные дороги моего отца. <i>Н. П. Егорова</i>	81
ИСАБЕКОВ Магруп Балтабаевич. Война глазами солдата	83
ЛИННИКОВ Александр Тимофеевич. Никто не забыт и ничто не забыто. <i>М. Яковлева</i>	94
РАЗИН Анатолий Федорович. Подвиг летчика	98
Мои дедушки воевали. ПАНТЕЛЕЕВ Петр Григорьевич, АЛЕКСЕЕВ Александр Андреевич. <i>М. Ю. Мукбиль</i>	102
Деды. 70 лет спустя. ВЕСНИН Александр, ВЛАСОВ Александр. <i>Д. Кудряшова</i>	106
История жизни моих прадедов — история моей страны. МЕЛЬНИЧЕНКО Владимир Григорьевич, ПАНЬКОВ Михаил Петрович, БЕЛЯВИН Сергей Николаевич. <i>Д. Паньков</i>	111
БАРАНОВ Лев Георгиевич	120

БЛОКАДА

АРБИНСКАЯ Раиса Михайловна. Как мы, дети, защищали наш город во время блокады.	129
БЕЛЯЕВ Игорь Михайлович. Мои воспоминания о войне и блокаде Ленинграда	132
БРЮС Леонид Васильевич. Воспоминания о блокаде.	182
ВОЕВОДЕНКОВА Елена Александровна. Я помню...	191
ГАЛАКТИОНОВА Вера Ивановна. Великое имя — Ленинград	198
ГОЛИКОВА Валентина Васильевна. Моя блокадная юность. <i>А. А. Самохвалова</i>	206
ДЗЫНДРА Иосиф Максимович и Мария Егоровна. Мы в ответе за память. <i>Л. И. Краскана</i>	209
ЕВСТИФЕЕВ Валентин Анатольевич. Мы жили на улице Рубинштейна	211
ИВАНОВА Валентина Петровна. Когда я вспоминаю блокаду...	213
ИВАНОВА (Николаева) Нина Ивановна. Я хорошо помню, что было с нами.	216
КНЯЗЕВА (Калинина) Лениана Алексеевна. Судьба хранила нашу семью	218
КОКОРЕВА Елена Петровна. Мой родной завод имени Карла Маркса	228
ЛЕВИНА Зоя Константиновна. Наша семья в блокаде. <i>Л. Н. Зенкина</i>	229
МАРТТИЛА Елена Оскаровна. Лица блокады. <i>С. В. Магаева</i>	231
ПИСАРЕВ Станислав Иванович. Моя юность и блокада.	238
ТЕВЕЛЕНОК Маргарита Павловна. Блокада в памяти сестер. <i>Н.В, Шелухина</i>	242
ФОЛОМОВА Галина Викентьевна. Воспоминания о войне. <i>Л. Н. Зенкина</i>	244
Моя семья в блокаде. <i>Школьные сочинения</i>	246

НИКУЛЕНКО (Яблонская) Галина Михайловна. Я жила в оккупации	250
АНДРЭ Луиза Эриховна. Войну мы пережили в Керчи.	252

**Внутригородское муниципальное образование Санкт-Петербурга
Муниципальный округ Пискаревка**

Инициатива издания:
муниципальный совет внутригородского
муниципального образования Санкт-Петербурга
муниципальный округ Пискаревка

Автор концепции и руководитель проекта:
В. В. Сергеева

Ответственные редакторы:
А. А. Самохвалова, А. В. Мигунова, Е. Г. Шемеленкова

Компьютерная верстка, обработка иллюстраций:
Е. С. Липатова

Корректор
Ж. А. Мозговая

Формат 60x90 ¹/₈. Печать офсетная. Гарнитура Petersburg.
Бумага мелованная 170 г/м². Заказ № . Тираж 1000 экз.